

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Петриков Константин Александрович

**Вольное экономическое общество
как социокультурный феномен России второй половины XVIII века**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
к.и.н. И.П. Кулакова

Москва – 2024

Введение.....	4
Глава 1. Учреждение Вольного экономического общества и социокультурный контекст эпохи Просвещения.....	46
1.1. <i>Экономическое просвещение.....</i>	49
1.1.1. «Узнать внутреннее состояние здешних провинций...»: экономия, натуральная история и исправление нравов.....	53
1.1.2. Экономическое просвещение в России.....	57
1.1.3. ВЭО в контексте экономического просвещения начала правления Екатерины II: «Наказ», камерализм, популяционизм и роль дворянства	62
1. 2. <i>Прикладное научное знание и публика.....</i>	69
1.2.1. Пространство научной коммуникации эпохи Просвещения.....	69
1.2.2. Читательская среда и академическая культура в России.....	78
1.2.3. «Науки и опыты просвещенного человека...»: экономическое просвещение и публичная сфера.....	85
1.3 <i>Экономические общества второй половины XVIII в.: к проблеме сравнительного анализа.....</i>	87
1.3.1. Экономические общества: от британских островов к общему феномену эпохи Просвещения.....	88
1.3.2. Проекты альтернативных институтов и учреждение ВЭО.....	97
1.3.3. Учреждение ВЭО: основные параметры.....	102
Глава 2. Вольное экономическое общество в правление Екатерины II	106
2.1. <i>Социальный портрет ВЭО и основные направления его работы, 1765–1796 гг. Вопрос о периодизации.....</i>	107
2.1.1. ВЭО в 1765–1775 гг.	109
2.1.2. ВЭО в 1776–1796 гг. Устав о корреспондентах 1790 г.....	137
2.1.3. Некоторые дополнения к вопросу об участии ВЭО в системе международной научной коммуникации, 1765–1796 гг.....	160
2.2. <i>Редакционная политика и риторика.....</i>	169
2.2.1. О некоторых аспектах редакционной политики.....	170
2.2.2. «Императорское общество»: панегирические тексты в «Трудах» и формы коммуникации с монархом.....	187
2.2.3. Патриотическая риторика: общественное благо и частный интерес, роль науки.....	200
2.3. <i>Об опыте работы ВЭО в правление Екатерины II. Промежуточные выводы.....</i>	214
Глава 3. Вольное экономическое общество в правление Павла I.....	221
3.1. <i>Статус общества в правление Павла I. Отношения с государственными учреждениями.....</i>	221
3.2. <i>К вопросу о социальной базе ВЭО и его читательской аудитории.....</i>	231
3.2.1. Издание «Деревенского Зеркала».....	231

3.2.2. Социальный состав общества.....	238
3.2.3. Внутренняя жизнь общества	243
3.3. <i>Международные контакты ВЭО, 1797–1801 гг.</i>	250
Заключение	256
Источники и литература	263
Приложение.....	300

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования. Вольное экономическое общество (далее – ВЭО или Общество), основанное в 1765 г., стало первым в России общественным объединением, получившим утвержденный верховной властью устав. Российские элиты, знакомые с актуальным опытом стран Европы, остро осознавали необходимость создания нового института, который мог бы обеспечить получение достоверных и практически применимых знаний для повышения эффективности частной и государственной экономики, продвижение желательных форм социальной активности и самоорганизации подданных, а также способствовал бы росту престижа государства. Диссертационное исследование основано на комплексном изучении ряда социокультурных процессов в российском и общеевропейском контекстах, результатом которых стало учреждение и деятельность ВЭО и тем самым оказавших заметное влияние на развитие общественной жизни в России.

Объект и предмет исследования. Объектом изучения является ВЭО как особый институт российского общества второй половины XVIII в. и европейской культуры Просвещения. Предмет настоящей работы – процессы, приведшие к учреждению ВЭО, публичная и непубличная деятельность данной организации, различные формы социальной активности связанных с Обществом людей и институтов, вступавших с ним в коммуникацию.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1765–1801 гг. Нижняя граница отсчитывается от даты учреждения ВЭО, верхняя – отмечает дату смерти императора Павла I и начало нового этапа развития Общества в правление Александра I. С целью исследования социокультурных предпосылок создания первой российской общественной организации представлялось целесообразным обращение и к более раннему времени.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом, прежде всего они включают территории России, а также стран европейской культуры, в которых действовали экономические общества.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – проанализировать деятельность ВЭО, его сочленов и других связанных с ним акторов, выявить специфику данного института в контексте социокультурных процессов эпохи Просвещения. Поставленная цель предполагает решение трех задач:

– определить факторы, повлиявшие на возникновение и развитие модели экономического общества в Европе середины – второй половины XVIII в., а также на процесс ее трансфера в Россию;

– изучить основные параметры деятельности ВЭО в правление Екатерины II (внутреннее устройство и регламенты ВЭО, динамика и структура его численного состава, стратегии самореализации сочленов различного социального статуса; инструменты, которые Общество задействовало для привлечения новых сочленов, организации сбора и распространения знаний, выстраивания коммуникации в международном, национальном и региональном масштабах; развитие комплекса идей и символов, с помощью которых оно позиционировало себя в российском и международном культурных пространствах);

– реконструировать работу ВЭО в правление Павла I, проанализировать социальный состав организации и основные векторы ее деятельности в этот период (коммуникация с монархом, двором и государственными учреждениями, взаимодействие с российским социумом, реализация издательских проектов, а также выстраивание международных связей).

Методологическую основу исследования составили ключевые принципы исторического исследования: историзм, научная объективность и системность. Основным для работы является социокультурный подход, в соответствии с которым автор исходит из «понимания единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека»¹, и того, что «в объективном мире есть такие реалии, которые недостаточно обозначить как культурные или как социальные, в связи с тем, что такое

---

¹ Ланин Н.И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3.

описание будет неполным»². Для решения задач исследования задействуются также методы сравнительного анализа³ и интеллектуальной истории.

Научная новизна исследования состоит в системном ракурсе рассмотрения истории ВЭО второй половины XVIII – начала XIX вв. Задействование комплекса источников дает возможность более полно раскрыть деятельность ВЭО на всем протяжении изучаемого периода, включая ранее неизученный этап его работы в правление Павла I. Привлечение наработок современной историографии, посвященной социальной жизни и интеллектуальным течениям европейской и российской культуры в XVIII в., позволило дополнить сложившиеся в отечественной и зарубежной историографии представления о специфике ВЭО в контекстах истории России и европейской культуры эпохи Просвещения.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования дополняют представления о процессе становления общественной жизни в России и ставят его в контекст европейских тенденций. Предлагаемый подход возможно использовать при дальнейшем изучении феномена экономического просвещения на российском материале, а также процесса развития публичной сферы в России второй половины XVIII века, в том числе посредством сравнительного анализа их социокультурных особенностей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и материалы могут быть использованы при дальнейшем изучении истории российских общественных объединений, разработке общих и специальных курсов по истории России XVIII в.

Достоверность результатов исследования определяется широтой его источниковой базы, состоящей из комплекса опубликованных и архивных материалов ВЭО, а также дополнительных источников, в которых раскрывается социокультурный контекст деятельности данной организации.

---

² Рудакова И.В. Социокультурный подход как методологический принцип // Манускрипт. 2017. № 11 (85). С. 159.

³ Confino M. Russia Before The “Radiant Future”: Essays in Modern History, Culture, and Society. Berghahn Books, 2011. P. 119–121.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в 4 научных работах автора общим объемом 4,2 п.л. в рецензируемых научных журналах, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Учреждение ВЭО в 1765 г. целесообразно изучать в контексте феномена «экономического просвещения» и распространения экономических обществ в европейском культурном пространстве середины – второй половины XVIII в. с целью обеспечить развитие экономики посредством прикладного использования науки, совершенствования методов хозяйствования и исправления общественных нравов.

2. Особенности трансфера модели экономического общества в Россию были обусловлены тем, что часть российских элит рассматривала ВЭО (в русле распространения патриотических идей и развития публичной сферы) как новый способ организации взаимодействия различных групп между собой и с властью, обещающий успешное экономическое развитие государства, а также видела в нем инструмент укрепления престижа российской монархии.

3. Адаптация модели экономического общества к российским социокультурным реалиям в период правления Екатерины II проходила усилиями небольшого числа представителей генералитета, «просвещенных

дворян», сотрудников Академии наук и специалистов ряда интеллектуальных профессий на фоне роста общественного интереса к экономической проблематике и новым формам гражданской жизни, в том числе у представителей купечества, духовенства и ряда других социальных групп.

4. Особенности модели ВЭО определялись положением его в структуре российского социума как самоуправляемой, однако не полностью автономной по отношению к государству организации, что отразилось в особом риторическом стиле текстов, основанном на сочетании идей общего блага, общегражданского патриотизма и мифологизации образа монарха.

5. В правление Павла I сохранялась преемственность принципов организации ВЭО с принципами предыдущего периода как покровительствуемой монархом вольной организации при некотором замыкании состава Общества в верхних стратах российского социума (следствие введения элементов имущественного ценза).

6. В период 1797–1801 гг. ВЭО шире использовало новые инструменты влияния на публичную сферу (прежде всего ориентированный на массового читателя издательский проект «Деревенское зеркало») при одновременном стремлении обеспечить себе финансирование со стороны Кабинета, а также стремилось поддерживать на прежнем уровне международные связи, несмотря на ухудшавшуюся международную обстановку.

Источниками исследования стали опубликованные и архивные материалы, связанные с деятельностью ВЭО, а также ряд документов, раскрывающих представления Екатерины II, правящих и интеллектуальных элит о предмете экономии, понимания ими общественных процессов, анализ которых позволяет более полно раскрыть социокультурный контекст учреждения и работы Общества.

В первую группу источников входят печатные издания ВЭО. К их числу относятся 54 тома периодического издания «Трудов» ИВЭО, вышедших в

период с 1765 по 1802 гг.⁴, сборники «Еженедельных сочинений», изданные в 1788–1789 гг.⁵ и три тома «Деревенского зеркала» 1798–1799 гг.⁶

При выбранном исследовательском подходе к наиболее значимым категориям источников, содержащихся в данных изданиях, прежде всего относятся **пофамильные списки** вновь вступивших членов ВЭО. Они помещались в каждом выпуске «Трудов» (как правило на первых страницах) и представляли собой пронумерованный перечень имен новых сочленов и корреспондентов ВЭО за период от выхода предыдущего номера. Помимо данных об именах, в них указывались сведения о подданстве, социальном положении (сословная принадлежность, чин, место службы), государственных наградах, реже месте жительства, а также год вступления. Вместе с данными списками назывались имена отправляющих руководящие и технические должности в данное время (Президента, секретарей, членов Комитета).

С целью репрезентации своей деятельности Общество также публиковало сводные реестры, содержащие аналогичную спискам информацию от даты учреждения. В отличие от списков в «Трудах» в них указывалась точная дата (день, месяц) вступления⁷. Впервые подобный материал был представлен в первом номере Продолжения Трудов ИВЭО в 1779 г. В 1792-93 гг. отдельным изданием на русском и немецком языках был напечатан соответствующий реестр с информацией по 11 декабря 1792 г. включительно⁸.

---

⁴ Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1–30, Ч. I–XXX, СПб., 1765–1775; Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 31–49, Ч. I–XIX, СПб., 1779–1794; Новое Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 50–54, Ч. I–III, LIV, СПб., 1795–1802.

⁵ Еженедельные известия Вольного экономического общества. 1788[–1789] года. - СПб.: Тип. Горного училища, [1788–1789].

⁶ Деревенское зеркало или Общеприятная книга.: Сочинена не только чтоб ее читать, но чтоб по ней исполнять: [в 3 ч.]. СПб., 1788–1789.

⁷ Реестр Господам членам Вольного Экономического Общества // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 31. Ч. I. СПб, 1779. Без пагинации.

⁸ Список членам Вольного экономического общества в Санктпетербурге. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_24938/ (дата обращения: 25.08.2023).

В результате анализа данных списков были выявлены 675 персоналий членов ВЭО и 47 корреспондентов. Полученная информация позволяет во всей полноте реконструировать состав организации и делает возможным анализ его динамики. Подобная работа проводилась ранее американскими историками Дж. Брауном (на основании данных немецких переводных изданий «Трудов», также содержащих реестры)⁹ и К. Леки (опиравшегося на русскоязычные издания «Трудов»), однако в них сведения о сочленах и корреспондентах прослеживаются только до 1796 г. включительно¹⁰.

В этой связи следует также отметить, что делопроизводство Общества по вопросам членства велось с определенными ошибками (например, информация о вступлении могла быть утеряна, а человеку предложено заново вступить в организацию). Исходя из этого мы, стремясь в максимально возможной полноте воссоздать коллективный портрет первой официальной общественной организации, включали все указанные в списках и реестрах уникальные имена, даже если их членство не подтверждалось перекрестным анализом (например, три персоналии, указанные в реестре 1792 г., не упоминаются в соответствующих пофамильных списках).

В других рассматриваемых в настоящем исследовании изданиях ВЭО (Еженедельные сочинения, Деревенское Зеркало), как и во многих других публикациях той эпохи (но не в «Трудах»), помещались **списки подписчиков**, содержащие информацию об их именах, месте проживания и социальном статусе. Данная информация (169 подписчиков «Еженедельных сочинений» и 214 «Деревенского зеркала») позволила составить социальный портрет читателя указанных изданий.

Исследование внутренней жизни Общества и саморепрезентации его авторов проводилось при помощи текстологического анализа **редакторских и авторских текстов** в «Трудах».

---

⁹ *Brown J.H.* The Free Economic Society and the Nobility, 1765–96: Some Observations // *Canadian-American Slavic Studies*, 14, No. 3 (Fall 1980), pp. 427–35.

¹⁰ *Leckey C.* Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in eighteenth-century Russia, 2011. Newark: University of Delaware Press. P. 38–39.

К первой категории мы относим материалы, публикуемые в «Трудах» от имени самого ВЭО или его руководства. В их число входят три редакции уставных документов (1765, 1770, 1790 гг. соответственно), в которых определялись основные параметры работы организации, ее цели и задачи, подробно регламентировались обязанности сочленов, инструменты взаимодействия с внешним миром¹¹. Так, первая версия Устава состояла из четырех глав («О избрании Президента, секретарей, казначея и членов», «О должности Президента», «О должностях секретарей и казначея», «О должностях членов, корреспондентов и аускултантов»). Во второй версии к ним были добавлены «О собраниях», «О комитетах», «О сочинениях», «О награждениях» и неназванная IX главка с отдельными добавлениями. Устав 1790 г. фактически дополнял четвертую главу первоначального документа в отношении категории корреспондентов.

Анализ изменений оригинальных уставных документов позволяет выявить ключевые направления развития ВЭО в указанный период. Первым на перспективность подобного анализа обратил внимание еще А.И. Ходнев, проиллюстрировавший свою работу сопоставлениями отдельных положений уставов. Однако они носили преимущественно описательный характер. В контексте нашего исследования наибольшей значимостью обладает четвертая глава «о должностях», наиболее часто изменяемая часть уставов.

Отметим, что важным дополнением к уставным документам, в том, что касается изучения идейной основы деятельности Общества и оценки некоторых направлений рефлексии его учредителей о ключевых параметрах первой общественной организации, ее целях и задачах, (например, в данной работе отдельно ставится вопрос о финансовых обязательствах сочленов

---

¹¹ Устав // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации; Устав Вольного Экономического Общества с пополнениями к прежнему, утвержденный общим согласием Членов Февраля 24 дня, 1770 года // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 17, Ч. XVII. СПб: морской шляхетный кадетский Корпус, 1770. С. 190–213; Устав о корреспондентах // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. Т. 41, Ч. XI. СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. 226–235.

перед ней), являются хронологически предшествующие первому Уставу учредительные материалы (План Вольного экономического общества, Предупреждение к «Трудам», а также письмо императрицы учредителям ВЭО). Они были опубликованы в первом выпуске периодического издания¹².

Другой категорией редакторских текстов, повсеместно встречающихся на протяжении изучаемого периода, были **объявления** об организации и проведении конкурсов письменных работ и **сообщения** о вручении призов. История и состав данного источникового комплекса были изучены в работе А.И. Ходнева и опубликованы там же в виде сводного списка из 139 подобных задач, обнародованных с 1765 по 1800 гг. включительно без дополнительной систематизации и обобщения выводов¹³. В приведенном исследователем списке обозначены тематика конкурса, время его проведения, кому он был предназначен (всей публике или определенной социальной категории, например крестьянам) и наличие каких-либо ответов на него и выданных призов. Также указывалось (в случае наличия подобной информации в «Трудах» или архивных материалах), кто именно был инициатором исследования и кто выделял средства на их проведение – награду предлагала либо сама общественная организация, либо определенное заинтересованное частное лицо.

Информация о конкурсах позволяет оценить степень вовлеченности аудитории в предлагаемые Обществом практики письменной коммуникации – так, на 139 заданий пришлось 50 награждений. В контексте настоящего исследования большое значение приобретает анализ персонального состава меценатов и покровителей, которые финансировали деятельность организации. По нашим оценкам, проведение третьей части конкурсов обеспечивалось именно частными лицами, прежде всего представителями

---

¹² План Вольного Экономического Общества // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации; Предупреждение // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации.

¹³ Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1865. С. 366–394.

группы генералитета (1-5 ранги). Это наблюдение свидетельствует о распространенности в ВЭО определенной формы патронажных практик организации науки, выявление которых составляет одну из исследовательских задач настоящего исследования.

Кроме того, сопоставление заявленных в объявлениях задач работ и их действительная оценка рецензентами ВЭО, делает возможным выявление личных позиций критиков, их понимания критериев оценки текстов, целей и задач, решаемых Обществом.

Второй группой текстов, привлекаемых в рамках изучения опубликованных в «Трудах» материалов становятся **авторские статьи**, посвященные определенной экономической проблематике (сельскому хозяйству, управлению помещьем, медицине или другой отраслевой направленности).

Проработка данных источников проводилась прежде всего с целью выявления комплекса коллективных и индивидуальных представлений о природе Общества, декларируемых современниками мотивов к участию в его работе, а также о таких категориях, как патриотизм, «общее благо», о восприятии роли монарха в процессе предполагаемой ими трансформации российского социума. Таким образом, речь идет о том, что ряд публикаций «Трудов» принадлежали двум коммуникативным сферам – публичной и придворной, которые различаются, как отметил К.Д. Бугров, «рядом контекстуальных обязательств – *кому* говорится, в *каких условиях* и *по какому поводу* говорится и, главное – *зачем* говорится. При этом публичная сфера характеризуется равенством участников и открытым для всех субъектов полем общения или «пространством функционирования общественного мнения», а придворная – неравенством статуса адресата (монарха) и автора и

специфическими формами текстов, к которым в случае «Трудов» относятся риторические и панегирические обращения¹⁴.

Поскольку в «Трудах» за исключением речей не публиковались работы, посвященные данным вопросам, выявление подобных представлений предполагает проведения текстологического анализа. В ходе этой работы выявлялись упоминания ключевых понятий и слов, таких как имя монарха, термин «императорский», «покровитель/покровительница», «государыня», «патриотизм/патриот», «государство/отечество», «общая польза». Поскольку в задачи настоящего исследования не входит количественное измерение подобных упоминаний, практически повсеместно встречающихся на страницах «Трудов», формирование выборки проходило на основании дальнейшего анализа содержания текста. Предпочтение отдавалось тем статьям, в которых не просто упоминались вышеуказанные понятия, а подробно высказывалась та или иная авторская позиция, выражался индивидуальный взгляд на описываемую с их помощью проблематику. Таким образом мы пытались представить по возможности полно общие, характерные для большинства авторов и для отдельных писателей *манеры речи*, при помощи которых они пытались обосновать определенную точку зрения на интересующие их темы¹⁵. К числу подобных вопросов относятся природа отношений Общества, его сочленов и авторов «Трудов» с монархом; понимание целей работы ВЭО; восприятие и специфические трактовки понятия «общее благо», в том числе нюансы социально-экономического или морально-этического свойства.

Другим количественным параметром, который оказался подвергнут исследованию стало соотношение анонимных текстов и работ с известным авторством в «Трудах». Изучение этого показателя позволяет охарактеризовать отношение к авторству прежде всего дворян, при том, что

---

¹⁴ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2017. С. 51–52.

¹⁵ Бугров К.Д. Указ. соч. Там же.

научная деятельность все еще рассматривалась большинством представителей правящего сословия как маргинальное занятие.

Наконец, в контексте изучения определенных символических аспектов международных связей ВЭО были рассмотрены три публикации «Трудов» на немецком языке, увидевших свет в 1767 г., в 1774–1775 и 1790–1793 гг. Они содержали переводы учредительных документов и избранных статей из «Трудов»¹⁶. Их основной задачей была репрезентация деятельности Общества в иностранной среде и помощь в установлении продуктивных рабочих связей с зарубежными коллегами.

Вторая группа источников представлена материалами фонда № 91 Российского государственного исторического архива (РГИА). В 1 описи данного фонда содержится внутренняя документация Общества, в том числе и анализируемого периода.

Основной массив документов фонда составляют «дневные записки» еженедельных собраний в черновом (очевидно, велся в ходе собраний) и белом (представлял собой финальную обработку первоначальных записей) видах. В этих документах содержится информация о лицах, присутствовавших на заседаниях, обсуждаемых проблемах и принятых решениях по непосредственной деятельности Общества и материально-хозяйственным вопросам.

Данный источниковый комплекс сохранился в полном объеме и в части, посвященной работе ВЭО в период правления Екатерины II, часто был востребован исследователями, в том числе, А.И. Ходневым, В.Я. Железновым, В.В. Орешкиным, В.А. Петровой и К. Леки. В целом их основное содержание отражено в исследованиях этих авторов. Аналогичные материалы, связанные с работой Общества при Павле I, напротив, практически не были востребованы в литературе и вводятся в научный оборот впервые¹⁷.

---

¹⁶ Abhandlungen der freien oekonomischen Gesellschaft in St. Petersburg... Riga: 1776; Auswahl ökonomischer Abhandlungen welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg. St. Petersburg, 1793.

¹⁷ РГИА, ф. 91 «Вольное экономическое общество», оп. 1., ед. хр. 53–63.

Полнота описания содержательных вопросов заметно разнилось от года к году и от записи к записи. Как правило, «дневные записки» носят протокольный характер и, вероятно, не отражают всей полноты дискуссий и обсуждений, имевших место в ходе собраний. Финальная беловая версия документа утверждалась подписями президента и/или секретарей. Отметим, что в 1793 г. ВЭО предприняло попытку сделать свою внутреннюю жизнь более открытой для публики и недолгое время публиковало в «Трудах» новостную рубрику «Известия экономического общества», содержание которой в определенной мере воспроизводило соответствующие «дневные записки»¹⁸.

Помимо «дневных записок» применительно к указанному хронологическому периоду в фонде также частично представлена тематическая документация, которая ложилась в основу повестки заседаний и отражала текущее делопроизводство организации. Анализ содержимого данных документов позволяет перекрестно проверить и иногда дополнить информацию, содержащуюся в «дневных записках» (поскольку там она зачастую излагалась в сжатом виде), а также расширить представление о социальных связях и выявить некоторые факты патронажных и административных практик, присутствовавших в жизни Общества.

В настоящей работе были использованы материалы переписки Общества с губернаторами и директорами Экономии в период с 1771 г. (когда была поставлена и формализована задача установления систематических связей с местными властями) по 1787 г. (год проведения широкой кампании по привлечению к работе ВЭО директоров Экономии)¹⁹. Они содержат сведения о мерах, предпринимавшихся Обществом для установления контактов с адресатами в провинции, его попытках организовать сбыт «Трудов», получение интересующей научной информации и привлечение новых сочленов, а также ответные письма представителей государственных структур.

---

¹⁸ Известия Вольного Экономического Общества // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества., Т. 48, Ч. XVIII. СПб: Типография Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса, 1793. С. 268–535.

¹⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1. Д. 399.

Отдельной группой источников, представляющих интерес для анализа редакционной политики ВЭО, являются «комитетские мнения» – развернутые письменные рецензии на работы, поступившие в адрес Общества. Используемое дело содержит комплексную подборку текстов такого рода, подготовленных с 1765 по 1779 гг.²⁰. Ценность данных материалов заключается в том, что в них содержатся отзывы на различные по своему содержанию, авторству (в социальном аспекте) статьи. К их числу относятся работы, подготовленные в рамках конкурса о лучшем наказе для управителя²¹, которые относились к «дворянскому» или «помещичьему» направлению деятельности организации, а также «пиесы», посвященные технической или научной проблематике, например о изучении насекомых или присланные для конкурса о лучшем архитектурном проекте крестьянского жилища. Сопоставление критериев оценки, требований, предъявляемых критиками разного социального и профессионального положения (в частности, такими, как И.И. Тауберт, Г.Н. Теплов, С.Г. Беклемишев, С.-П. Паллас и др.) позволяет более точно очертить контуры редакционной и издательской политики ВЭО.

Проанализированные в настоящем исследовании материалы рецензий далеко не исчерпывают потенциал, который предоставляет анализ документов подобного типа прежде всего для изучения определенных микроисторических сюжетов или истории проведения ВЭО конкретных исследовательских проектов – для большинства опубликованных в «Трудах» работ в более позднее время сохранились те или иные краткие или развернутые отзывы, представленные либо в «дневных записках», либо в качестве приложений к рукописям данных текстов, содержащихся в архиве организации.

Наконец, последней группой источников стала хозяйственная документация, в которой отразился процесс строительства первого дома ВЭО.

---

²⁰ РГИА, Ф. 91. Оп. 1. Д. 378.

²¹ *Болотов А.Т.* Сочиненный господином капитаном Болотовым наказ для деревенского управителя // Труды Вольного экономического общества. Т. 16, Ч. XVI., СПб: морской шляхетный кадетский Корпус, 1770. С. 69–230; *Рычков П.И.* Сочиненный господином статским советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенского управителя // Там же. С. 13–64.

Этот массив документов содержит информацию о ходе проводимых работ, списках поставленных и имеющихся в наличии строительных материалов. В контексте настоящего исследования нас интересовали в первую очередь вопросы об услугах, которые могли быть оказаны Обществу при строительстве дома его сановными сочленами²².

Третью группу источников составляют не относящиеся напрямую к ВЭО материалы, изучение которых позволяет более системно рассмотреть политический, интеллектуальный и социокультурный контекст, в котором оно было учреждено и действовало²³.

Наиболее значимым документом в данной категории является «Наказ» Екатерины в Учредительную Комиссию и его положения по экономической проблематике, вопросам развития общественной инициативы и роли дворянства²⁴, а также текст Доклада комиссии о правах и преимуществах русского дворянства 1763 г., в которых раскрывались представления части правящей элиты о положении высшего сословия после отмены обязательной службы²⁵. Востребованы для анализа взаимодействия первой общественной организации с Академией наук и материалы корреспонденции ее членов, содержащие упоминания деятельности ВЭО²⁶. Помимо этого были проанализированы автобиографические тексты видных сотрудников Общества

---

²² РГИА, ф. 91, оп. 1. Д. 385

²³ В том числе сочинения В.И. Татищева. См.: *Татищев В.И.* Напомнение на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств // *Избранные труды по географии России*. М.: Географгиз, 1950. С. 198–209; *Татищев В.И.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ // *Избранные сочинения*. Л.: «Наука», 1979. С. 51–132.

²⁴ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения : [С прил.] / Под ред. [и с предисл.] Н.Д. Чечулина. Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1907. -[4], II, CLIV, 175 с.

²⁵ Доклад Комиссии о правах и преимуществах русского дворянства // *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*, т. 7. СПб, 1871. С. 238–266.

²⁶ Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782): Научное описание / Составила И.И. Любименко; под общ. ред. акад. Д.С. Рождественского; ред. Г.А. Князев, Л.Б. Модзалевский. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 606 с.; Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800): Научное описание / Сост. Ю.Х. Копелевич, В.И. Осипов, И.А. Шафран; под ред. Г.К. Михайлова. Л. : Наука, 1987. 272 с.

А.Т. Болотова и П.И. Рычкова, которые позволяют реконструировать их восприятие ВЭО²⁷.

Были также рассмотрены проекты создания специальных государственных структур по экономической проблематике, предшествовавших образованию Общества, таких как «класс агрикультуры» при Академии наук или государственная коллегия земского домостроительства при Сенате²⁸.

Применительно к периоду Павла I были привлечены материалы Полного собрания законов Российской империи, касавшиеся изменений в государственной символике, которые прямо затрагивали символическую составляющую публичной репрезентации Общества. Интерес также представляет закон об учреждении новой структуры по экономической проблематике – Экспедиции государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства, сфера деятельности которой частично пересекалась с ВЭО²⁹.

Степень разработанности темы. Различным аспектам деятельности Вольного экономического общества в XVIII в. посвящено большое число исследований. Подчеркнем, что в первую очередь они касались периода Екатерины II, в то время как царствование Павла I стало своеобразной фигурой умолчания, призванной подчеркнуть сугубо авторитарный и якобы нетерпимый к проявлениям любой общественной инициативы характер его правления.

---

²⁷ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Институт русской цивилизации, 2013; *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова., СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1867. 184 с.

²⁸ *Биллярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1865. С. 616; *Шмидт С.О.* Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 40–59.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1649–1825. // Электронный ресурс. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

Во-первых, мы рассмотрим работы непосредственно по истории ВЭО, либо ставящие ее в контекст изучения таких стержневых тем российской истории, как модернизация (или вестернизация) государства; развитие определенных социальных групп; дискуссия о крепостничестве, становление отечественной экономической мысли и наук о земле в целом и агротехники и сельского хозяйства в частности.

Во-вторых, мы проследим попытки классификации ВЭО в качестве определенного типа общественных объединений. Это позволит проблематизировать использование по отношению к ВЭО таких определений как «научное», «экономическое» или «сельскохозяйственное» общество, и сопоставить их с представлениями современников.

В-третьих, мы оценим промежуточные результаты дискуссии о возможности концептуализации понятия «экономическое общество» как особого феномена общественной жизни эпохи Просвещения.

1.1. Деятельность Вольного экономического общества в XVIII в. стала предметом пристального исследовательского внимания с середины XIX в.

В 1865 г. вышла приуроченная к столетнему юбилею организации «История Императорского Вольного экономического общества» А.И. Ходнева. Подготовленный на базе изучения архивов «исторический обзор» был призван продемонстрировать читателю масштаб деятельности и широту интересов старейшей в России общественной организации: от списка движимого и недвижимого имущества до подробного описания мер, принимаемых «к разведению полезных растений» и материалов по земледелию, скотоводству, горному делу. Вопрос о целях учреждения ВЭО решался автором в двойственном ключе: с одной стороны оно, по его мнению, было обусловлено желанием соответствовать европейской моде на подобные организации, а с другой – стремлением Екатерины II обустроить внутреннюю жизнь страны после завершения Семилетней войны³⁰.

---

³⁰ Ходнев А.И. Указ соч. С. 3.

Актуализация Ходневым научного наследия Общества способствовала появлению во второй половине XIX – начале XX вв. целого ряда вспомогательных и справочных исследований. Первым из них стало «Библиографическое описание первых LIV частей трудов Императорского вольного экономического общества» А.Н. Неустроева³¹. В 1892 г. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона вышли статьи, посвященные самому Обществу (авторства В. Судейкина) и его выдающимся членам Т.И. Клингштедту, П.И. Рычкову, Г.Н. Теплому³². Для их написания использовались материалы личного характера (например, собрания писем и воспоминания). Подчеркивался также вклад ВЭО в развитие российской статистики. В 1897 г. был опубликован «Краткий исторический очерк деятельности Общества... в деле собирания и разработки статистических сведений о России», однако в нем преимущественное внимание уделялось последним годам работы Общества³³.

С середины XIX в. учреждение и деятельность ВЭО все чаще привлекали внимание исследователей применительно к изучению политики российской власти в определенных отраслях экономики (например, сельского хозяйства и коневодства)³⁴ и ее попыток выстроить отношения с общественностью.

Н.В. Пономарев характеризовал ВЭО как «прямого посредника между [сельскохозяйственными] хозяевами и правительством». Он положительно

---

³¹ *Неустроев А.Н.* Библиографическое описание первых LIV частей трудов Императорского вольного экономического общества. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1874.

³² *Судейкин В.Т.* Вольное экономическое общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. VII. 1892. С. 138-142.

³³ *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Краткий исторический очерк деятельности И.В.Э. Общества со времен его основания, преимущественно в деле собирания и разработки статистических сведений о России и распространении знаний в населении. СПб.: Типография В. Демакова, 1897. С. 4.

³⁴ См.: *Турчинович О.* История сельского хозяйства России от времен исторических до 1850 г. СПб, 1854; *Чугунов А.К.* Исторический обзор мер правительства к развитию земледелия в России, Казань: Губернская типография, 1858.; *Мердер И.К.* Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства. СПб, 1868; *Пономарев Н.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени. СПб: Типография В. Киршбаума, 1888.

оценивал двойственность социального состава ВЭО, в котором присутствовали ученые и сановники: «сельскохозяйственные общества, если они правильно организованы и имеют деятельных и научнообразованных членов, могут весьма успешно приводить в исполнение те или другие сельскохозяйственные меры, так как им ближе всего известны нужды той местности, в которой они действуют»³⁵. Схожим образом оценивал результаты работы Общества и более поздних региональных сельскохозяйственных обществ и С. Пахман³⁶. О. Турчинович отмечал, что апробированная ВЭО практика проведения конкурсов по практическим вопросам хозяйствования «сильно подействовала на возбуждение умственной деятельности образованного класса земледельцев-помещиков»³⁷.

В.И. Семевский использовал материалы архива Общества, связанные с проведением конкурса о крестьянском землевладении для изучения дискуссии о крепостничестве и эволюции либерально-освободительных идей³⁸. Исторической заслугой Общества, которой, по его мнению, оно было более обязано Екатерине II, чем самому себе, стала организация данной дискуссии, привлекавшей внимание интеллектуалов, выступавших за постепенное ограничение крепостного права и четкое определение крестьянских повинностей³⁹. При этом он негативно оценивал то, что в первых публикациях «Трудов» были широко представлены работы популяризовавшие крепостнические «остзейские поземельные отношения». Впрочем, по его оценке, они не имели большого влияния на российское дворянство⁴⁰.

---

³⁵ Пономарев Н.В. Указ. соч. С. 38.

³⁶ Пахман С. О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России. Казань: Университетская типография, 1855 г.

³⁷ Турчинович А. Указ. соч. С. 96.

³⁸ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века : Т. 1-2 / [Соч.] В. И Семевского. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. 2 т.

³⁹ К их числу Семевский относил Г.Г. Орлова, Я. Сиверса, А.П. Мельгунова, а также Р.И. Воронцова, братьев Чернышевых и Мелиссино благодаря их позиции по печати ответа Беарде. См. Т. 1. С. 228.

⁴⁰ Там же. С. 45, 93.

А. Брут в обзоре развития статистики в XVIII в. ставил ВЭО в один ряд с ключевыми правительственными инициативами, направленными на «познание внутренних частей государства» и организацию «управления благоустроенным государством», и значимых точки зрения роста международного престижа России⁴¹ – Генеральным межеванием, экспедициями Академии Наук 1768–1774 гг., губернской реформой 1775 г. Характеризуя положение дел в статистической сфере до правления Екатерины II, автор отмечал, что «Россия... долгое время ни сама себя не знала, ни для иностранцев не была известна»⁴². Особое значение он придавал деятельности в членов Общества и академиков Палласа Гмелина, Гильденштедта, Георги и Лепехина.

В работе М.М. Шпилевского вышеуказанные трактовки деятельности ВЭО были поставлены в контекст европейской интеллектуальной истории XVIII в. Учреждение Общества рассматривалось им как свидетельство рецепции в России концепции *популяционизма*, направления экономической мысли, задачей которого было обеспечение роста численности населения⁴³. Как и А. Брут, он считал учреждение Общества составной частью общей политики «императрицы по вопросу об умножении и сохранении народонаселения»⁴⁴ и ставил его в один ряд с такими центрами науки, как Академия наук и Московский университет.

---

⁴¹ Брут А.И. Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы (до 1848 года) : С крат. теориею статистики / Соч. б. адъюнкт проф. С.-Петербур. ун-та Александра Брута. Т. 1-6. СПб : В. Терсков, 1850-1853. Т. 1. С. 1.

⁴² Там же. С. 19–20.

⁴³ Шпилевский М.М. Политика народонаселения в царствовании Екатерины II // Записки Императорского Новороссийского Университета. 1871. С. 10. С выводами М. Шпилевского о том, что краеугольной задачей Общества было обеспечение роста численности населения посредством предотвращения голода и повышение качества жизни подданных, согласился Р. Бартлетт в недавней работе, посвященной рецепции камералистских и популяционистских идей правящими и интеллектуальными элитами Российской империи второй половины XVIII в. См.: Bartlett R. Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy. Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe, eds. By Marten Seppel and Keith Tribe. Boydell Press, 2017. P. 84.

⁴⁴ Там же. С. 32.

В последние годы существования Российской империи на первый план в изучении истории ВЭО стала тема взаимодействия государства и общества. Эта проблема была центральной в опубликованной в 1915 г. по случаю 150-летнего юбилея организации статье тогдашнего президента М. Ковалевского. Она носила явный полемический характер и была написана в разгар конфликта с правительством, приведшим в итоге к прекращению работы ассоциации. Ковалевский стремился представить историю общественного движения XVIII в. как пример успешного сопряжения усилий государства и гражданского общества, вместе стремящихся к модернизации России: «Екатерининские вельможи яснее понимали задачи созданной Петром новой европейской державы. Они понимали, что Московия станет Российской Империей только под условием свободного почина, энергичной производительной деятельности, смелой постановки... роковых для того времени вопросов», под которыми он в первую очередь понимал дискуссию об освобождении крестьян и наделении их собственностью⁴⁵.

Несколько иначе расставлял акценты В.И. Вернадский. По его мнению, вся научная и творческая работа в течение XVIII в. была прямо или косвенно связана с государственной властью, в то время как участие и свободная инициатива общества оставались незначительными: «широкие обеспеченные слои населения, православное духовенство и поместное дворянство «почти совершенно не участвовали в национальном деле». Определяющую роль государства в научной сфере Вернадский трактовал скорее в негативном ключе и подчеркивал, очевидно видя аналогии с современной ему ситуацией, что по этой причине в XVIII в. Россия не смогла занять равное положение со странами Западной Европы⁴⁶. Скептически он оценивал и вклад дворянства в процесс производства и накопления научного знания: «И здесь, в области творчества в садоводстве, огородничестве, зоотехнике, полеводстве, гораздо

---

⁴⁵ Ковалевский М.М. К 150-ти летнему юбилею Вольного экономического общества // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 390.

⁴⁶ Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 5–6.

более сделано безвестной работой разночинцев, чем творческой силой русского помещного дворянства, живые силы которого шли на государственную работу и искусство»⁴⁷.

1.2. В советской исторической науке 1920-1930-х гг. изучение деятельности ВЭО было увязано с попытками решить вопрос о специфике социально-экономического развития России второй половины XVIII в. и становления капиталистических отношений⁴⁸. Общество характеризовалось как организация помещичьего дворянства, которое выступало преимущественно с консервативных или реакционных позиций. Единственным отличием между большинством «крепостников» и меньшинством «либералов» было то, что «либералы предлагали свести барщину и оброк к аренде, а крепостную зависимость к договорному обязательству»⁴⁹, но обе группы объединялись в своей поддержке политического режима. Так, Н. Попов писал: «И крепостники, и либералы выступали против революционно-демократической программы крестьянства, отстаивая дворянское землевладение и весь строй абсолютной монархии»⁵⁰.

Заметной вехой в изучении ВЭО стала работа В.Я. Железнова, посвященная аграрной и экономической науке в России⁵¹. Железнов особо подчеркивал прикладной характер деятельности ВЭО. Екатерина, как и небольшой круг «просвещенных» землевладельцев», по его мнению, были заинтересованы прежде всего в общественной дискуссии вокруг земельного и крестьянского вопросов, однако дворянство поспешило превратить ВЭО в свой «деловой орган... разрабатывающий по преимуществу вопросы

---

⁴⁷ Там же. С. 6–9.

⁴⁸ См.: *Мавродин В.В.* Крепостнический характер дворянского предпринимательства конца XVIII и начала XIX вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №4. 120–134; *Попов Н.* Дворянский либерализм первой четверти XIX в. // Вопросы гражданской истории. 1935. I. С. 89–159.

⁴⁹ *Попов Н.* Указ. соч. С. 158.

⁵⁰ Там же. С. 159.

⁵¹ *Железнов В.Я.* Экономические воззрения первых русских агрономов. М., 2015 (Работа над монографией шла до смерти автора в 1933 году, после чего рукопись хранилась в НИОР РГБ. Ф. 218. Д. 379).

агрономической техники и лучшей экономической постановки именно крепостного хозяйства»⁵², продолжив путь уже проторенный такими изданиями, как «Флоринова экономия» и «Ежемесячные сочинения». Фокусировка на актуальных проблемах хозяйствования помогла Обществу найти сторонников в среде среднего и высшего дворянства, которые и обеспечили ему долгое и успешное существование. Железнов, однако, не был склонен считать деятельность ВЭО бесполезной, и высоко оценивал сделанный им вклад в дело распространения новых знаний и хозяйственных навыков. Он отвергал предположения об идейных связях членов ВЭО с французскими физиократами, указывая на то, что Общество было типичным для своего времени феноменом, которая обусловила схожесть «сельскохозяйственной практики и агрономической пропаганды разных стран, в том числе и Франции»⁵³.

В конце 1940-х – начале 60-х гг. историками и экономистами был защищен ряд диссертационных работ, посвященных ВЭО. Они рассматривали его работу как в целом неудачную попытку дворян-помещиков повысить производительность крестьянского труда в рамках крепостнической системы⁵⁴. Выводы этих и более ранних работ были суммированы в исследовании В.В. Орешкина, который охарактеризовал его как организацию, выражавшую классовые интересы дворян-помещиков, в рамках которого развернулась дискуссия между крепостническим и прогрессивным направлениями дворянской мысли. Несмотря на преобладание крепостников

---

⁵² Железнов В.Я. Указ. соч. С. 169-172.

⁵³ Там же. С. 170.

⁵⁴ Пятницкая К.Н. Вольное экономическое общество и вопросы развития сельского хозяйства во второй половине XVIII. в и первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1950; Орешкин. В.В. Вольное экономическое общество в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы в России (дореформенный период). Дис. ... канд. экон. наук. М., 1955; Виленский А.И. Аграрный вопрос в Вольном экономическом обществе в последней трети XVIII — первой половине XIX в. Дис. канд. экон. наук. Петрозаводск, 1964.

сам факт его учреждения свидетельствовал об усилении капиталистических начал в России⁵⁵.

Н.К. Каратаев подчеркивал, что в деятельности ВЭО было заинтересовано прежде всего «придворное родовитое дворянство, крупнейшие феодалы-помещики», нуждающиеся в новых подходах к укреплению барщинного хозяйства, повышению его эффективности и восприятию международного хозяйственного опыта. Роль ученых в работе Общества он оценивал как сугубо прикладную. По мнению автора, они были привлечены к разработке проекта учреждения Общества на завершающем этапе, после чего значение их деятельности последовательно снижалось. Вместе с тем исследователь указал, что «ВЭО все же удавалось последовательно ставить «общегосударственные проблемы», в том числе поддерживать проведение академических экспедиций, а также способствовать рецепции международного опыта хозяйствования⁵⁶.

По мнению Н. Л. Рубинштейна, работа ВЭО ознаменовала новый значимый этап формирования русской агрономической школы и развития агротехники. Составленные им анкеты («Экономические вопросы») и ответы на них он характеризовал как важный источник для изучения специфики социально-экономических отношений в России XVIII в.⁵⁷

Проведение ВЭО в 1766–1768 гг. конкурса по вопросу о собственности крестьян в контексте активно обсуждаемого в советской историографии крестьянского вопроса было подробно освещено в серии работ М.Т. Белявского. Так, им был впервые опубликован ряд конкурных сочинений российских и иностранных авторов⁵⁸. В своем обобщающем труде он

---

⁵⁵ *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России 1765 -1917 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1965. С. 202.

⁵⁶ *Каратаев Н. К.* Очерки по истории экономических наук в России XVIII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 42–46, С. 119.

⁵⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957. С.18–19, 143.

⁵⁸ *Белявский М.Т.* Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766–годах // Археографический ежегодник за 1958 год. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 387–432; *14. Белявский М.Т.* Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян

характеризовал Общество как организацию «титулованной придворной знати», «помещиков-практиков» и «академиков-иностранцев», занимавших реакционные позиции⁵⁹. Фактическое навязывание Екатериной II руководству общественной организации проблематики конкурса, он объяснял стремлением императрицы продемонстрировать идейную близость к просветителям и тем самым способствовать сохранению самодержавия внутри страны и повышению ее престижа за рубежом. При этом само ВЭО, видя свою цель в «повышении доходности помещичьих имений... разработки чисто технических вопросов», стремилось отмежеваться от обсуждения проблем социально-политического характера, в чем впоследствии и преуспело.

В работах 1960–1970 х гг., внимание историков было обращено к «технической» стороне работы Общества, его вкладу в развитие хозяйственных методов⁶⁰. Е.И. Индова делала акцент на том, в рамках ВЭО удалось достичь слияния «частной и правительственной инициативы» для достижения этой цели и подчеркивала значимость для этого процесса «Трудов» как первого специализированного экономического издания⁶¹. Данное направление научного поиска было продолжено в работах А.П. Бердышева, посвященных агрономическим исследованиям членов

в России // Вестник Московского университета. Сер. «История», 1960. № 6. С. 37–50. *Белявский М.Т., Лооне Л.А.* Документы об обсуждении крестьянского вопроса в Вольном экономическом обществе в 1767–1768 гг. С. 315–366 // Археографический ежегодник за 1960 год. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 315–366.

⁵⁹ *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М.: Издательство Московского университета, 1965. С. 281–304.

⁶⁰ *Сивков К.В.* Новые явления в технике и организации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961. С. 153–162; *Индова Е.И.* Урожай в центральной России за 150 лет (вторая половина XVII–XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М.: Издательство Московского Университета, 1970. С. 141–155; *Ясман З.Д.* Попытки введения улучшенных сельскохозяйственных орудий в помещичьих хозяйствах второй половины XVIII в. (по материалам «Трудов ВЭО») // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М.: Издательство Московского Университета, 1970. С. 246–255; *Индова Е.Я.* Вопросы земледелия в «Трудах Вольного экономического общества» во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970 - Рига, 1977. - С. 114-123.

⁶¹ *Индова Е.И.* Урожай в центральной России за 150 лет... С. 154.

Вольного экономического общества, в частности их вклада в популяризацию картофеля, а также деятельности А.Т. Болотова⁶².

Следующим продуктивным направлением исследовательского поиска оказалось изучение ВЭО как феномена «просвещенного абсолютизма». В историографии утвердилось понимание данного концепта как сложившейся в 1740-е – 1780-е гг. особой системы, в рамках которой европейские монархи выборочно адаптировали идеи просветителей к политическим и социально-экономическим условиям своих стран⁶³.

В этом контексте Н.М. Дружинин и В.А. Петрова рассматривали учреждение ВЭО в качестве составной части экономической программы Екатерины II⁶⁴. В своем диссертационном исследовании В.А. Петрова обращала также внимание на происходившую в 1760-х гг. активизацию общественной дискуссии между крепостниками-реакционерами и передовой прослойкой дворянской интеллигенции⁶⁵. Этими факторами были заданы внешние условия формирования и деятельности ВЭО. Внутренняя жизнь определялась динамикой взаимодействия трех основных групп, на которые подразделялся состав Общества – аристократов, ученых и помещиков.

Так, в 60-е годы XVIII в., когда Екатерина II активно декларировала приверженность идеалам просвещенного абсолютизма, членство в ВЭО было

---

⁶² *Бердышев А.П.* Сто пятьдесят лет служения Отечеству (из истории Вольного экономического общества). Ч. 1. М., 1992. С. 10; *Бердышев А.П.* Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры 1738–1833. М.: Агро-промиздат, 1988. 142 с.

⁶³ *Дружинин Н.М.* «Просвещенный абсолютизм» в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Издательство «Наука», 1964 г. С. 431, 444. В частности, Н.М. Дружинин писал, что организация Вольного экономического общества, систематическая колонизация южных степей, экспедиции Академии наук составляют «широкую картину экономической политики, покончившей с меркантилизмом и развившей ранее наметившуюся тенденцию поощрения свободного предпринимательства».

⁶⁴ В 1990-е гг. данное направление исследований продолжит работа С.В. Юферовой. Задачей Общества, по мнению автора, являлось «оказание помощи дворянам в перестройке их имений в соответствии с потребностями развивающегося рынка». *Юферова С.В.* Вольное экономическое общество и помещичье хозяйство во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

⁶⁵ *Петрова В.А.* Вольное экономическое общество как проявление просвещенного абсолютизма. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.

статусным и заметную роль в его деятельности играли «аристократы». После восстания Пугачева в его работе наступил перерыв, связанный с тем, что правящий слой, напуганный социальными потрясениями, отказался от проектов реформ. В последнее десятилетие XVIII в. статус ВЭО в связи с возобновившимся экономическим ростом вновь возрос. В этот период большее влияние приобретают «помещики»⁶⁶. Своеобразной константой жизни общества была деятельность ученых, которые обеспечивали развитие научного направления его деятельности и отвечали за коммуникацию с европейскими коллегами. Таким образом, ВЭО было и центром в основном крепостнической дворянской мысли по вопросам организации, развития и повышения уровня производства в сельском хозяйстве, промышленности, и ядром зарождавшейся русской интеллигенции. Его отношения с властью характеризовались как двойственные: для Екатерины II общество было скорее данью европейской моде, в то время как его члены стремились хотя и опосредованно влиять на социальную и экономическую политику государства.

В.А. Петрова также проанализировала основные этапы развития международных связей Общества с иностранными экономическими организациями⁶⁷. На первом этапе в 1760—1770-е гг. они зависели от личных связей сочленов (как правило, академиков), к 1780-м гг. приобрели в большей степени системный институциональный характер. Наиболее тесные и длительные связи были налажены с немецкими организациями (например, Лейпцигским экономическим обществом, Обществом естествоиспытателей в Данциге, Оберлаузицким пчеловодческим обществом и др.) Вторым по значимости направлением была Великобритания, однако устойчивый

---

⁶⁶ В данном случае автор разделяет позицию З.Д. Ясман, отметившую, что интерес российского дворянства к вопросам агротехники наиболее ярко проявился в публикациях в «Трудах» ВЭО в 1790-е – 1800-е гг. См.: *Ясман З.Д.* Указ. соч. С. 255.

⁶⁷ *Петрова В.А.* Иностранная корреспонденция Вольного экономического общества во второй половине XVIII в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки (к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина), Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. С. 162–171.

характер оно приобрело уже в 1790-е гг. Корреспонденция также велась и с французскими итальянскими, шведскими, швейцарскими и голландскими научными организациями.

А.Д. Степанский предложил свою трактовку учреждения ВЭО в рамках разработки концепта просвещенного абсолютизма как международной системы. Исследователь объяснял учреждение ВЭО прежде стремлением Екатерины заручиться поддержкой европейской интеллектуальной элиты. Косвенным положительным следствием этого, по его мнению, узко прагматического и декларативного шага, стало начало накопления опыта взаимодействия общественных организаций с «деспотическим государством», который оказался востребован уже в XIX в.⁶⁸

1.3. Современная отечественная историография ВЭО во многом преемственна дореволюционным и советским направлениям исследований⁶⁹. Вместе с тем внимание исследователей привлекают ранее неизученные аспекты деятельности первой общественной организации, такие как проработка вопросов местного самоуправления, благотворительная и просветительская работа⁷⁰ или анализ его работы с точки зрения

---

⁶⁸ *Степанский А.Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М.: Наука, 1979.

⁶⁹ В частности, в последние годы вновь стал обсуждаться вопрос о том, был ли М.В. Ломоносов автором идеи учреждения ВЭО. См. *Лёгкая Н.Б.* Вольное экономическое общество России: путь созидания // Труды Вольного Экономического общества России. 2016. Т. 200. С. 44–49; *Лукичёв П.М.* Императорское вольное экономическое общество: эволюция первого научного общества России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-volnoe-ekonomicheskoe-obschestvo-evolyutsiya-pervogo-nauchnogo-obschestva-rossii> (дата обращения: 01.02.2021). П.М. Лукичёв разделяет «советский» подход, в котором роль М.В. Ломоносова гиперболизировалась и «императорский», представленный преимущественно в работах дореволюционных историков, в которых подчеркивалась роль императрицы, ее окружения и фактор иностранного влияния.

⁷⁰ См.: *Правосудов С.А.* Вопросы местного самоуправления в трудах членов Вольного экономического общества. Дис. ... канд.ист. наук. М., 2001; *Розушина Л.Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. Дис. ... канд.ист. наук. СПб., 2002.

регионального ракурса⁷¹. Все большее внимание она получает в контексте изучения процессов модернизации российского социума.

Комплексный подход, сочетающий внимание к социально-экономической и социокультурной проблематике в контексте изучения данного процесса, предложил С.А. Козлов. По его мнению, русские интеллектуальные и правящие элиты ко второй половине XVIII в. все более отчетливо осознавали отставание России в аграрной сфере, усилился интерес образованной части помещичьего дворянства к западноевропейскому практическому опыту хозяйствования. Готовность к восприятию этого опыта было следствием социокультурных изменений индивидуального и массового сознания, произошедших в XVIII столетии⁷². Результатом этих процессов стало «объединение разрозненных усилий отечественных рационализаторов отдельных губерний средней полосы и начало нелегкой планомерной работы, направленной на подъем производительных сил в области сельского хозяйства»⁷³. Вместе с тем практическое значение работ авторов ВЭО по крайней мере в XVIII – начале XIX в. исследователь оценивает как незначительное⁷⁴.

Юридическая и институциональная сторона процессов модернизации в отношении к истории Общества была подробно рассмотрена в работе О.Ю. Елиной, посвященной сельскохозяйственным обществам дореволюционной России. Учреждение ВЭО, ставшего моделью, на которой «отрабатывалась российская история законодательной регламентации

---

⁷¹ *Плаксин В.Н.* История становления и развития сельскохозяйственного образования и научной агрономии в Черноземном центре России (XVIII–нач. XX века). Дис... док. ист. наук. Воронеж, 2002; *Квасникова А.В.* История аграрных образовательно-просветительских проектов Вольного экономического общества в губерниях центрального Черноземья (1765–1861): Дис...канд. ист. наук. Курск. 2007.

⁷² *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М.: РОССПЭН, 2002. С. 194.

⁷³ Там же. С. 331.

⁷⁴ Там же. С. 267.

общественной сферы»⁷⁵, задало общее направление развития подобных объединений в XIX – нач. XX вв.

Оно проходило по пути специализации – от более широких по спектру затрагиваемых проблем и по территориальному охвату деятельности ко все более узкоспециальным и локальным вариантам. В данном контексте ВЭО характеризовала сложная организационная форма (формализованная структура управления, наличие отделений (уже с XIX столетия), различных категорий членства), объемлющий практически весь спектр экономических проблем фокус интересов, всероссийский территориальный охват. В его деятельности наблюдались и типологические черты, которыми, по мнению автора, обладали все сельскохозяйственные общественные объединения: наличие печатного издания, организацию выставок и конкурсов, создание опытных и учебных хозяйств (к этой практике ВЭО также перейдет только в XIX столетии).

Связь учреждения Общества с общественно-политическими дискуссиями второй половины XVIII в. о механизмах развития помещичьих хозяйств и новых социальных функциях дворянства прослеживается в работах К.Д. Бугрова. Автор выделяет два основных направления в рамках этой дискуссии. Первым был камералистский подход, к проявлениям которого он отнес и ВЭО. В рамках данного подхода делался акцент на необходимости совершенствовании административной стороны управления помещьем (с этим связана и разработка «наказов» управителям) и внедрении технических инноваций как форме патриотического служения государству. Вторым был «этический» подход, предполагавший пестование дворянской исключительности, основанной на достигаемой посредством воспитания гражданской добродетели высшего сословия, которому атрибутировали способность обеспечить позитивную трансформацию сельской экономики⁷⁶.

---

⁷⁵ Елина О. Ю. Указ. соч. С. 326–372.

⁷⁶ Бугров К.Д. «Экономия и добродетель: этический регулятор помещичьего хозяйства в российской общественно-политической мысли XVIII–начала XIX в. // История: факты и символы. 2019. №1 (18). С. 8–14.

Ряд современных российских исследователей отмечают «запаздывающее» по сравнению со странами Европы развитие публичной сферы в России, ведущую роль в становлении которой сыграла государственная власть⁷⁷, равно как и ее преимущественно дворянский характер⁷⁸. При этом большое внимание они уделяют описанию общих элементов и практик европейского культурного поля и специфики их рецепции российским социумом.

1.4. В англоязычной литературе 1970-х – 1980-х гг. поднимались вопросы взаимодействия Общества с российскими властью и публикой. В обзорном исследовании Дж. Прескотта были проанализированы первые годы его работы (особое внимание он уделил конкурсу о земельной собственности крестьян) и рассмотрены биографии учредителей⁷⁹. На примере ВЭО автор стремился подчеркнуть различия российской и английской традиций экономических обществ, которые, по его мнению, заключались в том, что первые под влиянием физиократии ставили острые вопросы политического и социального характера, а последние фокусировались преимущественно на решении сугубо практических проблем.

Проблема выстраивания механизмов участия российских подданных в деятельности Общества была рассмотрена в работах Дж. Брауна на примере формирования его читательской аудитории. Им была также предпринята попытка выявления факторов, мотивировавших россиян вступать в его состав. Относительно низкую популярность «Трудов» он объяснял сложностью восприятия рядовыми читателями текстов, написанных в академическом стиле (в этом он соглашался с мнением видного члена Общества А.Т. Болотова), а также незаинтересованностью руководства ВЭО, полагавшегося на финансовую помощь Кабинета, которая гарантировала выход больших (до 2400 за выпуск), но некупавшихся тиражей, в активных действиях по их

---

⁷⁷ *Ивинский А.Д.* Русская литература XVIII века и культурный проект Екатерины II. М.: Водолей, 2023. 400 с.

⁷⁸ *Сдвижков Д.* Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 392 с.

⁷⁹ *Prescott J.A.* The Russian Free Economic Society: Foundation Years // *Agricultural History*, vol. 51, №3, 1977. P. 503–512.

популяризации. Таким образом, по мнению автора, его издательская деятельность в первую очередь была направлена на обеспечение высокого статуса организации. Вторым фактором он называет возможную финансовую заинтересованность секретарей ассоциации (в первую очередь А. Нартова), извлекающих из публикаторской деятельности прибыль благодаря своим связям с издательствами (Морская школа и Кадетский корпус)⁸⁰. В этом отношении он противопоставляет работу ВЭО деятельности частных издателей, в первую очередь И. Новикова.

Схожими социокультурными факторам Дж. Браун объяснял приоритет сословно-статусных систем мотивации перед идеей «подлинно самодостаточной» экономической организации. По его мнению, составлявшие большую часть численного состава ВЭО дворяне преимущественно руководствовались «политическими, психологическими, интеллектуальными и административными» причинами, связанными с высоким статусом организации»⁸¹.

Обсуждение вопроса о самом существовании и специфике публичной сферы в России и связанных с этим феноменом общественной жизни практиках, прослеживание ее связи с международным контекстом, получило развитие в англоязычных работах недавнего времени.

Дж. Бредли подчеркивает общность процессов формирования публичной сферы в раннемодерный период, происходивших в России и Европе. В числе схожих элементов он выделяет учреждение общественных организаций (примером чего в России было ВЭО), развитие идей патриотизма, понимания правящей элитой необходимости ускорения экономического прогресса для решения насущных политических и социально-экономических проблем своих стран. Своеобразие российской социально-политической ситуации в рамках этого общих процессов было связано с превалирующей

---

⁸⁰ *Brown J.H.* The Publication and Distribution of the Trudy of the Free Economic Society, 1765–1796 // *The Russian Review*, Vol. 36, No.3 (Jul., 1977), pp. 341–350.

⁸¹ *Brown J.H.* The Free Economic Society...

ролью в нем дворянства, а не «среднего сословия» и, как следствие, более заметной ролью государства⁸².

Иное решение данного вопроса предложил К. Леки. Характеризуя содержание проекта Просвещения, американский исследователь делает акцент на его освободительном потенциале, позволяющий обществу путем создания ассоциаций, выстраивать независимую от основных репрессивных акторов – государства и церкви – систему социальной коммуникации и, тем самым, способствовать продвижению идей эгалитаризма и общего блага. В противовес Дж. Брэдли, настаивавшего на фундаментальной общности социокультурных процессов в России и Европе, Леки явно исходит из представлений о нормативном характере западной модели модернизации и вводит сюжет рецепции и адаптации идеи учреждения общественной организации в России в рамки жесткого детерминизма. По его мнению, поскольку в России не был сформирован независимый средний класс, а большую часть образованной публики составляло служилое и консервативное дворянство, не имеет смысла говорить о сколько-нибудь значимом модернизационном и эмансипационном потенциале ВЭО⁸³. Противоречие между новой организационной формой и ее домодерным содержанием решалось в пользу последнего, следовательно деятельность Общества представляла собой «искусную имитацию» служилой культурой прогрессивных практик, а ее целью было решение сугубо прагматических вопросов экономического развития и преодоления отсталости крестьянства, в котором – при сохранении политического статус-кво – были заинтересованы крупные землевладельцы.

---

⁸² Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

⁸³ *Leskey C. Patrons of Enlightenment...* P. 16. См. также: Id. *Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796*, *Slavic Review*, Vol. 64, No. 2 (Summer, 2005), pp. 355-379; Id. *Patriotism, Agronomy and the Peasant Question: The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century Patriotic Reform in Europe and North America*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen. Palgrave Macmillan, 2012. P. 232–256.

Дискуссия о том, можно ли в принципе и в какой степени считать ВЭО частью общих процессов, происходивших в рамках культуры Просвещения была продолжена Ш.-Л. Хоффманом. Он акцентировал коммуникативный аспект данного вопроса и призвал отказаться от нормативистских трактовок, основанных на универсализации опыта ряда западноевропейских стран, прежде всего Британии и Франции. В его трактовке ВЭО описывается как элемент транснационального («От Санкт-Петербурга до Бостона») «общества социального общения», которому было присуще стремление «перерастить пространственные и государственные, социальные и конфессиональные границы»⁸⁴. Первая российская общественная организация была также «европейской по значению и типичной для века, отмеченного сближением государства и “общества ассоциаций” в стремлении претворить познания в сфере медицины или земледелия в практические научные и социальные проекты реформ»⁸⁵. При этом ВЭО, как и типологически схожие организации Центральной и Восточной Европы, в большей степени было связано с придворной средой, а не средним сословием. Однако, подобные региональные различия, по мнению автора, не были экзистенциальным препятствием для развития «культуры социального общения» эпохи Просвещения.

Другой проблемной областью, разрабатываемой в западной историографии остается вопрос о деятельности ВЭО в контексте интеллектуальных течений эпохи. В первую очередь, поскольку тезис о влиянии физиократов был в целом оставлен, речь идет о воздействии камералистской парадигмы. Р. Бартлетт, как и ранее М. Шпилевский, обратил внимание на преимущественно прагматический характер задач, которые ставили перед собой подобные организации в Европе. В этом он видит проявление популярных в то время популяционистских трактовок природы государственной мощи, наиболее последовательно изложенные в

---

⁸⁴ Хоффман Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 19, 23–24.

⁸⁵ Там же. С. 34.

камералистской литературе. Свидетельство влияния «камералистского стиля мышления» он обнаружил в том, что российская власть во второй половине XVIII в. последовательно решала проблему обеспечения демографического роста и предупреждения голода и болезней⁸⁶. Деятельность ВЭО, по его мнению, проходила в русле этого общего курса.

В работе В. Каплан была предпринята еще одна попытка ответа на дискуссии о природе российской публичной сферы и идеологическом базисе учреждения ВЭО. Автор ставит под сомнение камералистскую трактовку, согласно которой целью создания общественной организации было наделение дворянства, освобожденного от обязательной службы, новыми социальными функциями, либо же создание «корпоративного органа» по аналогии с подобными институтами в государствах Центральной и Восточной Европы. По ее мнению, первичным было стремление Екатерины II реализовать свое политическое видение (подробно изложенное затем в «Наказе»), отражавшее процесс перехода от старого восприятия *societas civilis* как «управляемого тела народа» к новому концепту гражданского общества, автономного, существующего вне государства и находящегося с ним в союзе. Реализация этой нацеленной в будущее программы в полной мере было невозможно из-за господства в российском социуме домодерных практик публичной репрезентации и патронажных связей.

Именно в оценке этой двойственности, указывает Каплан, лежит противоречие между позициями К. Леки – негативно оценивавшим «прогрессистский» потенциал ВЭО – и Дж. Бредли – указавшего на то, что вырабатываемые в нем практики и опыт взаимодействия с ним власти заложили институциональную базу для создания новых общественных организаций⁸⁷. В большей степени соглашаясь с последним тезисом, она

---

⁸⁶ *Bartlett R.* Cameralism in Russia: Emcs Catherine II and Population Policy. *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*, eds. By Marten Seppel and Keith Tribe. Boydell Press, 2017. P. 84.

⁸⁷ *Kaplan V.* *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia.* Indiana University Press, 2017. P. 36–38, 262.

подчеркнула, что патронажные практики несмотря на свой домодерный характер, сыграли значимую роль в формировании ядра общества, а декларируемая в «Трудах» идея равенства была серьезным стимулом для вновь вступающих в число его сочленов из провинции⁸⁸.

2. Как мы отметили выше, в отечественной историографии неоднократно утверждалось, что учреждение ВЭО было ответом на возникновение подобных общественных организаций во многих европейских странах⁸⁹. Тем не менее, в рассмотренных нами работах акцент делался – если вообще касался «международной» проблематики – на исследовании внешних связей ВЭО, а также личных контактов определенных его представителей с иностранными учеными. Вопрос о его учреждении и деятельности во второй половине XVIII века как составной части общеевропейского движения экономических ассоциаций в большинстве стран Европы и колониях европейских государств в литературе специально не рассматривался.

Между тем ремарка учредителей ВЭО о наступлении «экономического века» в первой части «Трудов» прямо указывает на восприятие современниками процесса распространения «наук и знаний, способствующих общей пользе человеческого рода»⁹⁰ как присущего всем европейским народам, и свидетельствует о значимости международного контекста для мироощущения современников.

В последние годы были предприняты несколько попыток классифицировать общественные организации XVIII столетия и выделить в качестве особого типа таких организаций экономические общества на основании таких критериев, как самоназвание, внутренняя структура,

---

⁸⁸ *Kaplan V. Historians...* P. 40.

⁸⁹ См. напр. *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 1. Тезис А.И. Ходнева затем повторялся в большинстве работ по истории ВЭО в этот период. Более подробно изложено в работе *Петрова В.А.* Иностранная корреспонденция...

⁹⁰ Предуведомление // *Труды Вольного Экономического Общества.* Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации.

декларируемый круг задач и привлекаемые для их решения методы, а также использование определенных топосов⁹¹.

Значимой проблемой для подобной классификации становится неопределенность понятий, истоки которой восходят к изучаемой эпохе. Такие названия, как «экономическое», «патриотическое», «сельскохозяйственное» и ряд других использовались современниками достаточно произвольно и не всегда точно с позиции современного понятийного аппарата описывали цели и задачи этих организаций. Использование современными исследователями одного из вышеуказанных понятий также может быть проблематичным. Данная неопределенность, равно как и различия в трактовке ключевых понятий, присутствует и в историографии ВЭО.

Наиболее часто классификация ВЭО проводится на основании ретроспективного анализа исследователем основной сферы деятельности общественной организации. При таком подходе на первый план выходит определение «сельскохозяйственное». Так, статья в словаре Брокгауза и Ефрона, содержащая информацию о ВЭО называется «сельскохозяйственные общества»⁹². Также классифицировали его С.О. Пахман и Н.В. Пономарев⁹³. Более узкое определение предложил В.И. Семевский – «земледельческое общество»⁹⁴. В советской историографии утвердился первый вариант названия. Так, Н. Попов, писал о «старейшем сельскохозяйственном обществе» России⁹⁵. В работах недавнего времени разные варианты этого

---

⁹¹ См.: *Stapelbroek K., Marjanen J. Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012; Roberts L. Practicing oeconomy during the second half of the long eighteenth century: an introduction // History and Technology, 2014, Vol. 30, No. 3. pp.13–148.*

⁹² *Сельскохозяйственные общества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. XXIX. 1900. С. 414–419.*

⁹³ *Пахман С. О. О значении и постепенном учреждении...; Пономарев Н.В. Исторический обзор... С.38.*

⁹⁴ *Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России... Т. 1. С. 45.*

⁹⁵ *Попов Н. Указ. соч. С. 158.*

определения встречаются у О.Ю. Елиной (сельскохозяйственное общество)⁹⁶ и Дж. Брэдли («сельскохозяйственная ассоциация»)⁹⁷. К. Леки расшифровывал название Общества следующим образом: «вольное» обозначало негосударственный статус, а «экономическое» означало сельское хозяйство и животноводство⁹⁸.

Термин «экономическое общество» использовалось столь же часто, как и различные варианты определения «сельскохозяйственного». Так, А. Турчинович в «Истории сельского хозяйства России» писал об экономических обществах⁹⁹, но в деятельности ВЭО выделял исключительно сельскохозяйственный аспект. А.К. Чугунов использовал оба понятия – и «сельскохозяйственное», и «экономическое» общество¹⁰⁰ – однако отдавал предпочтение первому, определяя и учрежденные в XIX в. в Лифляндии, Эстляндии, Белоруссии, а также Московское общества именно как «общества сельского хозяйства»¹⁰¹. Таким образом, авторы, использующие определение «экономическое общество», зачастую подразумевали преимущественно сельскохозяйственную направленность. В.А. Петрова и А.Д. Степанский трактовали это понятие более широко¹⁰².

Таким образом, как справедливо отмечает А.Б. Гуларян, под зонтичным термином «экономические общественные организации» в советской и российской историографии как правило объединяются разнородные по характеру и времени деятельности организации¹⁰³ и поэтому понятие «экономическое» всякий раз нуждается в детализации.

---

⁹⁶ *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные общества // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 315–373.

⁹⁷ *Брэдли Дж.* Указ соч. С. 106.

⁹⁸ *Leskeу С.* Patriotism, Agronomy and the Peasant Question... P. 232.

⁹⁹ *Турчинович А.* Указ соч. С. 96.

¹⁰⁰ *Чугунов А.К.* Указ. соч. С. 63.

¹⁰¹ Там же. С. 71.

¹⁰² *Петрова В.А.* Иностранная корреспонденция... С. 169; *Степанский А.Д.* Указ соч. С. 9–17.

¹⁰³ *Гуларян А.Б.* Проблема классификации общественных организаций в дореволюционной России // ЗПУ. 2013. №3. С. 153–159.

Ряд исследователей делали акцент на задачах работы ВЭО по производству, распространению и применению научного знания. В таком случае становится возможно говорить о «научном», обществе, как, например, это делается в работе советского исследователя А.П. Бердышева: «добровольное научное общество»¹⁰⁴. В.Я. Гросул определял его в качестве первого из ряда «научных, просветительских, литературных обществ»¹⁰⁵. В диссертационном исследовании А.В. Квасниковой оно также было классифицировано как «научное общество»¹⁰⁶. О.Ю. Елина оставляет в фокусе исследования общества, «которые проявляли интерес к научной модернизации сельского хозяйства, имели в реестре своих задач агрономические», исключив таким образом все объединения, которые не использовали научный аппарат в своей деятельности¹⁰⁷. Д. Смит отнесла ВЭО к «ученым» обществам¹⁰⁸. В. Каплан выделил основные категории, характеризующие работу Общества: приверженность научному знанию и образовательным идеям. К основным направлениям его деятельности она отнесла «улучшение российского сельского хозяйства с помощью распространения экономических знаний»¹⁰⁹.

Таким образом, исследователи классифицируют ВЭО либо на основании определяемого ими фокуса его усилий и в таком случае характеризуют ВЭО как «сельскохозяйственное»¹¹⁰ или «экономическое», либо через

---

¹⁰⁴ *Бердышев А.П.* Сто пятьдесят лет... Ч.1. С. 9.

¹⁰⁵ *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. М., 2003., С. 95–96.

¹⁰⁶ *Квасникова А.В.* Указ. соч. С. 16. «Научным обществом» называет ВЭО и А.Б. Каменский: От Петра I до Павла I.М.: РГГУ, 2001. С. 400.

¹⁰⁷ *Елина О.Ю.* Указ. соч. С. 322. Автор относит к критериям научной направленности сельскохозяйственного общества наличие печатного органа; организация/участие в создании опытного учреждения; поддержка и проведение спорадических мероприятий в области агрономии.

¹⁰⁸ *Смит Д.* Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 82–83.

¹⁰⁹ *Kaplan V.* Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. Indiana University Press, 2017. P. 36.

¹¹⁰ Так же можно заметить, что на восприятие ВЭО как общественной организации второй половины XVIII века оказывает влияние то, что можно было бы назвать «длинной тенью будущего» Общества, которое в XIX в. все больше ассоциировалось преимущественно с аграрной проблематикой. Сказанное, однако, не отвергает того факта, что и в XVIII в. вопросы сельского хозяйства пользовались приоритетным вниманием.

применяемые им методы: «научное», «просветительское». Детализация значения каждого понятия применительно к контексту изучаемого периода и состоянию понятийного аппарата науки представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

Проблему узости категориального аппарата применительно к деятельности первой русской общественной организации предвосхитил еще А.И. Ходнев. Он предложил для ВЭО более широкое определение – «хозяйственно-политехническое», указав, что его «программа занятий... должна была заключать в себе все предметы, относящиеся к сельскому хозяйству, к естественным произведениям вообще, к обработке их и проч., а также вопросы, касающиеся народного здоровья и вообще народного благосостояния»¹¹¹. Во многом данное определение повторяет то, что говорили о задаче своей организации сами члены ВЭО: «разпространение общепользных сведений и наставление по части земледелия и домостроительства и вообще по всем ветвям Экономии, в Российской Империи»¹¹².

Аналогичная ситуация сложилась в зарубежной англоязычной историографии. Д. Аллан, один из первых авторов, исследовавших этот тип общественных организаций XVIII в., использовал определение «ойкономическое общество», выделяя их на фоне других институтов международной культуры Просвещения, «художественных или научных академий, больниц, университетов, ботанических садов и других публичных, гражданских и патронируемых монархами проектов». Такие ассоциации ставили своей целью «поощрение производства и сельского хозяйства» посредством проведения конкурсов, предоставления почетных наград и просветительской деятельности¹¹³.

---

¹¹¹ Ходнев А.И. Указ. соч. С. 617–618. Отметим при этом, что в начале работы автор определяет ВЭО и зарубежные организации, схожие с ним, одновременно как «сельскохозяйственные» или «экономические».

¹¹² РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 53, л. 273.

¹¹³ Allan D.G.C. The Society of Arts and Government, 1754-1800 // Eighteenth-Century Studies. 1974. 7. №. 4. P. 434.

Дж. Прескотт определил в качестве особого типа ассоциаций «общества для продвижения полезных искусств, коммерции и сельского хозяйства», которые могли быть национальными или региональными. При этом он обратил внимание исследователей, что в названии Лондонского общества поощрения искусств, производства и коммерции не было упоминания сельского хозяйства, хотя оно занималось и этой проблематикой¹¹⁴.

Дж. Мокир применительно к периоду 1600–1800 гг. пишет исключительно о научных обществах, подразделяя их по группам интересов на научно-технические, литературные и смешанные¹¹⁵. Ш.-Л. Хоффман использует вместе такие определения, как «ученые», «патриотические», «общепользные» или «экономические общества»¹¹⁶. Ю. Энгельгардт в работе, посвященной датским ассоциациям, занимающимся экономической проблематикой, предложила в качестве базисного определение «патриотическое общество», во-первых, экстраполируя самоназвание большого числа подобных объединений в Дании, а, во-вторых, объясняя это связью между декларируемой ими задачей по «улучшению народного благосостояния» и получившей распространение в публицистике второй половины XVIII в. риторикой патриотизма¹¹⁷. П. М. Джонс использует сразу три определения: «экономические», «патриотические» и «сельскохозяйственные» для обозначения обществ, сыгравших важную роль в продвижении «Аграрного просвещения»¹¹⁸. Дж. Брэдли в своем описании ВЭО во многом следует выводам А.И. Ходнева о том, что его деятельность в области прикладного использования науки, хотя и была обращена

---

¹¹⁴ *Prescott J.A.* Op. cited. P. 503.

¹¹⁵ *Mokyr J.* The Intellectual Origins of Modern Economic Growth // *Journal of Economic History* 65 (2005:2), P. 335.

¹¹⁶ *Хоффман Ш.-Л.* Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 34.

¹¹⁷ *Engelhardt J.* Patriotism, nationalism and modernity: the patriotic societies in the Danish conglomerate state, 1769–1814. *Nations and Nationalism*, 13:2. P. 216.

¹¹⁸ *Jones P.M.* Agricultural enlightenment: knowledge, technology, and nature, 1750–1840 (Oxford: Oxford University Press), 2016. 288 p.

преимущественно к сельскохозяйственной проблематике, затрагивала и более широкий круг проблем, таких как медицина и техника¹¹⁹. Однако, сравнивая ВЭО с иностранными организациями, он преимущественно пишет о тех из них, которые «ставили своей задачей повышение продуктивности сельскохозяйственного производства»¹²⁰.

3. В исследовательской литературе предпринимаются также попытки концептуализировать понятие «экономическое общество» в качестве особого феномена культуры XVIII в., что позволило бы более уверенно говорить об общих чертах и специфике схожих европейских общественных организаций. В исследовании К. Стапельбрюка и Я. Марьянена были предложены следующие типологические признаки: формализованная организация, использование патриотической риторики, декларируемое стремление улучшить локальную экономическую ситуацию¹²¹. Также авторы отметили, что экономические ассоциации были более эгалитарными, чем общественные научные организации.

Впоследствии Л. Робертс предложила заменить прилагательное «экономическое» (*economic*) «ойкономическим» (*oeconomic*). Переход к старой орфографии позволил бы, по её мнению, заострить внимание исследователей на широкой проблематике и специфическом наборе используемых современниками практик и подчеркнуть различия в содержании понятия «экономика» в XVIII в. и в сегодняшнее время¹²².

---

¹¹⁹ Брэдли Дж. Указ. соч. С. 143.

¹²⁰ Там же. С. 105.

¹²¹ Stapelbroek K., Marjanen J. Op. cited. P. 14.

¹²² Roberts L. Practicing oeconomy during the second half of the long eighteenth century: an introduction // *History and Technology*, 2014, Vol. 30, No. 3. p. 137. См. также: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. С. 277–288. Л. Робертс и С. Веррет отметили необходимость переосмысления исторической связи между ойкономией и ойкономическими практиками XVIII в. и современными объясняющими категориями. Они предостерегают против ошибочного понимания ойкономии исключительно как «модного интеллектуально течения в среде элит» или как риторическую ширму, не имеющей никакого отношения к реальному экономическому развитию. Также неправоверна, по их мнению, и телеологическая трактовка ойкономии как «протоконцепта», который неизбежно должен был уступить место современному экономическому анализу в начале XIX в. См.: Roberts L. L., Werrett S. Introduction: far more intimate acquaintance” // *Compound Histories*. Brill, 2018. P. 8.

Таким образом, типологизация «экономических общества» как особого вида общественных организаций середины–второй половины XVIII в. неизбежно сталкивается с проблемой чрезмерной жесткости предлагаемых концептуальных рамок, которые при достаточно скрупулезной критике могут оказаться более или менее условными. Можно допустить, что мотивация, цели, используемые инструменты, масштабы деятельности «экономических обществ» могут быть представлены в каждом конкретном случае с той или иной степенью полноты.

В настоящей работе для обозначения ВЭО и схожих современных ему организаций мы будем использовать понятие «экономическое общество» по ряду причин: во-первых, это самоназвание данного общественного объединения и, во-вторых, оно соответствует одной из устоявшихся в отечественной литературе традиций.

Соглашаясь с определением экономического общества, приведенным в работе К. Стапельбрюка и Я. Марьянена – общественная организация, чья деятельность направлена на улучшение экономической ситуации в определенной территории, и которая использует риторику патриотизма, – мы считаем необходимым дополнить его в соответствии с предложенной О.Ю. Елиной классификацией, подчеркивающей специфические инструменты, обеспечивающих их деятельность: наличие печатного органа и использование научной методологии. При этом важно подробно исследовать трактовки современниками предмета «экономической» деятельности.

Глава 1. Учреждение Вольного экономического общества и социокультурный контекст эпохи Просвещения

Учреждение ВЭО в 1765 г. стало результатом развития взаимосвязанных процессов: эволюции экономической мысли, адаптации европейского институционального опыта к российским культурным, социально-

экономическим и политическим условиям и формирования запроса на улучшение государственного и частного хозяйств. Оно состоялось в начальный этап царствования Екатерины II, который характеризовался преемственностью с политикой предшественников, но также привносил новые идеи, выработанные императрицей и ее окружением. В этой части исследования мы рассмотрим данные факторы и предложим свою трактовку социокультурного контекста, в котором происходили указанные процессы.

Исходной точкой для анализа мы выбрали две цитаты из учредительных документов ВЭО¹²³, опубликованных в первой части «Трудов», по которым современник мог составить первое впечатление о новом явлении российской общественной жизни.

В «Предуведомлении» сообщалось: «У всех народов нынешний наш век попечительным распространением Наук и знаний, способствующих общей пользе человеческого рода, а особливо прилежным произведением опытов и неусыпным старанием, чтоб земледелие и домостроительство привести в лучшее состояние, столько себя отличает, что по справедливости можно одной назвать Экономическим веком». Перечислив европейские страны, прилагающие к этому старание¹²⁴, авторы сообщают, что и «Самая Франция не о том уже единственно печется, чтобы ободряя своих художников и мануфактурщиков, доводить их до большего совершенства, но паче старается приятность Наук и Художеств сопрягать с существительною пользою. Еще никогда она так много не старалась о поощрении своих подданных к земледелию, яко первому основанию всех полезных знаний Экономических»¹²⁵.

---

¹²³ К таковым мы относим пять документов, в которых прописывалась идеология, цели и задачи общества: Предуведомление, План Вольного Экономического Общества, Письмо, при котором Ея Императорскому Величеству поднесены план и Устав; Устав Вольного Экономического Общества; Письмо Ея Императорского Величества к Вольному Экономическому Обществу.

¹²⁴ «Швеция, Дания, Пруссия, Швейцария и большая часть немецких областей».

¹²⁵ Предуведомление // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации.

Вторая цитата содержится в письме с просьбой о покровительстве, которое направили императрице 15 учредителей Общества¹²⁶: «Царствование Вашего Императорского Величества есть век тот для отечества, в которой блаженство наше видимо совершается. При неутомленном Вашего Величества труде и попечении о делах, целость и благополучие Империи составляющих, видим, сколь много покровительство Ваше действует в Науках и Художествах; а сим ободряются в подданных Ваших сердца любителей к обучению самих себя и к просвещению других... Ревность наша и усердие сколь ни велики, но когда подкреплены не будут покровительством Монаршим, то и труд наш будет без ожитворения. Сего ради дерзновение приемлем просить Вашего Императорского Величества, дабы имели щастие быть под единственным только Вашего Величества Покровительством, и чтоб Общество наше управлялось в трудах своих собственными своими между собой обязательствами и установлениями, по чему и называлось бы во всех случаях Вольным Экономическим Обществом»¹²⁷.

В данных текстах мы обнаруживаем декларацию идейной основы ВЭО как особого института новой эпохи – «Экономического века». Ключевое понятие «экономический» понималось его учредителями, в соответствии с представлениями времени, весьма широко. Оно означало и распространение наук, знаний и художеств, и пристальное внимание к земледелию. Особо подчеркивался элемент международной конкуренции – в «экономический век» уже вошли ведущие европейские государства, а торжественное учреждение ВЭО рассматривалось как необходимый шаг Российского государства в эту новую эпоху. Одновременно авторы учредительных документов ставили перед собой задачу «обучать себя и других» и

---

¹²⁶ В порядке упоминания: Р.Л. Воронцов, Г.Г. Орлов, И.Г. Чернышев, А.В. Олсуфьев, А.И. Черкасов, В.-Р. фон Польман, Г.Н. Теплов, И.И. Тауберт, Т.И. Клингштедт, А.А. Нартов, Х. Пекен, И.Г. Модель, И.Г. Леман, И.П. Фалк, А. Эклебен. Письмо, при котором Ея Императорскому величеству поднесены План и Устав // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации.

¹²⁷ Письмо, при котором... Без пагинации.

провозглашали две высшие цели работы Общества: «общая польза человеческого рода» и «целость и благополучие Империи». Они постулировали особый статус ВЭО, управляемого только собранием членов (отсюда «вольное») и покровительствуемого непосредственно монаршей особой.

Ниже мы попытаемся более подробно раскрыть содержание этих текстов в двух взаимосвязанных аспектах: понимание предмета экономии и общественных сил, делающих возможной и востребованной деятельность Общества.

1.1. Экономическое просвещение

На первый взгляд вопрос о предмете «экономического», к которому обращались учредители ВЭО, не предполагает однозначного ответа. В процитированном выше «Предуведомлении» сообщалось, что внимание к экономической проблематике в зарубежных странах побудило «некоторых Особ вступить между собою произвольно в сообщество, с таким намерением, чтоб все полезные и новые земледелия и экономии, чужестранными народами по ныне изобретенныя... прилежно собирать и сообщать любезным своим согражданам»¹²⁸. Понимание экономии могло быть практическим или теоретическим: «Многие из наших Членов, соединяя умозрительное свое знание о Экономии с практическими опытами, от времени до времени будут сообщать свои наблюдения на рассмотрение Публике»¹²⁹. Задачей этой деятельности было «исправление Земледелия и Домохозяйства»¹³⁰.

Более полно содержание «экономического» раскрывалось в Уставе: «Нет удобнейшаго средства к приращению во всяком государстве народного благополучия, как стараться приводить Экономию в лучшее состояние, показывая надежнейшие способы, каким образом натуральныя произращения

---

¹²⁸ Предуведомление... Без пагинации.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Письмо, при котором... Без пагинации.

с вящею пользою употребляемы и прежние недостатки поправлены быть могут»¹³¹. Помимо проведения опытов и переводов иностранной литературы, общество рассчитывало на информацию об «Экономических распоряжениях в Губерниях»¹³², в числе обязанностей действительных членов числилась «присылка собственных сочинений о государственной или частной экономии»¹³³. В завершающих первую часть «Трудов» шестидесяти пяти «Экономических вопросах о земледелии», целью которых было выявление «разности провинций», ответы предполагались отнюдь не только о земледелии, как следовало из названия, но и о других областях хозяйствования, в первую очередь скотоводстве и землепользовании. Подлежали выяснению также вопросы ценообразования, характеристика системы расселения, наличие пустующих земель, информация о фабриках и рудокопных горах, ценных растениях, особенностях крестьянских жилищ, экономическом поведении и нравах местного населения¹³⁴. Таким образом, коллективные представления о предмете экономического раскрывались посредством множества примеров, относящихся к разным аспектам хозяйственной деятельности и общественной морали. Какова была природа этих представлений?

Вопрос о рецепции в российской интеллектуальной среде экономических воззрений в середине XVIII в. решался в основном в пользу преобладающего влияния камерализма¹³⁵ и в меньшей степени – физиократии. Рядом исследователей отмечалась эклектичность экономических взглядов российской административной и интеллектуальной элит, которым к началу правления Екатерины был доступен «полный набор идей Просвещения», а

---

¹³¹ Устав Вольного Экономического Общества // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации.

¹³² Предупреждение...

¹³³ Устав...

¹³⁴ Экономические вопросы касающиеся до земледелия по разности провинций // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 180–193.

¹³⁵ Дружинин Н.М. «Просвещенный абсолютизм» в России... С. 444; Bartlett R. Cameralism in Russia... P. 65–66.

выбор определенных из них диктовался сугубо практическими соображениями¹³⁶.

Развитие школ экономической мысли зачастую рассматривается в историографии в контексте модернизации европейских обществ, прогресса технологий и накопления научных знаний. Интеллектуальная история экономических учений раннего Нового времени – камерализма, физиократии, политической экономии – затрагивает целый спектр смежных инструментальных вопросов: в какой мере эти учения были связаны с реальным экономическим развитием, каким образом они влияли на производство знаний и их распространение – т.е. на процессы, которые считаются необходимыми для запуска Промышленной революции.

Ответы на эти вопросы во многом зависят от того, в какой мере авторы разделяют телеологию промышленной революции и того направления, в котором развивалась экономическая наука и практика в XIX в¹³⁷. Так, в рамках концепции «промышленного просвещения» Дж. Мокира британская школа политической экономии рассматривается как наиболее прогрессивное направление экономической мысли, в рамках которого удалось совместить полученные в ходе научной революции знания и технологии с деятельностью институтов публичной сферы (печатных изданий и научных обществ) чтобы обеспечить распространение этих знаний в космополитическом пространстве эпохи Просвещения и тем самым ускорить экономический рост¹³⁸.

В рамках настоящей работы, призванной определить интеллектуальные предпосылки создания ВЭО и раскрыть содержание понятия «экономического» в работах его учредителей, более перспективным представляется подход, предполагающий отказ от такой телеологии в пользу более пристального внимания к непосредственному опыту современников. В

---

¹³⁶ См. напр.: *Bartlett R. Ibid.* P. 66.

¹³⁷ См.: *Roberts L. Practicing oeconomy during the second half of the long eighteenth century: an introduction // History and Technology, 2014, Vol. 30, No. 3. Pp. 133–148.*

¹³⁸ *Mokyr J. Op. cited. pp. 285–351.*

рамках подобного подхода необходимо было бы учитывать общие черты и локальные особенности экономического дискурса.

В частности, немецкий исследователь М. Попплов, анализируя немецкие экономические сочинения раннего нового времени выявил ряд повторяющихся топосов. К их числу относилось общее целеполагание – ставилась задача улучшения экономической ситуации на определенной территории – и предлагаемые для достижения этой цели меры. К их числу современники чаще всего относили проработку и распространение новых знаний о домостроительстве, поиск и изучение полезных ресурсов и интенсификацию усилий по исправлению нравов. Совокупность этих представлений и обусловленных ими действий была обозначена исследователем как феномен *экономического просвещения*¹³⁹. При этом данный процесс разворачивался в условиях, заданных научными, техническими и административными практиками, укорененными в национальных, локальных, интеллектуальных и социальных традициях или *культурах инновации*¹⁴⁰. Далее мы попытаемся проанализировать общие контуры развития экономического просвещения в европейской культуре и ее восприятия в российской социокультурной среде.

---

¹³⁹ Popplow M. (2012) Knowledge Management to Exploit Agrarian Resources as Part of Late-eighteenth-century Cultures of Innovation: Friedrich Casimir Medicus and Franz von Paula Schrank // *Annals of Science*, 69:3, P. 415, 428.

¹⁴⁰ Необходимо подчеркнуть, что в более поздних работах М. Попплов занял более осторожную позицию в оценке модернизационного потенциала культур инноваций. Она во многом связана с обстоятельной критикой, ставящей под вопрос связь между реальной экономикой и сферой производства научного, технического знания в XVIII веке. Popplow M. (2012) Knowledge Management... Ibid. P. 431; Wakefield A. The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice. 2009. P. 139; Wakefield A. (2014) Butterfield's nightmare: the history of science as Disney history, *History and Technology*, 30:3, pp. 232–251. Так, А. Уэйкфилд поставил под вопрос устоявшуюся в историографии традицию, напрямую связывавшую процесс модернизации немецких государств в XVIII веке с камерализмом как управленческой практикой и системой экономических воззрений. Интеллектуалы и администраторы, замечает Уэйкфилд, не только не помогали землевладельцам и ремесленникам открывать новые способы производства, но лишь пользовались результатами их труда для легитимации своих административных подходов, и оправдания высокой позиции, которую они занимали в иерархии современных германских государств.

1.1.1. «Узнать внутреннее состояние здешних провинций...»: экономия, натуральная история и исправление нравов

Еще К. Шмитт отметил, что в основе культуры эпохи Просвещения лежало представление о возможности исправления материального мира посредством применения научного знания. Для нее было также характерно выраженное внимание к моральным вопросам: ставилась задача исправления человеческих нравов и декларировалась патерналистская ответственность политической и интеллектуальной элиты перед представителями социальных низов¹⁴¹. Оба допущения встречались в рассуждениях современников об экономике, которые составили особый этап в развитии экономической мысли.

В XVII–XVIII вв. в условиях расширения рыночных отношений происходил отход от «ксенофоновского» понимания экономии как замкнутого домашнего хозяйства. Осмысление этой ситуации обусловило запрос на рационализацию хозяйственной деятельности. При этом, поскольку данная сфера еще не была описана в характерном для экономической науки XIX в. системном виде как «единая саморегулируемая система, объединяющая в себе все отрасли хозяйственной жизни»¹⁴², этот процесс носил выраженный мозаичный характер.

---

¹⁴¹ Шмитт К. Указ. соч. С. 50. «Рационализация» и «гуманизация» по его определению. См. также: Stanziani A. Bondage, Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries, New York – Oxford: Berghahn [International Studies in Social History, 24], 2014, P. 46; Roberts L. L., Werrett S. Introduction: “a more intimate acquaintance”... P. 6; Spary E.C. Feeding France: New Sciences of Food 1760–1815 (Cambridge University Press), 2014. P.10; Теуке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 285, 339.

¹⁴² Schabas M., de Marchi N. Introduction to Oeconomies in the Age of Newton // History of Political Economy. 2003 Vol. 35, P. 4; Firth Ann (1998) From oeconomy to ‘the economy’: population and self-interest in discourses on government. History of the Human Sciences, vol. 11, No.3, P. 21; Wakefield A. Op. cited. P. 1–2. Cooper A. “The Possibilities of the Land”: The Inventory of “Natural Riches” in the Early Modern German Territories. History of Political Economy 2003 Volume 35, Number Suppl. p. 130; Popplow M. “Economizing Agricultural Resources in the German Economic Enlightenment.” In Materials and Expertise in Early Modern Europe, edited by Ursula Klein and E. C. Spary. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 262–268; Никитин Н.П. Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 43–104; Müller-Wille S. Nature as a Marketplace: The Political Economy of Linnaean Botany. History of Political Economy 2003 Volume 35, Number Suppl. P. 154. Так, в XVII веке входят в употребление понятия «животная ойкономия», «ойкономия тела» и «ойкономия любви». См.: Schabas M., de Marchi N. Op. cited. pp. 4–5. Французский химик Антуан-Алексис Каде де Во в работе 1794 года разделял животную,

Так, современниками ставилась проблема поиска и использования природных ресурсов. Предполагалось, что каждый природный объект имеет свою специфическую ценность, раскрыть которую составляло задачу исследователя. Центральную роль натуральной истории для экономики признавали представители всех школ экономической мысли XVII–XVIII вв.: «мудрость, рассудительность и искусства почти всех ученых наук применимы для... экономики»¹⁴³. Активно переосмысливались и вопросы управления ориентированной на рынок экономической единицей (домохозяйством, помещьем или государством). Поскольку могущество государства, его потенциал в международной политике и внутренняя устойчивость прямо зависели от благополучия частных хозяйств, в литературе этого времени все более часто поднималась проблема сопряжения частного и общественного интереса, а также исправления нравов¹⁴⁴. При этом определенным типам экономической деятельности (прежде всего торговле¹⁴⁵) приписывался

сельскую, домашнюю и публичную экономику. См.: *Spary E.C. Feeding France: New Sciences of Food 1760–1815* (Cambridge University Press), 2014. P.10.

¹⁴³ *Jonsson F.A.* Op. cited. P. 1346; *Schabas M., de Marchi N.* Op. cited. pp. 5–6. М. Шабас и де Марчи также отмечают, что многие интеллектуалы, такие как Уильям Петти, Джон Локк, Адам Смит, Франсуа Кэне, А. Р. Ж. Тюрго занимались и экономикой, и натуральной историей. *Schaffer S.* Introduction // *Roberts L. L., Schaffer S., Dear P. The Mindful Hand. Inquiry and Invention from the Late Renaissance to Early Industrialisation // History of Science and Scholarship in the Netherlands.* 2007. №. 9. P. 90.

¹⁴⁴ *Secretan C.* From “Permutation of Commodities” to the Praise of “Doux Commerce.” Changes in Economic Rationality in Early Modern Times // *History of Economic Rationalities.* Springer, Cham. 2017. P. 16.

¹⁴⁵ Так, Дэвид Юм отмечал, что каждое из государств неизбежно получит выгоду от развития искусств в других странах и улучшит свои собственные ремесла и нравы. *Hume D.* Of the jealousy of trade // *Hume, D. and Naakonssen, K. Hume: Political Essays,* Cambridge University Press, 1994. P. 150. Сходным образом Монтескье приписывал ей способность разрушать предрассудки и улучшать манеры. Эти идеи находили отклик и в отечественной интеллектуальной традиции, в частности в переводе Д. Фонвизина работы о торгующем дворянстве. Анализ воззрений Монтескье на торговлю см.: *Howse R.* Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // *Brooklyn Journal of International Law.* 2006. № 31. P.694. См. также: *Secretan C.* Op. cited. P. 17. Автор отмечает, что эта мысль, получившая наибольшую известность в работах Монтескье, может быть обнаружена уже в работе II *Negotiante*, написанной купцом из Генуи Джованни Доменико Пери (1590–1666) и опубликованной в 1638 г. В частности, в ней отмечалось, что все люди включены в «духовную торговлю».

цивилизующий потенциал, способствующий достижению общего блага во всем мире¹⁴⁶.

Большое значение в экономической литературе придавалось задаче «исправления» или «улучшения» земледелия, а также недопущения голода¹⁴⁷. Особое внимание данная тема получила в континентальных странах, в большей степени, чем государства-лидеры трансатлантической и колониальной торговли, рассчитывавших на собственные ресурсы. В основном это было характерно для камералистской литературы Германии и Швеции, в которой последовательно ставились темы «хорошего управления» государством или помещьем, акцентировалась необходимость выявления новых ценных ресурсов или обнаружения способов более эффективного использования уже известных¹⁴⁸. Примером подобной связи между «экономическим просвещением» и натуральной историей была деятельность

---

¹⁴⁶ Как показал Э. Шнакенбург, именно в таком ключе феномен торговли и торговых договоров описывался в мысли эпохи Просвещения, однако уже к концу века тех, кто рассчитывал на это, постигло разочарование. См.: *Schnakenbourg É.* (2017) *The Conditions of Trade in Wartime: Treaties of Commerce and Maritime Law in the Eighteenth Century*. In: Alimento A., Stapelbroek K. (eds) *The Politics of Commercial Treaties in the Eighteenth Century*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 217–242.

¹⁴⁷ П. Вард отмечает, что идея “улучшения” появилась в английской традиции в XVI веке и первоначально относилась не к какой-либо конкретной отрасли, но к состоянию общества в целом. Постепенно она все больше ассоциировалась со сферой сельского хозяйства и домовладения. См.: *Warde P.* *The Idea of Improvement, c. 1520–1700*. // *Custom, Improvement and the Landscape in Early Modern Britain*, ed. by Richard W. Hoyle, 2011, pp. 127–148. Как показала в своей работе Э. Робсон, дискурс улучшения не был статичен, его содержание вырабатывалось в результате столкновения разных групп интересов — например, интеллектуальной элиты и местного сообщества, на уклад жизни, устоявшиеся традиции и практики которой первая старалась влиять. См.: *Robson E.* *Improvement and epistemologies of landscape in seventeenth-century English forest enclosure*. *The Historical Journal*, vol. 60, no. 3, 2017, pp. 597–632; *Fussel G.E.* *Agricultural Science and Experiment in the Eighteenth Century: An Attempt at a Definition*. *The Agricultural History Review*, vol. 24, no. 1 (1976), pp. 44–47. С.Т. Лоури отмечал также, что исследования по аграрной тематике XVIII–начала XIX вв. не носили прорывного характера, который будет достигнут в ходе революции наук о земле во второй половине XIX в. *Lowry S.T.* *The Agricultural Foundation of the Seventeenth-Century English Economy*. *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Suppl. pp. 84–96.

¹⁴⁸ *Cooper A.* Op. cited. P. 134. Д. Юм, постулируя всеобщую пользу свободной торговли и повсеместного совершенствования искусств, отметил, что Республика Соединенных провинций – это единственная европейская держава, которая может проиграть от всеобщего развития по причине отсутствия каких-либо природных ресурсов, могущих дать стране преимущество. *Hume D.* *Of the jealousy of trade* // *Hume D. and Haakonssen, K.* *Hume: Political Essays*, Cambridge University Press, 1994. P. 150; см. также *Sparry E.C.* Op. cited. P.12.

К. Линней и его учеников (отметим, что единственный из «апостолов Линнея» в России И.П. Фальк стал одним из 15 учредителей ВЭО и принял участие в академической экспедиции 1768 г.). Так, проект знаменитого шведского ученого подразумевал достижение скандинавским государством автаркии посредством повышения ее биоразнообразия, достигаемого при помощи поиска полезных растений по всему миру¹⁴⁹. В частности, Линней писал, что, если бы в Швеции не росли дубы, тот, кто бы их привез, заслуживал такого же почета, как и тот, кто присоединил новую провинцию к территории Швеции¹⁵⁰.

Второй значимой проблемой, которую стремились решить многие авторы сопричастные экономическому просвещению было соотношение теории и практики для обеспечения хозяйственного развития. Так, к середине XVIII в. было широко представлено мнение о том, что понимание современниками проблем земледелия не было лучше, чем у античных авторов¹⁵¹. Отсюда проистекал определенный скептицизм в отношении неприкладной науки. Например, шотландский химик Дж. Блэк весьма схоже с учредителями ВЭО осмысливал этот вопрос: «Я называю философом каждого, кто изобрел что-либо новое или улучшил то дело, в котором он занят – даже фермера, который размышляет над природой разных почв или делает улучшения в использовании плугов, я должен называть его философом, хотя и сельским. Также я не ставлю слишком высоко тех, кто запирается в своих кабинетах... потому что они редко делают улучшения или открытия к пользе человечества»¹⁵². Таким образом, в глазах интеллектуалов эпохи, локусом научных исследований вполне могли стать частные домохозяйства. Подобное

---

¹⁴⁹ Более подробно об трактовке Линнеем концепций «экономики природы» и «баланса природы» см.: *Egerton F.N. Changing Concepts of the Balance of Nature // Quarterly Review of Biology, Vol. 48, No. 2 (Jun., 1973), pp. 322–350; Müller-Wille S. Nature as a Marketplace: The Political Economy of Linnaean Botany. History of Political Economy 2003 Volume 35, Number Suppl. P. 154; Мюллер-вилле Ш. Экономика природы в классической естественной истории // Историко-биологические исследования. 2012. №4. С. 38–49.*

¹⁵⁰ *Koerner L. Linnaeus: Nature and Nation. Harvard University Press. 1999. P. 114.*

¹⁵¹ *Lowry S.T. Op. cited.*

¹⁵² Цит. по: *Anderson R. Relations between Industry and Academe in Scotland, and the Case of Dyeing: 1760 to 1840 // Compound Histories. – Brill, 2018. – P. 353.*

представление обусловило рост внимание к инициативам энтузиастов. Все это подкрепляло демократический посыл раннемодерной прикладной науки как занятия, доступного любому, кто желает стремиться и достигать приращения частной и общественной пользы¹⁵³.

1.1.2. Экономическое просвещение в России

Курс на вестернизацию, взятый Петром I, существенно ускорил развитие сферы экономического просвещения в России, задав ему новое направление¹⁵⁴ (во многом основанное на опыте и подходах камералистских стран северной Европы) и динамику развития¹⁵⁵. Восприятие российской политической элитой теории абсолютного государства, содержащего в себе набор представлений о целях и задачах власти по достижению общего блага и просвещения подданных, в том числе и в данной сфере, также оказало существенное влияние на формирование российской «культуры инновации»¹⁵⁶.

---

¹⁵³ *Werrett S. Household Oeconomy and Chemical Inquiry // Compound Histories. Brill, 2018. P. 35.* По мнению автора, задачей ойкономии было управление материалами и человеческим сообществом исходя из этого ряд авторов говорит о *социоматериальной* проблематике «ойкономии».

¹⁵⁴ Между тем, интенсификация практик описания и поиска природных ресурсов, которые составляют существенную часть «экономического просвещения», относится уже к середине–второй половине XVII века что указывает на общую динамику развития европейских раннемодерных государств. См. напр.: *Преображенский А.И. Экономические карты в дореформенной России. Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 105–114.* Так, А.И. Преображенский отмечает, что карты XVII не являются экономическими в полном смысле слова, но лишь содержат «некоторые элементы экономического порядка»; *Щербинина Н.Н. Представления о природных ресурсах в России: XVIII век: автореферат дис. ... кандидата географических наук. М.: Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2005. С. 5; Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Дубман Э.Л. Изучение природных ресурсов европейского Юго-Востока России во второй половине XVII в. // «Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации», III Междунар. науч.-практ. Конф., Самара, 2015. В 2 ч. Ч. I. С. 225–230.*

¹⁵⁵ В это время выходят первые экономические работы русской мысли – «Книга о скудости и богатстве» Т.И. Посошкова, затрагивающая в том числе и проблемы отношений государя, дворянства и крепостных крестьян. Также начинают переводиться зарубежные (в основном немецкие) работы по экономической проблематике. В частности, именно в петровское время началась подготовка профессиональных геодезистов. *Фель С.Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 5–22.*

¹⁵⁶ *Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. СПб: 1902. №9–10. С. 48, 54–68; см. также Tribe K. Strategies of Economic Order. German Economic*

Поэтапное развитие экономической и научной литературы характеризовалось ростом понимания взаимосвязи географии, натуральной истории и вопросов развития государственной и частной экономики¹⁵⁷. Логика последовательного сопряжения теоретической и прикладной проблематики, проявлявшаяся в практиках описания земли, была закреплена и в букве Регламента Академии наук 1747 г.¹⁵⁸, в котором акцентировалась значимость «художеств», «описания земель» и «новых изобретений в травах, деревьях, камнях, солях, рудах, одним словом, во всем том, что внутри и на поверхности земли находится»¹⁵⁹.

В рамках этого курса, основным институциональным двигателем которого была Академия наук¹⁶⁰, вырабатывались новые подходы к сбору и

Discourse, 1750-1950. Cambridge, 2007. P. 20; Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Издательство «Наука», 1964 г. С. 406; Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение. Уральский исторический вестник. №3. 2013. С. 28.

¹⁵⁷ Никитин Н.П. Указ. соч. С. 46–48. Советский исследователь Н.П. Никитин с петровского правления отсчитывал три этапа «экономико-географического» изучения страны в XVIII в., связь каждого из которых обеспечивалась преемственностью поколений – от подготовленных в петровских образовательных институциях И.К. Кириллова и В.Н. Татищева через научное творчество М.В. Ломоносова к авторам екатерининской эпохи. На каждом из этих этапов, отмечает исследователь, росло понимание взаимосвязи географии, проблем экономики и народонаселения, вырабатывались новые формы сбора информации и ее представления, вопросы управления природными ресурсами и поиска новых полезных видов животных и растений. Н.Н. Щербинина характеризовала эволюцию представлений о природных ресурсах как переход от преимущественного внимания к проблемам логистики к проблемам поиска и использования ресурсов: «Если в трудах первой половины XVIII в. основным объектом внимания и изучения была гидрографическая сеть... то к концу столетия большее внимание стали уделять познанию земельных ресурсов... и соответствующих плодов земли». Щербинина Н.Н. Указ. соч. С. 24.

¹⁵⁸ Елисеева И.И., Иванова Е.А. Экономические исследования в Петербургской академии наук в XVIII веке // Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга: Очерки / Под ред. И.И. Елисеевой и А.Л. Дмитриева. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 9. Следует отметить, что в данном случае акцент делался на морских экспедициях и поиске новых земель; *Iosad A.* ‘Sciences strange and diverse’: Europeanization through the transfer of scientific knowledge in Russia, 1717–65. Diss. University of Oxford, 2017. P. 192.

¹⁵⁹ Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1975. С. 42–43.

¹⁶⁰ Так, перед Ф. Соймоновым, стоявшем во главе Нерчинской секретной экспедиции, была поставлена задача описания земель, подходивших для выращивания хлеба. См.: Березницкий С.В. Нерчинская экспедиция / С.В. Березницкий; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2014. С. 107. В ряде исследований отмечается, что перечни вопросов, которые будут разработаны

распространению информации (так, в ходе Камчатской экспедиции был апробирован метод анкетирования, который впоследствии был востребован ВЭО), происходила общая интенсификация хозяйственного освоения староосвоенных территорий и окраин империи, все более активно проявляла себя частная инициатива.

К середине 1760-х гг. были подготовлены детальные экономические описания отдельных губерний (в частности, «Топография Оренбургская» П.И. Рычкова) и отраслевые экономические карты. Для работ этого периода было характерно внимание к вопросам экономического поведения местного населения (в том числе в контексте дискурса исправления нравов), использования тех или иных хозяйственных методов, сочетающееся с усиливающимся интересом к описанию природного мира, выявлению скрытых экономических ресурсов и раскрытию их пользы¹⁶¹. Отдельную категорию материалов составляли планы землевладения и землепользования¹⁶².

Другой аспект «экономического просвещения» был представлен в дворянской литературе в рамках изданий, посвященных управлению помещичьим хозяйством¹⁶³. Так, по мнению В.И. Железнова, эволюция жанра

Академией наук, ВЭО, Коммерц- и Медицинской коллегией для академических экспедиций 1760–1780-х гг. опирались на почти полувековую традицию составления опросников разными ведомствами. См. также: *Бекасова А.В.* Изучение Российской империи экспедициями 1760-1780-х гг.: "взгляд" естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. №4. С.13-34; *Клейтман А. Л.* Сообщение из Царицынской комендантской канцелярии профессору Гмелину как источник по истории нижнего Поволжья второй половины XVIII столетия // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. №2. С.160; *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 10–65.

¹⁶¹ *Шоу Дж. Б.* Утилитарность в естественной истории: некоторые представления о живой природе в России XVIII века // Историко-биологические исследования. 2010. Том 2. № 4. С. 47. Шоу противопоставляет сухопутные экспедиции, проводимые Россией и Швецией, которые позволяли проводить вдумчивое исследование территорий и морские экспедиции, которые подобной возможности не предполагали.

¹⁶² *Преображенский А.И.* Указ. соч. С. 106, 114–126.

¹⁶³ См. напр.: *Быков Д.А.* Помещик и крестьянин в России XVIII – первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством. Дисс... канд. ист.наук. М., 2005. 277 с.

«наказа управителю» от «наказа Волынского» до работ В.Н. Татищева характеризовалась постепенным расширением тематики от практик администрирования к сложным вопросам моральной экономики и внедрения новых технических приемов хозяйствования¹⁶⁴.

Одновременно прослеживаются последовательные попытки ряда дворянских авторов и членов Академии наук создать представление о сельском домостроительстве как о приемлемых занятиях для высшего сословия¹⁶⁵. К примеру, в сочинениях В.Н. Татищева ставилась проблема сопряжения частного и общего блага, а также определения социальной роли дворянства в обеспечении этого процесса. Подчеркивалось, что частное домоводство относится к перечню необходимых наук, способствующих процветанию всего государства¹⁶⁶. В «Напоминании на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств» говорилось о «государственном попечении» или «мудрости экономии» как одной из трех основных задач государственного правления, состоящего в «приобретении и хранении всех польз государственных», к которым автор относил умножение народа, довольство подданных, побуждение к трудолюбию, ремеслам, промыслам и торгам, умножение «всяких плодов» животных и растений, научение страху Божею и умеренное хозяйствование¹⁶⁷. Таким образом, проводилась мысль о том, что государство зависит от действий частных экономических акторов, и потому «экономия» содержит в себе значимый этический (патриотический) компонент.

Результатом предыдущего развития и очередным этапом в усилиях интеллектуальной элиты по продвижении в читающей среде интереса к

---

¹⁶⁴ Железнов. В.Я. Указ. соч. С. 118–130.

¹⁶⁵ Iosad A. 'Sciences strange and diverse'... P. vi. Об экономии как необходимой для дворянина науке см. Татищев В.И. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ... С. 51–132.

¹⁶⁶ Н.К. Каратаев проводил традицию дискуссий о соотношении политики и экономии в российском интеллектуальном пространстве к работам Юрия Крижанича, который провел различие между «Икономией и Господарством кое учит владеть дом или челядь» и «Политикой, или Людоправное учение, и Кролевская мудрость: сия учит праведно, славно и честимо владеть людство грады и народы». Цит. по: Каратаев Н. К. Указ. соч. С. 30.

¹⁶⁷ Татищев В.И. Напомнение на присланное росписание... С. 202.

наукам вообще и экономии в частности стало начало в 1755 г. публикации при Академии наук журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», первого ориентированного на широкую аудиторию издания подобного рода. Так, в нем печатались переводные работы с описанием хозяйственных практик (например, направленных на повышение урожайности), статьи по более теоретическим вопросам (в частности, о том, как следует описывать государство). Благодаря журналу на русском языке стали доступны тексты выдающегося представителя камерализма И.Г. Юсти (в которых наряду с заботами о «распространении коммерции и мануфактуре», редакторами издания особо отмечались усилия автора по «наставлению в добрых нравах и в добродетели»¹⁶⁸) и представителей итальянского, шведского и английского меркантилизма¹⁶⁹.

Наконец, в демографических проектах конца правления Елизаветы Петровны проявился интерес элит к камералистскому учению – в частности, в таком сочинении, как «О разных государственной пользы способах» П. Шувалова и работе М.В. Ломоносова «О сохранении и размножении русского народа»¹⁷⁰. Все это свидетельствует о востребованности определенного набора идей и практик экономического просвещения интеллектуальным и политическим элитами российского государства в середине XVIII в.

---

¹⁶⁸ Цит. по: *Готовцева А. Г.* "Сие есть наиболее полезное для российского общества": журнал "Ежемесячные сочинения" как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 152.

¹⁶⁹ Там же С. 149; *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Тип. Императорской академии наук, 1867. Т. 2. №. 1. С. 96–98.

¹⁷⁰ Р. Бартлетт отмечает, что камералисты в целом рассматривали фактор роста населения как чрезвычайно важный для основных аспектов государственной деятельности, политических, фискальных и коммерческих. Не-камералисты, такие как Монтескье или Мирабо-старший, в большей степени следовали традиции авторов XVII в. с их вниманием к проблеме баланса между численностью населения и ресурсами, необходимыми для его поддержания. *Bartlett R.* Op. cited. P. 69–71.

1.1.3. ВЭО в контексте экономического просвещения начала правления Екатерины II: «Наказ», камерализм, популяционизм и роль дворянства

К началу правления Екатерины II современники весьма критически оценивали по меньшей мере одну из сторон экономического просвещения – степень изученности российских земель. Так, редактор «Ежемесячных сочинений» Г.Ф. Миллер указывал, что «Всякий, читая со вниманием печатанные в чужестранных землях о Российской империи книги и сам имея некоторое знание в Российской истории и географии, не может спорить, что оные книги наполнены премногими погрешностями, что очень много в них недостает того, что потребно к обстоятельному знанию о России и что повторяются в них разные известия, писанные лет тому назад за сто и за двести, к бесславию Российского народа»¹⁷¹.

О схожем ощущении самой императрицы, ее окружения и заинтересованной части интеллектуальной элиты свидетельствует содержание новых (и оказавшихся нереализованными) проектов экономического изучения страны, таких как «Карта продуктов» российских и Экономический лексикон российских продуктов¹⁷², призванных создать на качественно новом уровне обстоятельное описание экономических ресурсов государства.

Дополнительную актуальность данному направлению научных изысканий придавала и новая социокультурная ситуация, сложившаяся после выхода Манифеста о вольности дворянства. Помещики, получившие освобождение от службы, теперь имели потенциальную возможность принять участие в исследовательской работе, применяя новые методы хозяйствования и описывая свое поместье, уезд или губернию.

---

¹⁷¹ Цит. по: *Готовцева А. Г.* Указ. соч. С. 154. Схожие Миллеру мысли, правда в более позитивном ключе, выражала и сама императрица: в знаменитом письме Я. Гримму она подчеркивала, что питает особую любовь и чувствует себя наиболее полезной в «нетронутых» странах. Цит. по: *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 155.

¹⁷² *Преображенский А.И.* Указ. соч. С. 122–123..

Таким образом, учреждение ВЭО стоит в одном ряду с другими разноплановыми инициативами власти, такими как Генеральное межевание¹⁷³, академические экспедиции 1768 г. и проходило в русле интеллектуального движения, направленного на осмысление и описание территории империи¹⁷⁴.

Интересно и то, в какой мере учреждение ВЭО соотносилось с воззрениями самой Екатерины II на предмет экономического просвещения. Наиболее значимым свидетельством для подобного анализа является текст Наказа, обнародованный на следующий год после начала работы Общества. Отметим, что поскольку в центре нашего внимания находится вопрос о том, в какой мере учреждение ВЭО соотносилось с общей программой преобразований в сфере экономики, проводимой с 1763 г., то оценка степени влияния на нее камералистской парадигмы¹⁷⁵, оказывается не столь

---

¹⁷³ См.: *Милов Л.В.* Исследование об "Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины ХУШ в.) М.: Издательство Московского Университета, 1965. С. 34. В данной связи интересно упомянуть тезис М.М. Шпилевского о том, что в ходе третьей ревизии состоялся переход от фискального функционала ревизий к административному, а также изменение ее организации – от привлечения присланных чиновников к большему вовлечению местных властей и помещиков. В этом отношении можно отметить, что существенная часть усилий ВЭО была направлена на выработку навыков самоописания своих поместий, уездов и губерний у локального дворянства. См.: *Шпилевский М.М.* Указ. соч. С. 17–20.

¹⁷⁴ *Никитин Н.П.* Указ. соч. С. 78–104. См. также: Напр.: *Плещеев С.И.* Обзорение Российской империи. Во Граде Св. Петра, печатано в Императорской Типографии. 4-изд., 1793.

¹⁷⁵ *Расков Д. Е.* Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. №. 4. С. 73. См. также обзор литературы о камерализме и анализ экономических воззрений профессуры кафедры нравовучения Московского университета Н.Н. Поповского, И.Г. Фроманна и И.Г. Рейхеля в работе.: *Чаплыгина И. Г.* Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. №. 4. С. 80-94; *Шарф К.* Указ. соч. С. 124. Исследователи выделяют три условных формы камерализма: проработка практически ориентированных административных и экономических мероприятий, разработка общей теории управления государством или отдельными политическими/экономическими единицами и комплекс университетских дисциплин, которым обучались будущие государственные чиновники. См.: *Seppel M.* Cameralism in Practice // *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*, eds. By Marten Seppel and Keith Tribe. Boydell Press, 2017. P. 9; *Frabach H.* The Decline of Cameralism in Germany at the Turn of the Nineteenth Century. P. 239–244. О широком распространении идей камерализма в России начиная с правления Петра I писали многие авторы, мнения которых мы приводили выше. В то же время камерализм даже в правление Екатерины был весьма слабо институционализирован – проекты внесения камералистских курсов в учебные программы Московского университета, так и не были реализованы в отличие от Германии, в которой камерализм стал основой для обучения

существенна за исключением вопроса об обеспечении роста населения государства.

Проблемы демографии явно акцентируются в «экономических» главах «Наказа». Идея «ободрения размножения народа» рассматривается в одной связке с вопросами экономии – отсюда и тезис об «употреблении оных» [т.е. людей] «в пользу, сколько к чему довольно по количеству людей и пространству земель». Если, как полагала С. Томаселли, «изучение теорий XVIII в. о росте населения – нить Ариадны для всякого, кто хочет понять эпоху Просвещения»¹⁷⁶, то именно в камералистской литературе наиболее последовательно подчеркивались экономические выгоды континентальных государств (таких, как Германия и Россия) от подобного роста, создающего перспективы заселения и хозяйственного освоения пустующих территорий¹⁷⁷.

Другие положения «Наказа», в которых фигурировала проблематика экономического развития, были призваны подчеркнуть значимую «природную» составляющую экономии и важность изучения «пространства земель». Например, в тексте обнаруживается подробный список потенциально полезных вещей: к их числу были отнесены растения и плоды, лес, деревни, животные, металлы, соли, крупы, камни; «также и рыбы и вообще все, что ни находится в водах»¹⁷⁸.

чиновников и в целом административного аппарата. См.: *Каратаев Н. К.* Указ. соч. С. 39; *Tribe K.* Concluding Remarks. *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*, eds. By Marten Seppel and Keith Tribe. Boydell Press, 2017. P. 264.

¹⁷⁶ *Tomaselli S.* Moral Philosophy and Population Questions in Eighteenth Century Europe // *Population and Development Review*, Vol. 14, Supplement: Population and Resources in Western Intellectual Traditions. 1988. P. 7.

¹⁷⁷ *Scott H.* The fiscal-military state and international rivalry during the long eighteenth century // *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe*. Routledge, 2016. P. 41. *Шилевский М.М.* Указ. соч. С. 3; См.: *Bartlett R.* Op. cited. P. 71. Таким образом, предполагается, что камералистская литература адресовалась прежде всего для дворянам и государственным служащим, обладавших, по причинам неразвитости государственного аппарата значительной степенью автономии от центрального правительства, которое фокусировалось на обеспечении общих условий жизни своих граждан в правовой, экономической и моральной сферах – «laissez-faire плюс осмотрительность» или «laissez-faire без глупостей» по выражению Й.А. Шумпетера. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. С. 218–220.

¹⁷⁸ Наказ Екатерины II. С. 158. Н.М. Дружинин считал, что экономическая повестка, изложенная Екатериной II в XII–XIII главах «Наказа» в тезисе о необходимости

Одновременно обосновывалась важность «моральной экономии» и предлагались социально-этические механизмы ее улучшения. Преимущественное внимание в данном контексте уделялось проблемам земледелия. В главе «О дворянстве» Екатерина отмечала: «Земледельцы живут в селах и деревнях, и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий»¹⁷⁹. Состояние поземельных отношений, особенно распространение оброка, который, как отмечала императрица, приводил к падению нравов помещиков и крестьян, вызывало у нее тревогу, облакавшуюся в характерные для XVIII в. формулы об опасности бродяжничества для социальной и политической устойчивости государства¹⁸⁰.

В предложенных Екатериной II путях исправления (или «улучшения») ситуации с освоением хозяйственных ресурсов империи звучали элементы риторики экономического просвещения, а также декларировались отвечающие моменту трактовки социальной роли дворянства.

Так, она сетовала на отсутствие «книги правительством изданная о земледелии, из которых каждый крестьянин может в своих недоумениях пользоваться наставлениями»¹⁸¹. При этом основным инструментом побуждения «земледельцев» именовалась слава: «Но славолубие есть столь твердая подпора правлению, сколь опасна гордость. В уверение сего должно только представить себе с одной стороны безчисленное множество благ от славолубия происходящих: отсюду рачение, науки и художества, учтивость, вкус; а с другой стороны безконечное число зол..»¹⁸². В доказательство эффективности этого принципа приводился пример Китая, в котором якобы

максимального размножения населения и заселении пустынных пространств была вдохновлена именно немецким камерализмом. См.: *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 440.

¹⁷⁹ Наказ Екатерины II. С. 105–106.

¹⁸⁰ См. напр.: Там же. С. 78–79.

¹⁸¹ Там же. С. 87.

¹⁸² Там же. С. 87–88.

«лучших земледельцев и рукодельщиков» награждают и отмечают перед всем государством¹⁸³.

«Нарицание в чести» прямо увязывалось с процессом просвещения высшего сословия и прививания ему ведущих к благоденствию всего государства добродетелей, ключевыми из которых были «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к Государю...»¹⁸⁴. Схожие представления о наличии непосредственной связи между дворянским честолюбием и экономическим прогрессом высказывались Екатериной и ее окружением и ранее. В частности, в переписанном императрицей докладе Комиссии о правах и преимуществах русского дворянства, подготовленного Г.Н. Тепловым (один из учредителей ВЭО) в 1763 г.

В данном тексте на основе апологии честолюбия обосновывалось преимущество двора екатерининской эпохи, представитель которого движим «единым честолюбием» перед двором петровского времени, в котором власти приходилось прибегать к принуждению для стимулирования высшего сословия к службе. Данный вывод затем прямо увязывался с вопросом о сельском домостроительстве: находясь в своем поместье движимый новыми нормативными представлениями о чести дворянин «делает... пользу государству земледелием и экономией своею» и одновременно выступает в качестве проводника инноваций: «крепостные люди, могут ли что знать, тем меньше изобретать новаго и полезнаго в ремеслах, рукодельях, содержании законов»; обосновывается также, что непосредственное управление хозяйства помещиком по умолчанию эффективнее, чем его передача приказчику: «...всякое домостроительство всегда у хозяина самого под глазами больше распространяется, чем у поверенных его». В случае же, если дворянин не выполняет свои функции в «приватной экономике», то это свидетельствует о

---

¹⁸³ Там же. С. 86.

¹⁸⁴ Там же. С. 106–107.

его неготовности и к государственной службе: «ежели нерачителен сам в доме своем, то и на службе не может быть много полезен»¹⁸⁵.

Таким образом, и ключевые цели учреждения ВЭО – стимулирование частной инициативы для решения задач развития экономики, – и некоторые инструменты их достижения, главными из которых были подготовка печатного издания и апеллирование к добродетелям (прежде всего дворянским) проговаривались императрицей и ее окружением и до и после 1765 г. В данной связи весьма ценно замечание Н.В. Козловой о том, что рецепция камерализма в России заключалась не в прямом заимствовании институтов, но скорее в принятии определенного взгляда на то, в каком направлении должна осуществляться и какие цели преследовать государственная политика¹⁸⁶.

В учредительных документах Общества мы не обнаруживаем четких указаний на какую-либо целостную идейную программу. В том числе там нет явных отсылок к дискурсам популяционизма или камерализма. Выявление определенных элементов *стиля мышления* их авторов может быть предпринято лишь на основании косвенных свидетельств. К подобным свидетельствам возможно отнести сравнительно редкое использование термина «коммерция», который встречается там лишь дважды¹⁸⁷. Во-первых, констатируется, что развитие земледелия и домостроительства позволило «выгодной коммерции твердое положить основание»¹⁸⁸. Во второй раз речь идет о развитии Британии:

---

¹⁸⁵ Доклад Комиссии о правах и преимуществах русского дворянства // СИРИО, т. 7. СПб, 1871. С. 241–248.

¹⁸⁶ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. С. 365.

¹⁸⁷ В последних исследованиях феномена камерализма отмечается сфокусированность пишущих в этом направлении авторов на решении проблем внутреннего развития государства, эффективного использования локальных ресурсов, совершенствования методов управления помещьем, а также на вопросах этики и морали при сравнительно слабом интересе к вопросам коммерции. *Tribe K. Baltic Cameralism? Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*, eds. By Marten Seppel and Keith Tribe. Boydell Press, 2017. P. 4–63. Трайб также отмечает, что ни в английской, ни во французской экономической литературе не сложилось подобного немецкому отношения к проблемам управления государством и помещьем и пренебрежения вопросами коммерции. См.: *Tribe K. Concluding...* P. 265.

¹⁸⁸ Предуведомление...

«Самой Политике трудно будет решить, более ли сие государство одолжено цветущим состоянием своего народа коммерции, или ежедневно поправляющемуся сельскому домостроительству»¹⁸⁹. Таким образом учредители явно оставляли вопрос о коммерции на второй план. В целом за исключением статьи Т.И. Клингштедта о торговле пшеницей, данная проблематика затрагивалась в «Трудах» действительно редко. Работы, в которых так или иначе упоминалась коммерция, не были выделены в отдельную категорию в тематическом рубрикаторе, опубликованном в 1783 г.¹⁹⁰

Дополнительным аргументом в пользу наличия элементов популяционистского подхода в программе ВЭО может также считаться упоминание медицинской проблематики в перечне обязанностей членов, корреспондентов и аускультантов. Так, в их числе значилась обязанность «делать верные опыты, касающиеся до домостроительства, земледелия... не пренебрегая и того, что способствовать может к сохранению здоровья сельских жителей»¹⁹¹.

В документах также нет прямых отсылок к теориям дворянской исключительности, которые, будучи включены в программу ВЭО, могли бы подорвать претензии его учредителей на эгалитарный характер Общества, членами которого могли стать все «любезные сограждане, то есть все обитатели пространная Российские Империи»¹⁹².

---

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Оглавление материй в XXXVI частях Трудов Вольного экономического общества // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. Т. 36. Ч. VI., СПб., 1785.

¹⁹¹ Устав. Без пагинации. В частности, в числе «Экономических вопросов» (Экономические вопросы... С. 184.) можно обнаружить вопрос о том, сажают ли крестьяне «земляныя яблоки, потетосы или тартофели, или произрашения сии там со всем не известны»? Как отмечает Р. Эрл, вопрос о разведении картофеля – яркий маркер популяционизма: именно стремлением улучшить демографическую ситуацию обосновывалось разведение картофеля в разных странах Европы. Наиболее последовательными критиками проектов распространения картофеля были физиократы. Согласно их доктрине, любая деятельность, отвлекавшая от производства главного источника богатства, а именно коммерческого производства пшеницы, подлежала критике. См.: *Earle R. Promoting Potatoes in Eighteenth-Century Europe // Eighteenth-Century Studies. 2017. 51 №. 2. P. 153–154.*

¹⁹² Предуведомление...

Все это позволяет говорить о ВЭО как об одном из многих проектов Екатерины II и окружения, направленных на улучшение российской экономики (понимаемой скорее всего через призму камералистской модели), в рамках которого соединялись идеи привлечения частной инициативы, а также производства и распространения новых знаний. Своеобразие проекта Общества проистекало прежде всего из его уникального положения как самоуправляемой и эгалитарной организации.

1. 2. Прикладное научное знание и публика

Рассуждение сочленов ВЭО о наступившем «экономическом веке» как о времени распространения «наук и знаний», которые служат благу империи и всего человечества обозначает второй значимый для них социокультурный аспект эпохи Просвещения. Он был связан с развитием институтов, обеспечивавших производство и распространение знаний. Процитированный выше тезис Г. Миллера о неизученности России как источнике «бесславия россиян», размышления Екатерины II о честолюбии как мотиваторе деятельности дворян и ремарка о прославлении земледельцев в Китае, свидетельствуют о том, что современники различного социального происхождения считали прямо связанными темы развития экономики (и полезных наук) и чести и престижа государства, в том числе и на международной арене. В настоящем разделе исследования мы рассмотрим вопрос о формах организации и способах функционирования данных институтов.

1.2.1. Пространство научной коммуникации эпохи Просвещения

Ключевой социокультурной предпосылкой экономического просвещения было признание востребованности научного знания для эффективного управления и обеспечения развития экономических единиц.

Таким образом от интеллектуалов ожидалось активное участие в жизни общества и готовность решать его насущные проблемы¹⁹³.

Формы и практики организации производства и распространения знаний во второй половине XVIII в. восходили к двум взаимосвязанным традициям: патронажа, в рамках которой политическая элита¹⁹⁴ предоставляла институтам науки (академии, научные общества) и отдельным исследователям финансирование и обеспечивала им статус¹⁹⁵, а также идее сетевой «республики учености»¹⁹⁶. Последняя предполагала транснациональную

---

¹⁹³ В целом историография, посвященная различным аспектам научной революции XVII века столь обширна, что не представляется возможным привести даже приблизительный список релевантных работ. В настоящей работе мы использовали следующие исследования: *Pocock J.G.A.* The Machiavellian Moment. Princeton University Press, 1975. P. 63–65; *Fumaroli M.* The Republic of Letters // *Diogenes* 1988 36: 141–142; *Popplow M.* Why Draw Pictures of Machines? The Social Contexts of Early Modern Machine Drawings in *Picturing Machines 1400–1700* ed. By Wolfgang Lefèvre (Cambridge, MA), 2004. pp. 17–48. См. также: *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона // Доклады советских делегатов на II международном конгрессе по истории науки и техники. М., Л., 1933. *Biagioli M.* Etiquette, Interdependence, and Sociability in Seventeenth-Century Science // *Critical Inquiry*, Vol 22, No. 2 (Winter 1996), pp. 193–238; Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М., 2014. С. 235–275 Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / Питер Деар, Стивен Шейпин. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

¹⁹⁴ Институциональные формы этого союза имели национальную и культурную специфику; во Франции учреждение Академии наук было связано с реформами Ж.-Б. Кольбера, в германских государствах конца XVII века тесная связь ученых и государства также совпадала с «ростом административных государств». В Британии сложилась несколько другая система: Лондонское королевское общество, созданное в 1660 г., зависело прежде всего от финансовой поддержки влиятельной аристократии. *Briggs R.* The Académie Royale des Sciences and the Pursuit of Utility // *Past & Present*, No. 131 (May, 1991), P.42; *Eskildsen K. R.* “How Germany Left the Republic of Letters.” *Journal of the History of Ideas*, vol. 65, no. 3, 2004. P. 423; *Gascoigne J.* The Royal Society and the emergence of science as an instrument of state policy. *British Journal for the History of Science*, 1999, 32, pp. 171–172. Индифферентность английского государства как целого по отношению к Королевскому обществу, проявившаяся вскоре после его основания в противоречие первоначальному проекту Ф. Бэкона, который предполагал тесное сотрудничество Общества и государства, снизило исследовательский потенциал научной организации по сравнению с их коллегами на другом берегу Ла-Манша. И всё же Общество поддерживало тесные контакты с военной бюрократией, прежде всего с Адмиралтейством.

¹⁹⁵ *Biagioli M.* Etiquette, Interdependence...; *Бекасова А.В.* «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации (на примере графа Н.П. Румянцева) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 24; См. так же *Darnton R.* The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History (Basic Books Classics), 2009. P. 168.

¹⁹⁶ В отечественной традиции используется сразу несколько вариантов этого понятия: «республика ученых», «республика литераторов» или «республика ученых писем». Далее мы будем использовать предложенный В.С. Трофимовой вариант «республика учености».

солидарность интеллектуалов, наличие у них собственного языка (латыни) и специфических практик – в первую очередь практики письменной коммуникации¹⁹⁷. Вместе с тем до XVIII в. данные институты были малочисленны и, по выражению К. Шмитта, «очень далеки от масс»¹⁹⁸. Социокультурные процессы XVIII столетия, однако, в определенной мере изменили эту ситуацию.

Согласно Р. Шартье, ключевым феноменом эпохи стала «вторая революция чтения»¹⁹⁹, смысл которой заключался в появлении фигуры массового читателя и переходе от интенсивного к экстенсивному методу чтения, ранее характерному лишь для узкой группы интеллектуалов. Все это привело к более интенсивному формированию национальных рынков печати (прежде всего в странах, вовлеченных в трансатлантическую торговлю)²⁰⁰ и быстрому развитию системы периодической печати, которая могла

См.: Трофимова В.С. "Республика учености": идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог со временем. – 2007. – №. 20. С. 90; Елизаров В. П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого сообщества» // Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю. Л. Качанова и А. Т. Бикбова. М., 2000. С. 107–111. *Eskildsen K.R.* How Germany Left the Republic of Letters // *Journal of the History of Ideas*, vol. 65, no. 3, 2004. P. 421. Л. Дастон также отмечает, что большая космополитичность была характерна для научных организаций, чем для литературных или художественных. См.: *Daston L.* Op. cited. P. 372; *Fumaroli M.* The Republic of Letters // *Diogenes* 1988 36: 151.

¹⁹⁷ Юдин Г.Б. Иллюзия научного сообщества. Социологическое обозрение. Т. 9. №3. 2010. С. 60; *Россок J.G.A.* Op. cited. P. 61.

¹⁹⁸ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 52.

¹⁹⁹ Шартье Р. Репрезентации письменного текста // Письменная культура и общество, М.: Новое издательство, 2006. с. 31–32.

²⁰⁰ *De Pleijt A.M., van Zanden J.L.* Accounting for the “Little Divergence”: What drove economic growth in pre-industrial Europe, 1300–1800? *European Review of Economic History*, Volume 20, Issue 4, 2016. P. 395–396; *Baten J., van Zanden J.L.* Book production and the onset of modern economic growth. *Journal of Economic Growth* (2008) №13, pp. 217–235. В работах по экономической и количественной истории этот показатель используется для более точной, чем классический анализ уровня грамотности, оценки предполагаемого роста человеческого капитала в европейских странах раннего Нового времени. Вопрос о том, в какой степени рост человеческого капитала влиял на экономический рост в разных странах, и какое влияние он оказал, и оказал ли, на старт Промышленной революции и в настоящее время остается дискуссионным. Подборка мнений, аккумулирующая результаты дискуссии по этому вопросу преимущественно на британском материале, представлена в работе: *de Pleijt, A.M.* (2018). Human Capital Formation in the Long Run: Evidence from Average Years of Schooling in England, 1300-1900, *Cliometrica*, vol. 12, no. 1. P. 99–101.

обеспечивать высокую динамику производства, распространения и обсуждения текстов, верифицирования знаний, в том числе экономических и естественно-научных, чем «обычное» книгопечатание²⁰¹. Ко второй половине XVIII в. новые системы письменной коммуникации уже охватывали страны Восточной Европы и колонии европейских государств в других частях света²⁰².

Яркую характеристику Просвещения как феномена печати, дал французский философ М. Кондорсе, провозгласивший, что именно он разделяет «находящееся во мраке прошлое и основанное на разуме будущее»²⁰³. Историк Д. Рош обратил внимание и на акцентируемую современниками значимость коммуникационного аспекта Просвещения: «путешествие» предполагало не только перемещение людей, но и обмен идеями, ведение диалога, «непрерывное общение в разных формах, от

---

²⁰¹ Так, если на французском языке в 1710 г. выходило 30 периодических изданий то, к 1780-м их число бы более 167. В Германии в 1780-е издавалось порядка 718 периодических изданий. См.: *Withers Ch. W. J.* (2007). *Placing the Enlightenment: Thinking Geographically About the Age of Reason*. P. 46; *Cooper A.* "The Possibilities of the Land": The Inventory of "Natural Riches" in the Early Modern German Territories. *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Suppl. P. 141; *Broman T.* The Habermasian Public Sphere and "Science in the Enlightenment" // *History of Science* Vol 36, Issue 2, P. 127; *Burke P* (2012), 'The Republic of Letters as a communication system, *Media History*, 18 (3-4), p. 396. *Bradbury J.M.* *Prose Genre and the Emergence of Modern Economic Reasoning in Eighteenth-Century Britain in History of Economic Rationalities*. Springer, Cham, 2017. P. 7. В этом отношении вполне обоснована критика взгляда об «отделении квалифицированной науки или научного сообщества от сциентистского движения», изложенного, например, в работе Дж. Бэн-Дэвида применительно к XVIII в. См.: *Бен-Дэвид Д.* Роль ученого в обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 344 с. С. Рихтер отмечает, что авторы экономической литературы в большей степени ориентировались на национальную аудиторию. *Richter S.* German "Minor" Thinkers? The Perception of Moser's and Justi's Works in an Enlightened European Context // *Administrative Theory & Praxis*. 2014. 36. №. 1. P. 51.

²⁰² *Burke P.* 'The Republic of Letters as a communication system // *Media History*. 2012. vol. 18 (3-4), pp. 395-407; *Vinnal H.* The world refuses to shrink: the speed and reliability of information transmission in North and Baltic Sea region, 1750–1825 // *European Review of Economic History*. 2014. vol. 18, pp. 398–412. Например, значительный рост скорости морского транспорта был достигнут только в Британии благодаря технологии обшивки днищ деревянных кораблей медью: *Kelly M., Ó Gráda C.* Speed under sail during the early industrial revolution (c. 1750–1830) // *The Economic History Review*. 2019. vol. 72. №. 2. P. 459-480; *Jones P.M.* Living the Enlightenment and the French Revolution: James Watt, Matthew Bolton, and Their Sons // *The Historical Journal*, Vol. 42, No. 1 (Mar., 1999). P. 163. Так, скорость доставки писем из Парижа в Бирмингем до Французской революции составляла всего 4 дня.

²⁰³ Цит. по: *Johns A.* The identity engine: printing and publishing at the beginning of the knowledge economy // *History of Science and Scholarship in the Netherlands*. 2007. №. 9. P. 403.

публикации путевых заметок, до продолжительной переписки по различным научным проблемам»²⁰⁴.

Новое научное знание оказалось востребованным не только относительно малочисленной группой интеллектуалов, но и читающей публикой, считающей его обсуждение *модным*²⁰⁵. Менялся и стиль производства знания: ко второй половине XVIII в. складываются представления об авторском праве на интеллектуальную собственность, которые еще сочетались с восприятием «автономии созданного текста», что определяло бескорыстное к нему отношение и располагало к диалогу о его содержании²⁰⁶.

Возникновение новых практик «культуры социального общения» или «публичной сферы» задавало рамки этим формам коммуникации. В основе данных представлений лежало допущение о возможности согласия равных между собой участников диалога, которые выступают с позиций общего блага²⁰⁷. Стремление к научной объективности также требовало публичности,

---

²⁰⁴ Рош Д. Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь. / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 359. Проблема коммуникации в контексте Просвещения. См.: Юдин Г.Б. Иллюзия научного сообщества. Социологическое обозрение. Т. 9. №3. 2010. С. 62. Отметим, что до середины XIX века пространство республики ученых было полностью основано на личных встречах и практиках письменной коммуникации: его члены из разных регионов фактически не имели возможности собираться вместе физически, что станет возможно с появлением в XIX веке таких научных практик как проведение конференций. См. также: *Adler K. Scientific Conventions: International Assemblies and Technical Standards from the Republic of Letter to Global Science // Nature Engaged. Science in Practice from the Renaissance to the Present*, eds. by Mario Biagioli and Jessica Riskin. Palgrave Macmillan, 2012. P. 19. М.И. Радовский охарактеризовал этот период в истории науки как «эпистолярный». *Радовский М.И.* Из истории англо-русских научных связей. М.- Л.: Наука, 1961. С. 145.

²⁰⁵ Ферроне В. Наука // Мир Просвещения. Исторический словарь... С. 344.

²⁰⁶ *Шартье Р.* Автор в системе книгопечатания // Письменная культура и общество... С. 52–71.

²⁰⁷ Выявление процесса коммуникации как фундаментального принципа, лежащего в основании феномена публичной сферы, оказалось более перспективным для последующих исследований, чем характеристика Хабермасом его социальной и политической природы. организациями второй половины XVIII века, равно как и их жесткое противопоставление государству, давно и последовательно подвергаются критике. См. напр.: *Sheehan J.J.* Introduction: culture and power during the long eighteenth century // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*, ed. By Hamish Scott and Brendan Simms, Cambridge, 2007. P. 6. Обзор критики концепции Хабермаса см. также в: *Salvatore A.* The Public Sphere. Liberal Modernity, Catholicism, Islam. Palgrave Macmillan, 2007. P. 1–33. Ш.-Л. Хоффман,

поскольку только представленное на обсуждение знание могло быть освобождено от авторского субъективизма²⁰⁸.

Так, И. Кант разделял публичное применение разума «*ученым* перед все читающей публикой», и частное, совершаемое «человеком на доверенном ему гражданском посту или на службе»²⁰⁹. В тоже время, профессионализация

также говорит о том, что не следует «подводить под практики гражданского общества конца XVIII – начала XIX века социально-политические цели, о которых оно и представления не имело...». См.: *Хоффман Ш.-Л.* Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 17. В работе Д. Билза оспаривается априорная связь развития публичной сферы или общественного мнения с модернизацией. В качестве примера он приводит практику подачи петиций монарху при дворе Иосифа II, равно как и их содержание, которые более походила на адаптацию под современные времени инструментальные возможности практик политического диалога более раннего времени. См.: *Beales D.* Joseph II, Petitions and the Public Sphere // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*, eds by Н. Scott, В. Simons, Cambridge, 2007. P. 251. С. Дж. Барнетт, рассматривая возможность применения теории публичной сферы к сфере религиозных конфликтов в XVII–XVIII вв. критикует не только трактовку публичной сферы как иницируемой исключительно буржуазией, но и представление о ее секулярном характере. Он объясняет это тем, что вообще малое внимание уделялось проблеме религиозной и политико-религиозной борьбы, которая на рубеже XVII–XVIII вв. и в определенной степени стимулировала развитие общественного мнения и публичной сферы, а также замечает, ссылаясь на работы Р. Дарнтона, что Просвещение стоит рассматривать как широкий в социальном и идеологическом отношении феномен, в рамках которого шел широкий и динамичный поток идей, не замкнутый исключительно на творчестве наиболее известных философов. См.: *Barnett S.J.* The Enlightenment and religion. The myths of modernity (Manchester: Manchester University Press, 2003). P. 206–207. Критику концепта публичной сферы как сенсора мнений общественности с позиций политической философии см.: *Капустин Б.Г.* Тезисы о политической философии // *Политическая концептология* № 2, 2011. С. 39–46.

²⁰⁸ *Broman T.* Op. cited. P. 131. См. так же *Sparry E.C.* Eating the Enlightenment: Food and the Sciences in Paris, 1670–1760. University of Chicago Press, 2012. P. 9.

²⁰⁹ *Кант И.* Что такое Просвещение? / Кант. И. Сочинения в шести томах. Т.6. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1966. С. 29; Кант И. Спор факультетов. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 50–52. См.: *Eskildsen K.R.* “How Germany Left the Republic of Letters.” *Journal of the History of Ideas*, vol. 65, no. 3, 2004. P. 425–426. Подчеркивая универсальность Просвещения, его незамкнутость в национальных и социальных границах, Кант оставил государству сферу частного применения разума, необходимого последнему для создания «искусственного единодушия» посредством которого государство направляет членов общества на «осуществление общественных целей» или, по крайней мере, воздерживает от их уничтожения. Государство, однако, не должно вмешиваться в сферу публичного применения разума, в которой осуществляется Просвещение. Кантом ставится вопрос о том, каким образом обеспечить институциональную автономию разума в его контактах с государством, которое имеет прямые связи с научными организациями — именно научная сфера и в наибольшей степени университет готовили для государства образованных людей, которые обладали достаточной квалификацией для отправления своих гражданских обязанностей, а также профессиональных ученых, в круг обязанностей которых входило консультирование

науки еще не стала барьером для её восприятия не-специалистами в той мере, которая будет достигнута в XIX–XX вв.: в Европе XVIII в. широкое распространение получили публичные конкурсы, предполагавшие свободное состязание идей²¹⁰.

При этом, как отмечают исследователи, в действительности публичная сфера имела четкий социальный портрет²¹¹. В новых практиках коммуникации преимущественно участвовали аристократы, академические интеллектуалы и представители среднего класса, зачастую связанные с государством.

государства в интересующих его областях. Как показал К. Эскилдсен, в своём разделении науки и политики И. Кант опирался на работы предшественников. Так, немецкий философ Христиан Томазий, считал, что каждый человек имеет несколько характеров (*personae*), которые были определены позицией и функциями индивида в обществе: как гражданин человек должен подчиняться старшим и быть вежливым с равными, но, как ученый, он имеет право на критику, в том числе и тех, кто находился выше его в социальной иерархии, потому что его функция в политическом мире обязывает его выступать с этой критикой. Тем самым формируется представление, что гарантом индивидуальной свободы критического интеллектуала, который борется с предрассудками является государство просвещенного абсолютизма, а не «республика ученых».

²¹⁰ *Burke P.* Op. cited. P. 397; *Broman T.* Op. cited. P. 123. См. также исследование французских академических конкурсов в работе Ж. Карадонны: *Caradonna J. L.* (2012). *The Enlightenment in Practice: Academic Prize Contests and Intellectual Culture in France, 1670–1794.* Ithaca: Cornell University Press. Pp. 220–222. Академические конкурсы, в которых могли принять участие выходцы из всех социальных слоёв, в том числе и тех, кто ранее не был связан с институционализированной академической или интеллектуальной деятельностью, и иностранцы демонстрируют идею публичного обмена знаниями, и опровергают представление о замкнутости, элитарности, академических институтов Ancien Régime. Монархия воспринимала эту деятельность вполне серьезно, рассматривая ее как один из способов получения технической экспертизы. Характерно, что уже в XIX веке практика проведения академических конкурсов сходит на нет — правительства стали значительно меньше доверять «публике» в вопросах науки. О транзакционном характере публичной сферы в контексте истории идеи университета и о «коммуникации как первом законе Университета Шлейерхмахера» См. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом. Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 134–135; 221–222.

²¹¹ *Mah H.* Phantasies of the public sphere: Rethinking the Habermas of historians // *The Journal of Modern History.* – 2000. vol. 72. №. 1. P. 165. Мах отмечает, что с точки зрения нормативного подхода к концепции публичной сферы она не может быть «буржуазной» так как для входа в нее индивид должен абстрагироваться от собственных социальных характеристик. См. также: *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М: Издательский дом «Искусство», 2001. С. 31; *Fissel M., Cooter R.* Exploring Natural Knowledge: Science and the Popular / *The Cambridge History of Science. Volume 4: Eighteenth-Century Science* ed. by Roy Porter. Cambridge, 2003, P. 157.

Представительство низших страт общества практически повсеместно оставалось незначительным²¹².

Тесная связь социокультурных изменений в научной и общественной сферах проявилась и в растущей вовлеченности государства в процессы производства и распространения знаний. В данном контексте современниками вновь был актуализирован вопрос о соотношении государственного начала и идеи «республики учености». Например, И. Кант и его предшественники полагали, что государство должно гарантировать «критическим интеллектуалам» свободу в «публичном отправлении разума» поскольку в конечном итоге в этом и заключалась их социальная роль. Однако на практике конкретные формы данных отношений, по-видимому, варьировались в зависимости от национальной специфики²¹³.

Данная неопределенность отражается и в исследовательских оценках. Так, по утверждению В.С. Трофимовой, именно в эпоху Просвещения состоялся переход в развитии «республики учености» от независимости в XVI в. к формированию «формальных каналов коммуникации» под началом государства²¹⁴. Однако Я. Кусбер отмечает, что с «середины XVIII и до начала

---

²¹² *Tollnek F., Baten J. (2017): Farmers at the heart of the 'Human Capital Revolution'? Decomposing the numeracy increase in Early Modern Europe. The Economic History Review 70 (3), pp. 779-809.* При этом доля земледельцев в «революции человеческого капитала» XVIII в., которая заключалась в значительном увеличении количества грамотных, составляла по меньшей мере 1/3. Этому способствовало распространение рыночных отношений в сельской местности — земледельцы вели счетные книги, следили за ценами, и получали лучшее питание по сравнению с большей частью городского населения. Рост количества выпускаемых печатных материалов, которыми они пользовались — такими как календари, популярные брошюры — также свидетельствует о росте грамотности сельского населения.

²¹³ Характерно, что ряд исследователей пишет о республике ученых как о феномене преимущественно XVIII века, аргументируя это тем, что в предыдущие эпохи интенсивность коммуникации не позволяла говорить о ней как о действительно значимом и влиятельном феномене. В других работах представлено мнение о последовательной эволюции республики ученых сквозь века. В.С. Трофимова приводит мнения различных авторов, которые отмечают, что закат Республики пришелся на 1720-е гг.; другие же напротив полагают, что вторая половина XVII–первая половина XVIII вв. – время ее расцвета, существует и мнение, что лучшее ее время – период Революции. См.: *Трофимова В.С. "Республика учености": идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог со временем. 2007. №. 20. С. 98.*

²¹⁴ *Трофимова В.С. Указ. соч. С. 95. См. также: Fissel M., Cooter R. Exploring Natural Knowledge... P. 130.*

XIX столетия, все еще можно говорить о единой академической элите», которую лишь во время наполеоновских войн разделило «триумфальное шествие национализма»²¹⁵. Ш.-Л. Хоффман пишет о происходившей в XVIII в. трансформации республики ученых в рамках «нового транснационального социального пространства», которое составляли салоны, клубы и общества²¹⁶. Л. Дастон отмечает, что размышления Вольтера о разнице между британским научным стилем и стилем континента, в том числе и Франции, а также Германии, Соединенных провинций, Италии, Швейцарии и России, свидетельствуют о распространенности во второй половине века представлений о том, что именно государство было основой культурной идентичности и в данной сфере²¹⁷. К. Эскилдсен указывает, что в середине XVIII в. начинается постепенный выход немецких интеллектуалов из «республики учености» и их постепенная переориентация на национальные системы организации науки²¹⁸.

Как отмечалось выше, в цитатах Екатерины II и призывах учредителей ВЭО к способствованию «общей пользы человеческого рода», прослеживалась очевидная для современников связь между научными достижениями и славой государства, а процесс сбора и накопления знания понимался как совместное дело ученых в рамках европейского культурного пространства²¹⁹. Таким образом, «экономика славы» научного сообщества XVIII в. характеризовалась сложной системой мотиваций акторов: личный успех и достижения ученого

---

²¹⁵ Кусбер Я. «Далекie центры науки»? // «Быть русским по духу и европейцем по образованию: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. Отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2009. С. 73. П. Бёрк относит распад единой академической общности ко времени наполеоновских войн, которые обрушили системы коммуникации между воюющими сторонами. Вторую причину Бурк видит в триумфе национализма, который привел и к «национализации знания». *Burke P* Op. cited. P. 397.

²¹⁶ Хоффман Ш.-Л. Указ. соч. С. 31.

²¹⁷ *Daston L.* The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // *Science in Context.* 1991. P. 368–380.

²¹⁸ *Eskildsen K. R.* “How Germany Left the Republic of Letters.” // *Journal of the History of Ideas,* vol. 65, no. 3, 2004.

²¹⁹ Юдин Г.Б. Указ. соч. С. 62; *Broman T.* Op. cited. P. 139; *Withers Ch. W. J.* (2007). *Placing the Enlightenment: Thinking Geographically About the Age of Reason.* P. 44.

внутри государства и в рамках «республики учености» коррелировали и с престижем государства. Следствием этого стало возникновение своеобразного «космополитического патриотизма» в среде интеллектуалов. Соотношение национального и космополитического могло проявляться по-разному в зависимости от культурной специфики.

1.2.2. Читательская среда и академическая культура в России

Вхождение России в единое научное пространство со странами западной Европы, выработка новых форм социальности (учреждение ВЭО целесообразно рассматривать как логическое продолжение этого курса в новых условиях) и формирование читательского рынка в целом рассматриваются как часть модернизационного проекта Петра I и последующих российских монархов, направленного в том числе на трансформацию социума и прежде всего дворянства²²⁰. Инструменты реализации данного проекта учитывали ряд отличительных для российского социума черт при сохранении общих для европейских стран социокультурных тенденций²²¹.

Так, исследователи подчеркивают, что социальная база модернизационного проекта в России по сравнению с «нормативными» странами Западной Европы была более узкой и носила преимущественно дворянский характер²²². Это отразилось на специфике развития книжного

---

²²⁰ *Gordin M.* The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences. // *Isis*. vol. 91, No. 1 (Mar., 2000). Pp. 1-31; *Iosad A.* 'Sciences strange and diverse'... P. iv; *Kaplan V.* Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia... P. 32. Известная ремарка царя-реформатора о том, что «наук прехождение» начавшись в Греции, посредничеством Италии распространились по всей Европе, но «из-за «нерадения наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти не допустило» показывает, что Академия наук рассматривалась императором в качестве места производства научного знания, но и как средство трансформации российского общества и прежде всего дворянства посредством его участия в новом типе социальных практик.

²²¹ *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 30.

²²² См., напр.: *Iosad A.* Op cited P. 25. Согласно данным, приводимым А. Иосадом, численность читающей публики не превышала 30 тыс. человек в течение всего века.

рынка и связанной с ним научной сферы. Г. Маркер указывал, что к началу XVIII столетия в России, в (опять-таки в отличие от «нормативных» государств Западной Европы), не был сформирован «высокодоходный рынок книжной торговли», что предопределило ведущую роль государства для его функционирования²²³.

А.Ю. Самарин отнес появление фигуры читателя как социокультурной категории только к 1760-м гг. Его портрет, выявленный исследователем на основании анализа сведений о подписчиках публикуемых изданий, носил выраженный дворянский характер. 51% принадлежал к потомственному дворянству, 19,3% приходилось на долю служащих IX–XIV классов, 7% и 6% – к купечеству и духовенству. Лишь 3.5% представляли разночинцы, и меньше процента составили горожане (0,5%), нижние армейские чины (0,6%) и крестьяне (0,3%)²²⁴.

Как отметила И.П. Кулакова, адаптация академической культуры в российском социуме была осложнена тем, что она «шла в условиях господства в целом культуры традиционной», а ценность наук была неочевидной для значительной части общества, в том числе и дворянского²²⁵. Так, в первые 20 лет после учреждения Академии наук соотношение изданий на русском и

---

²²³ *Marker G.* Russia and the “Printing Revolution”: Notes and Observations // *Slavic Review*, vol. 41, No. 2 (Summer, 1982), P. 280.

²²⁴ *Самарин А.Ю.* Личные библиотеки в России эпохи Просвещения // *Типографчики и книгоцеты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века* / А.Ю. Самарин, М.: Пашков дом, 2015. С. 110. Автор также отмечает, что удельная доля дворян при покупке подписных изданий превышала их долю в общем населении страны в 100 раз. См.: *Он же.* Русская аристократия и дворянская интеллигенция среди подписчиков на книги и журналы. // Там же. С. 298. Обращая особое внимание к феномену подписки и социальному портрету подписчика А.Ю. Самарин замечает, что «покупателя подписных изданий можно отнести к активной части читательской аудитории», которые демонстрировали «целенаправленный интерес» к изданию, а также готовность рисковать своими деньгами для оплаты издательского производства. См. *Он же.* «Сие выдуманно в пользу общества и автора»: подписные издания в России второй половины XVIII века / Там же. С. 80. Подписчики, таким образом, составляли значимую часть «культуры социального общения» российского социума. *Он же.* «Сие выдуманно в пользу общества и автора»: подписные издания в России второй половины XVIII века / Там же. С. 75.

²²⁵ *Кулакова И.П.* Европейская культура и становление российских университетских традиций в XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А.В. Доронин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 196–198.

иностранных (немецком, латыни, французском) языках распределялось примерно равномерно²²⁶, что указывало на относительно низкий спрос на научную литературу в российском обществе.

Однако к середине столетия появляются новые социальные типы, вовлеченные в академическую культуру – «просвещенный дворянин» и «образованный разночинец» – при этом первые были оторваны от основной массы представителей своего сословия, а вторые малочисленны²²⁷. Вследствие этого, пользуясь словами В.И. Вернадского, наука «лишалась средств глубокого проникновения в глухие уголки русской природы», фокусируясь в основном в столичных городах, что дополнительно усугубляло разрыв между центром и провинцией²²⁸.

Основным двигателем процесса превращения науки в «функциональную часть русской культуры» и расширения ее социальной базы²²⁹ на протяжении всего XVIII в. была Академия наук, наделенная верховной властью особым статутом (подчинялась непосредственно императору) и обладавшая фактической монополией на ключевые этапы процесса производства и распространения знаний²³⁰. Публичный характер ее

---

²²⁶ *Iosad A.* Op.cited. P. 27, 102; За 20 лет, прошедших с основания и до утверждения Регламента в 1747 Академия издала 621 книгу, 286 на иностранных языках, 259 на русском и 76 многоязычных публикаций с русскими текстами (словари, панегирики, описания фейерверков на русском и немецком языках и так далее). Более того, оригинальные тексты на русском между 1727 и 1747 составляли примерно 20.6% из которых половина были распечатки указов и регламентаций Сената, так что только одна десятая всех наименований была изначально на русском. См. также: *Пытин А.Н.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII-м веке // Вестник Европы, 1884. Том 3, Кн. 6. С. 548-600; *Кузнецова Н.И.* Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII - середина XIX вв.), М., 1998. С. 46.

²²⁷ *Кулакова И.П.* Казус М.В. Ломоносова: статус и формы самореализации ученого в России XVIII в. // Знатным украшением отечеству послуживший. Творчество М.В. Ломоносова и культура России Нового времени / Отв. ред. А.К. Гладков. М.: Канон, 2014. *Смит Д.* Указ. соч. С. 59.

²²⁸ *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания в России... С. 8.

²²⁹ *Кулакова И. П.* Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей Нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII–XIX вв.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Т. 36 из Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. УРСС М, 2011. С. 98; См. также: *Confino M.* Op. cited. P. 90–91.

²³⁰ *Iosad A.* Op cited. P. 26, 138–139. А.Г. Готовцева приводит интересный факт, свидетельствующий о специфике восприятия современниками Академии наук в качестве основного центра производства знаний в России середины XVIII в., причастность к

деятельность был прямо зафиксирован в Регламенте 1747 г.: «Академия собственно называется собрание ученых людей, которые стараются познавать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел и чрез свое испытание и науку один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ»²³¹. Сходное мироощущение прослеживается и в публикациях М.В. Ломоносова. Так, в «Слове похвальном» декларируется, что «Нет ни единого места в просвещенной Петром России, где бы плодов своих не могли принести науки; нет ни единого человека, который бы не мог себе ожидать от них пользы»²³².

На идейном уровне это стремление разделяла и тогдашняя правящая элита, продвигавшая тезис о занятиях наукой как проявлении патриотизма. Так, в именном указе 24 января 1755 г. об учреждении Московского университета сообщалось про «Наших истинных *патриотов* <...> [которые] прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали»²³³.

В контексте настоящего исследования представляются значимыми три фактора, свидетельствующие о развитии практик научной коммуникации и новых форм социального общения в российском обществе в первой половине 1760-х гг.

Во-первых, активизация новых тенденций формирования книжного рынка²³⁴. Прежде всего для нас важно появление ориентированных на широкую

которому во многом обеспечивала интеллектуалам необходимым социальный статус: 30 декабря 1754 г., через месяц после обсуждения возможности издания журнала М.В. Ломоносов обращался в письме Шувалову с просьбой перевести его из Академии наук в «другой корпус», лучше всего в иностранную коллегия, от чего его отговаривал сам Шувалов. См. *Готовцева А. Г.* Указ. соч. С. 28.

²³¹ Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1975. С. 41.

²³² *Ломоносов М.В.* Слово похвальное Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, говоренное ноября 26 дня 1749 года // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 252.

²³³ Цит. по: *Польской С.В.* «Должность государя патриота»: рукописный перевод и монархический дискурс Просвещения в России третьей четверти XVIII века // *Век Просвещения*. Вып. 6 : Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. 2018. С. 165.

²³⁴ *Смит Д.* Указ. соч. С. 62–65; *Кауркин Р.В.* Формирование читательской среды в России второй половины XVIII века // *Известия Самарского научного центра Российской академии*

аудиторию проектов, в которых ставилась задача не только популяризации академических знаний²³⁵, но и установления обратной связи с читателями. Подобным проектом были прежде всего «Ежемесячные сочинения». А.Г. Готовцева характеризует это издание как «интеграционный просвещенческий проект», который позволял профессиональным ученым и «дилетантам» обмениваться мнениями по философии, литературе, общественной мысли, истории, географии, экономики и натуральной истории и при этом отдавал должное и «придворным темам»²³⁶. Также редакция журнала стремилась публиковать и провинциальных авторов, что должно было способствовать преодолению чрезмерной концентрации интеллектуальной жизни вокруг двух столиц. Впрочем, отмечается, что издание так и не смогло стать популярным: тиражи расходились достаточно плохо, а обратную связь с читателями через раздел «Задачи»²³⁷ (который был призван популяризировать

наук, т. 11, №6, 2009. С. 27. Самарин А. Ю. Немцы – создатели первых частных типографий в России // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А.В. Доронин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 221–235. См. также: Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М.: Наука, 1964. 224 с. По данным, приводимым Б.Н. Мироновым, к концу XVIII века в России было опубликовано более 8 тысяч отдельных названий книг, то есть в два раза больше, чем за предыдущие два столетия. Миронов Б.Н. Российская империя от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т.2. СПб.: 2015, С. 814.

²³⁵ Так, с 1770-х гг. Академия официально определила, что все издаваемые научные работы должны прежде всего выходить на русском языке. Джонс Р.Т. Пётр Симон Паллас, Сибирь и европейская «Республика Учёных Писем» // Историко-биологические исследования. 2011. №3. С. 62. См. также о соотношении русского и иностранного языка в дворянской культуре. Marrese M. L. "The poetics of everyday behavior" revisited: Lotman, gender, and the evolution of Russian noble identity // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. vol. 11. №. 4. P. 722.

²³⁶ Готовцева А. Г. Указ соч. С. 185.

²³⁷ Там же. С. 20. А.Г. Готовцева указывает, что в первые три года журнал выходил тиражом в 2000 экземпляров по 2 р. за годовой комплект. Однако в 1755 г. было продано только 239 комплектов (12% тиража) и еще 3 тысячи отдельных выпусков было продано в розницу. Следующие несколько лет ситуация оставалась стабильной, но в 1758 г. тираж был снижен до 1250 экземпляров; в 1757-58 гг. сокращалась продажа журнала как комплектами, так и в розницу. В 1759–1761 гг. число подписчиков не увеличилось, продажа в розницу – сократилась. В 1762 г. в Петербурге жило 92 подписчика, в 1763 – 89. Розничная продажа оставалась только в Москве, однако не пользовалась значительным успехом. Характеризуя эти данные, автор замечает, что «Это свидетельствует лишь о том, что читающая российская публика был не так многочисленна, как это представлялась академикам, по большей части иностранцам, потенциальная аудитория не изучалась, да и целей таких тогда не ставилось».

широко распространенную в странах Западной Европы практику проведения научных конкурсов), удалось установить лишь с одним заинтересованным интеллектуалом – будущим членом ВЭО П.И. Рычковым²³⁸. Следует также отметить, что в начале 1760-х гг. экономическая проблематика, представленная в том числе и в этом издании, не пользовалась особым интересом у петербургского общества, как показал В.А. Сомов²³⁹.

Во-вторых, начало правления Екатерины II было ознаменовано активизацией политики власти по развитию публичной сферы и стимулированию общественной инициативы. В «Наказе» указывалось «и так правление к сему концу достигающее лучше прочих, и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских сообществ взирают неотступно»²⁴⁰. В рамках работы над Уложением выработывались практики публичного обсуждения представителями разных сословных групп общественно значимых вопросов²⁴¹. При этом получали все большее распространение идеи учреждения общественных объединений, салонов и клубов²⁴².

---

²³⁸ А.В. Готовцева замечает, что идея такого раздела для «Ежемесячных сочинений» была заимствована из немецких изданий, в частности «Hannoverische gelehrte Anzeigen» (Ганноверские ученые известия). Однако этот раздел не пользовался популярностью и был получен только один ответ – от П.И. Рычкова на вопрос о белом царе. *Там же*. С. 18.

²³⁹ Сомов В. А. Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов. (Из истории библиотеки графа АС Строганова) // XVIII век. 2002. Т. 22. С. 200-234; См. также: Расков Д. Е. Указ. соч. С. 73.

²⁴⁰ Екатерина II. Наказ. С. 4.

²⁴¹ Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование... С. 30.

²⁴² Каплун В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России. Научная электронная библиотека URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf (дата обращения 15.04.2018); Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. – Indiana University Press, 2017. P. 30–40; Туманова А.С. Формирование социокультурных и правовых основ для общественной самоорганизации в имперской России // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв.ред. А.С. Туманова М., 2011. С. 166–172; Брэдли Дж. Указ. соч. С. 93–97. Гросул В.Я. Российская общественность XVIII–XIX вв. Основные этапы становление и утверждения. С. 28–42. См. также: Смит Д. Указ. соч. С. 78–90. В частности были созданы «Общество, старающееся о переводе книг» по инициативе Екатерины II в 1768 году,

В третьих, происходила определенная либерализация академической сферы. Ярким примером этого стало разрешение конфликта адъюнкта Шлецера с руководством Академии в 1762 г., предметом которого были попытки историка вывезти материалы по русской истории для продолжения его научной работы в Германии. Вмешавшаяся в него императрица посчитала нужным провести грань между «изменническим выведованием» и «ученым исследованием»²⁴³. В результате в царствование Екатерины II российские интеллектуалы еще более активно участвовали в европейской системе научной коммуникации²⁴⁴: наиболее яркими примерами чего служит переписка таких ученых, как П.С. Паллас и Л. Эйлер, чей круг корреспондентов охватывал фактически все географическое пространство Просвещения²⁴⁵.

Таким образом, можно говорить о вхождении России в коммуникативное пространство эпохи Просвещения на двух

«Общество, старающееся о напечатании книг», учрежденное Н.Новиковым в 1773 году, «Общество любителей наук» в Санкт-Петербурге и многие другие, в том числе и в провинции, не имевших однако, устава и четко прописанной структуры, но ставящие цель распространения знаний через печать.

²⁴³ Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная: Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 гг.: Известия о тогдашней русской литературе // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1875. Т. 13. С. 271. См. напр.: Вульф Л. Размышления о Сибири и Тихоокеанском регионе: взгляд эпохи Просвещения с периферии // Центры и периферии европейского мироустройства / отв. составитель А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 182.

²⁴⁴ Джонс Р.Т. Пётр Симон Паллас, Сибирь и европейская «Республика Учёных Писем» // Историко-биологические исследования. 2011. №3. С. 55–67. См. также: Осипов. В.И. Петербургская Академия Наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. 160 с.

²⁴⁵ Частным примером этого было активное участие российских ботаников в практиках коммуникации со своими зарубежными коллегами, в том числе и Карлом Линнеем, в том числе и в рамках транснациональной системы обмена семенами и образцами растений. См.: Рязанова Л.В. Документы о покупке земельного участка для Ботанического сада Петербургской Академии наук в 1786 году // Историко-биологические исследования. 2011. №3. С. 100–101. Так, Иоганн Петер Фалк, ученик Линнея и один из первых членов ВЭО, с 1765 года был смотрителем кабинета Естественной истории, «учителем Ботаники» и смотрителем за Аптекарским садом при Медицинской коллегии. Отмечается, что сад под управлением Фалька «изобиловал редкими, а особливо Российскими растениями». См.: [Фальк И.П.] Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук по предложению ее президента, с прим., изъясн. и дополн. Т.6. Записки путешествия академика Фалька / Пер. с нем. П. Петрова. СПб.: При Имп. АН, 1824. С. VI–VII.

взаимозависимых уровнях: выработке культуры социального общения, письменной и печатной коммуникации внутри страны и дальнейшего расширения участия в республике учености. Специфика российской социокультурной ситуации обуславливали значимую роль государственного начала, а также наличие двух основных групп (или интеллектуальных сообществ): дворянских интеллектуалов и академических ученых²⁴⁶, которые монарх и патронируемая им Академия наук поощряли к коммуникации и участию в научной деятельности, видя в ней источник пользы и славы для государства. Обозначив эти промежуточные выводы, вновь обратимся к вопросу о связи публичной сферы и экономического просвещения.

1.2.3. «Науки и опыты просвещенного человека...»: экономическое просвещение и публичная сфера

Распространение и применение новаций рассматривалось в рамках экономического просвещения как моральный императив. Одним из основных вопросов, занимавших интеллектуалов, погруженных в данную проблематику, был вопрос о соотношении частного и общественного интереса. Высшим арбитром, разрешающим эту дилемму в монархических государствах, как правило, воспринимался суверен в той мере, в которой он воплощал идеалы Просвещения и патриотизма для своих подданных²⁴⁷.

Одной из ключевых заявленных во французской «Энциклопедии» задач Просвещения считалось выявление локального знания, передаваемого внутри сферы личных отношений или цеховых связей (например, «секретные знания ремесленных мастерских») и его последующая публичная критика²⁴⁸. Одним

---

²⁴⁶ *Артъемьева Т.В., Микешин М.* Интеллектуальные сообщества в эпоху Просвещения. СПб.: Санкт-петербургский центр истории идей; Издательство «Политехника Сервис», 2020. С. 23.

²⁴⁷ *Firth A.* Op. cited. P. 28. Так, Иосия Такер, декан Глочестера в 1758–1790 гг., отметил, что суверен должен поддерживать применение новаций, но в тоже следить за тем, чтобы погоня за частной выгодой не стала угрозой общему благу.

²⁴⁸ *Popplow M.* «Economizing Agricultural Resources»... P. 266. См. также: *Lowry S.T.* The Agricultural Foundation of the Seventeenth-Century English Oeconomy. *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Supply. P. 89. Общество искусств в Париже объединяло

из элементов данной критики было то, что практический навык сам по себе рассматривался как основанный на механическом повторении определенных действий, а не на понимании сути вещей²⁴⁹.

Все эти рассуждения находили отклик и у учредителей ВЭО. В «Предуведомлении» подчеркивалось: «Можно бы противу сего сказать, что весьма немногие из Членов, составляющих сие Общество, сами упражнялись в сельском домостроительстве, и что по тому от наблюдений их не великой ожидать можно пользы: но примеры других народов научают нас, что как Художества и Рукоделия, так и Землепашество от ученых и таких людей, кои сами в практике не упражнялись, немалое себе получили приращение. Науками и опытами просвещенный человек гораздо более имеет способности делать полезныя наблюдения, нежели тот, который ежедневно отправляет только сельскую работу своими руками на подобие махины»²⁵⁰.

Таким образом, в тексте учредителей ВЭО речь идет о необходимости соединения теоретического и практического знания в рамках публичной, нацеленной на общее благо, деятельности. Ее гарантом и источником вдохновения называлась сама Екатерина: «... Свое упражнение в изыскании всего того, что способствовать может благосостоянию верных ея подданным, представляет неусыпным своим трудом и попечением... примеры, которым подражать долг к отечеству всякому истинному Патриоту повелевает». Первой должностью действительного члена ВЭО называлось «делать верные

в том числе и ремесленников, стремившихся выйти за пределы традиционной гильдейской системы. Характерно, что одной из их задач являлось разоблачение «трюков и обманов» ремесленников и торговцев. Примечательно, что впоследствии некоторые ремесленники-участники общества приняли участие в работе над Энциклопедией. См.: *Bertucci P., Courcelle O.* Artisanal knowledge, expertise, and patronage in early eighteenth-century Paris: The Société Des Arts (1728–36) // *Eighteenth-century studies*. 2015. Т. 48. – №. 2. P. 162–164. Л. Роберт предлагала картографировать географию навыков чтобы лучше понять механизмы их распространения и интерпретации. См.: *Roberts L.* Mapping steam engines and skill in eighteenth-century Holland // *History of Science and Scholarship in the Netherlands*. – 2007. – №. 9. P. 214–215.

²⁴⁹ *Dear P.* Towards a genealogy of modern science // *History of Science and Scholarship in the Netherlands*. 2007. №. 9. P. 432–433.

²⁵⁰ Предуведомление...

опыты, касающиеся до домостроительства и земледелия...»²⁵¹. Основной посыл учреждения Общества с этой точки зрения коррелировал с общим курсом императорской власти и Академии наук по вовлечению в «научно-патриотическую» деятельность как можно большего числа людей.

В этой связи в «Предуведомлении» акцентировался и территориальный аспект производства и распространения знаний. Так, сообщалось о желании Общества получать информацию «об особенном домостроительстве каждой провинции», особенно в контексте дворянского земледелия. Стремясь превратить частные усадебные хозяйства в локусы научной деятельности, центры выявления методов хозяйствования и изучения сельскохозяйственных культур, ВЭО рассчитывало на то, что постепенное распространение прежде всего в дворянской среде идей и навыков, связанных с чтением научной литературы, проведением опытов и их обсуждением в публичной сфере, позволит обеспечить поток ценной информации, которую станет возможно преобразовать в полезное для всего государства знание²⁵².

Таким образом к 1765 г. основной вопрос заключался в том, какую организационную форму получит учреждение, которое призвано соединить задачи экономического просвещения и новое понимание проблем развития общественной сферы и каким образом оно будет адаптировано к российским социокультурным условиям.

1.3 Экономические общества второй половины XVIII в.: к проблеме сравнительного анализа

Экономические общества XVIII в., таким образом, должны были соединять две страсти эпохи Просвещения: «страсть читать» и «страсть объединяться» и присовокупить к ним страсти исследовать и улучшать – ради общего блага и славы. Но каковы истоки происхождения идеи экономического

---

²⁵¹ Устав...

²⁵² *Мокир Дж.* Промышленная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 295–299; *Withers Charles W. J.* (2007). *Placing the Enlightenment: Thinking Geographically About the Age of Reason.* P. 13.

общества, почему именно она была воспринята российскими «таможенными офицерами вестернизации»²⁵³ и имелись ли у нее альтернативы?

1.3.1. Экономические общества: от британских островов к общему феномену эпохи Просвещения

Как отмечают исследователи, с 1723 г. до конца столетия модель экономического общества проделала путь от первых ассоциаций на Британских островах до общего феномена эпохи Просвещения²⁵⁴. Вновь повторявшийся процесс трансфера данной модели позволяет определить ее типологические черты, а также выявить особенности «культур инновации» государств-реципиентов.

В 1723 г. в Эдинбурге было основано «Общество улучшателей земледельческих знаний в Шотландии»²⁵⁵. Его структура и социальный состав отражали главенствующую роль шотландской аристократии и статус Эдинбурга как главного интеллектуального центра страны – из 25 членов Совета, главного управляющего органа Общества, 13 должны были представлять столицу. В 1731 г. в британской Ирландии было учреждено Дублинское общество, адаптировавшее опыт шотландцев на новой почве.

Оба объединения руководствовались принципами внутреннего самоуправления и равенства, стремились создать широкую корреспондентскую сеть на местах для получения информации о состоянии экономики и применяемых населением методах хозяйствования. Основой их деятельности была прежде всего письменная коммуникация, в особенности

---

²⁵³ *Омельченко О.А.* Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы. С. 419.

²⁵⁴ Ряд исследователей, например Лоури, рассматривают английский Комитет Георгиков, основанный в 1660 году в качестве предшественника экономических обществ XVIII века. Это мнение основано на широком использовании членами комитета дискурса «улучшения». *Lowry S.T.* The Agricultural Foundation of the Seventeenth-Century English Economy. *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Suppl. P. 93 Концепт теории трансфера см. в *Said E.W.* The World, the Text, and the Critic. Harvard University Press, 1983. P. 226, 241–242.

²⁵⁵ Society of Improvers in the knowledge of Agriculture in Scotland.

подготовка печатных изданий и проведение конкурсных работ, которые пробуждали в среде читателей соревновательных дух²⁵⁶. Общим было и политическое целеполагание – обе ассоциации лоббировали экономические интересы стран, недавно включенных в состав британской короны и пытались выработать взаимовыгодные направления сотрудничества с метрополией. Так, Б. Боннимэн указывал, что Шотландское общество выполняло роль квазипарламента, в котором формировалось мнение аграрной элиты Шотландии²⁵⁷. При этом, как подчеркивали Дж. Брэдли и П.М. Джонс, верховная власть была в меньшей степени заинтересована в проводимой обществами работе²⁵⁸. О признании успешности новой модели свидетельствует и скорое учреждение в 1754 г. схожей организации в метрополии – Лондонского Общества поощрения искусств, мануфактур и коммерции (далее – Лондонское общество)²⁵⁹.

В 1793 г. в Великобритании была опробована другая организационная форма – Совет по земледелию был создан в качестве консультационной структуры при правительстве У. Питта-младшего. Его основной задачей было предотвращение голода (который считался одной из главных причин Французской Революции) в условиях обостряющегося конфликта с

---

²⁵⁶ См.: *Select Transactions of the Honourable the Society of Improvers in the Knowledge of Agriculture in Scotland*. Edinburgh: Sands, Brymer, Murray and Cochran, 1743. P. 6; *Bonnyman B. Agrarian Patriotism and the Landed Interest: The Scottish Society of Improvers in the Knowledge of Agriculture, 1723–1746 // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012. Pp. 26–51.

²⁵⁷ *Bonnyman B. Op. cited. P. 27; Livesey J. A. Kingdom of Cosmopolitan Improvers: The Dublin Society 1731–1798 // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012.

²⁵⁸ *Брэдли Дж. Указ.соч. С. 106; Jones P.M. Op.cited. p. 71*. Отметим, что среди исследователей нет консенсуса относительно той роли, которую сыграли эти экономические общества для экономического развития Британии. Например, Т. Секи замечает, что заметный экономический рост в Шотландии начался только в середине века спустя несколько десятилетий после основания общества в Эдинбурге, хотя и отмечает тот вклад, который сделали экономические общества в распространение новых знаний. См.: *Seci G. Policy debate on economic development in Scotland: the 1720s to the 1730s // The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Ed by Tatsuya Sakamoto and Hideo Tanaka, 2003. p. 37.

²⁵⁹ *Allan D.G.C. The Society of Arts and Government, 1754-1800 // Eighteenth-Century Studies*. 1974. 7. №. 4. P. 434.

Францией²⁶⁰. В отличие от ранее указанных организаций, он обладал более сложной внутренней структурой и наличием разных категорий членства: (в том числе в особую категорию были выделены высокопоставленные представители правительства, а также почетные члены). Однако, в отличие от своих предшественников, у Совета не получилось привлечь к участию широкий круг земельной аристократии. Современники также обращали внимание на неудовлетворительное качество описаний территорий и других подготавливаемых Советом материалов. К примеру, они отличались низким уровнем осмысления общих закономерностей и чрезмерной фокусировкой на локальных особенностях. Вследствие конфликта его основателя с Питтом, организация оказалась не в состоянии влиять на государственную политику и сфокусировалась на чисто научной деятельности: присуждении премий, чтению лекций и проведению экспериментов²⁶¹.

В целом, согласно оценкам исследователей, в Великобритании и Ирландии к 1810 г., помимо крупных и централизованных ассоциаций, примеры которых мы привели выше, было учреждено около 82 небольших локальных экономических обществ²⁶².

Опыт Великобритании показал, что параметры деятельности подобных организаций зависели от специфики их социального состав, характера

---

²⁶⁰ *Mitchison R.* The Old Board of Agriculture (1793–1822). *The English Historical Review*, Vol. 74, No. 29 (Jan., 1959), P. 41; *Frank A. J. L. James* (2015) “Agricultural Chymistry is at present in it's infancy”: The Board of Agriculture, The Royal Institution and Humphry Davy // *Ambix*, 62:4, P. 365. Идея создания специального государственного учреждения, ответственного за проблемы земледелия обсуждалась достаточно долго, с начала 1760-х. Однако, в итоге было решено создать общественный совет, хотя и с постоянным государственным финансированием, которое, впрочем, постоянно сокращалось – предварительно согласованная сумма в 10000 фунтов, затем превратилось в 5, 2000, а затем и вовсе в 3000 фунтов, что рождало среди членов сомнения в высоком статусе организации.

²⁶¹ *Ibid.* P. 367. На рубеже XVIII–XIX вв. британской элитой была предпринята еще одна попытка создать организацию, которая бы отвечала за распространение технологий и знаний о земледелии, однако вновь созданный Королевский институт так же не пользовался интересом у крупных землевладельцев в первые годы своего существования. *Frank A. J. L. James Op. cited.* P. 370.

²⁶² Здесь и далее данные по: *Stapelbroek K., Marjanen J., Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth century ed. by Koen Stapelbroek and Jani Marjanen. Palgrave Macmillan, 2012. P. 14-16.*

взаимодействия с властью, избранных способов исполнения задач распространения знаний и описания территорий. При этом первостепенное значение для их долгой жизни имел королевский патронаж: из перечисленных учреждений долгую историю имели прежде всего те организации (Дублинское и Лондонское), которые получили прямую поддержку монарха.

Начиная со второй половины XVIII в. в континентальной Европе начинается быстрое распространение экономических обществ. Образцом для жителей континента были Дублинское и Лондонское общества. Этому способствовало укорененное в ученом сообществе большинства европейских стран представление об успешном экономическом развитии Великобритании в целом и отдельных входящих в ее состав стран в частности. Схожие воззрения, как мы показали выше, разделяли и учредители ВЭО, неоднократно приводившие Британию в качестве примера развития сельского домостроительства. Другой причиной востребованности таких обществ видимо было стремление преодолеть последствия кризиса, вызванного Семилетней войной (подобно тому, как популяризацию камерализма подстегнули события Тридцатилетней войны), а также понижения качества жизни вследствие похолодания климата в Европе во второй половине века²⁶³.

Так, во Франции к началу Революции²⁶⁴ было учреждено около 20 обществ, прицельно занимавшихся экономической проблематикой. При этом, как показывает Дж. Шовлин, и в метрополии, и во французских колониях, они оказались вписаны в местный социокультурный контекст, который характеризовался наличием на провинциальном уровне академий и институтов прессы. Соответственно вновь созданные организации были локальными (у некоторых относительно крупных по территориальному охвату

---

²⁶³ *Stapelbroek K, Marjanen J. Ibid., pp. 21–22; Shovlin J. The Society of Brittany and the Irish Economic Model: International Competition and the Politics of Provincial Development // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012., p. 72.*

²⁶⁴ *Bond E.A. Circuits of Practical Knowledge: The Network of Letters to the Editor in the French Provincial Press, 1770–1788. French Historical Studies 2016 39 (3), P. 547.* Одним из сторонников их деятельности выступал также один из министров Людовика XV, физиократ Анри Берти.

региональных обществ, например, таких как Бретонское, были полуавтономные отделения на местах), ориентированными на местные власть и аристократию²⁶⁵. Близость к властным иерархиям сказалась во время падения Старого режима, пресекшего деятельность подобных обществ, а их возрождение началось уже после стабилизации нового политического строя²⁶⁶.

Заметную роль в распространении данного типа ассоциаций в Европе сыграло учрежденное в 1759 г. в Швейцарии Бернское экономическое общество. Его основатели ориентировались на опыт британских и французских организаций²⁶⁷. Исследователи подчеркивают, что непосредственным поводом для учреждения общества стал двухлетний неурожай 1750–1751 гг., обостривший вопрос о способности кантона поддерживать свою независимость²⁶⁸. Большой интерес к работе новой ассоциации проявило молодое поколение правительственных чиновников, которые видели в нем удобную площадку для обсуждения вопросов экономического развития и выработки новых подходов к его обеспечению. Именно бернская организация внесла значительный вклад в развитие методологии деятельности экономических обществ, в том числе популяризовав практику объявления общеевропейских конкурсов. Как отметили Р. Висс и М. Штрубер, апеллирование к республике учености позволяло восполнить недостаток собственных развитых академических институтов в Швейцарии²⁶⁹.

В германском мире распространение экономических обществ шло с преимущественной опорой на британский опыт. И в этом случае аргументом

---

²⁶⁵ *Shovlin. J.* Op. cited. P. 72; *Bond E.A.* Op. cited. P. 561. См. также: *Fissel M., Cooter R.* Exploring Natural Knowledge... P. 139–140; *Caradonna J. L.* (2012). The Enlightenment in Practice: Academic Prize Contests and Intellectual Culture in France, 1670–1794. Ithaca: Cornell University Press. P.3.

²⁶⁶ *Jones P.M.* Op. cited. p. 70.

²⁶⁷ *Wyss R., Stuber M.* Paternalism and Agricultural Reform: The Economic Society of Bern in the Eighteenth Century // Stapelbroek K., Marjanen J. (eds) The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century. Palgrave Macmillan, London, 2012. P. 157.

²⁶⁸ *Ibid.* P. 158.

²⁶⁹ *Ibid.* P. 162.

в пользу их создания было стремление избежать или нивелировать последствия возможного голода²⁷⁰. Согласно оценкам исследователей, количество ассоциаций, созданных за вторую половину XVIII в. в Германии, Австрии и немецкоязычных общинах Швейцарии доходило до 150; в самой Германии изучены до 71 ассоциация. Основным структурным отличием немецких экономических обществ от схожих организаций Британии и Франции большинство авторов считают значительно более тесную интеграцию с местной бюрократией. Об этом свидетельствует их расположение преимущественно в административных центрах, а не в университетских городах. Государственные структуры (также мобилизующие для своих нужд систему приходов) выступали в качестве основного механизма получения требуемой информации²⁷¹.

Именно на основе изучения немецких ассоциаций в литературе подробно освещены «микроисторические» аспекты их работы. Так, отмечается широкая вариативность и динамика специализаций экономических обществ. В частности, отмечается что в 1760-х годах основной акцент делался на распространении новых методов хозяйствования, который к концу века сместился на сбор статистических материалов²⁷². Предпринимались активные попытки учреждать «образцовые» узкоспециальные хозяйства и мануфактуры²⁷³.

Предметом рефлексии руководства ассоциаций становилось и выстраивание эффективной коммуникации с местным социумом с целью распространения новых хозяйственных методов. К примеру, от авторов публикуемых изданий зачастую требовали лишний раз не демонстрировать

---

²⁷⁰ *Popplow M.* «Economizing Agricultural Resources»... В 1739-1741 гг., после Семилетней войны и вновь в 1770–1772 гг.

²⁷¹ *Bödeker H.E.* Economic Societies in Germany, 1760–1820: Organization, Social Structures and Fields of Activities// *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century.* Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012., p. 183; *Popplow M.* «Economizing Agricultural Resources»... P. 276–280.

²⁷² *Jones P.M.* Ibid., P. 70.

²⁷³ *Popplow M.* Op cited... P. 279.

эрудицию и писать проще²⁷⁴, а также делать акцент на локальной практической применимости знания (что должно было отличать их научное творчество от «подлинно» научных ассоциаций)²⁷⁵.

Экономические общества также получили широкое распространение и в других регионах ойкумены культуры Просвещения. В литературе особо отмечается вариативность структуры подобных организаций в контексте моделей взаимодействия центров и периферии. Так, в республике Соединенных Провинций насчитывалось до 60 локальных организаций, часть из которых была подразделениями Голландского научного общества, в Испании и ее колониях работали порядка 70 локальных ассоциаций, в Датской империи – 57 локальных. США оказались представлены по меньшей мере 8 организациями национального уровня и значительным числом местных объединений – так в штате Нью-Йорк таковых было около 50.

Таким образом продемонстрированная исследователями картина свидетельствует о том, что модель экономического общества менее чем за половину века оказалась адаптирована большинством европейских государств (за исключением Османской империи). Всего было выявлено 562 подобных ассоциаций (включая одну в России)²⁷⁶.

Анализ указанных публикаций позволяет также определить ключевые особенности данного типа общественных организаций. Во-первых, большинство исследователей указывают на их преимущественно комплементарный и неконфликтный характер по отношению к государству²⁷⁷.

---

²⁷⁴ Ibid. P. 284. Так, Лейпцигское общество выпустило специальную инструкцию, в которой объяснялось, как и что требуется писать авторам, намеревающимся представить свои работы.

²⁷⁵ Так, секретарь Гамбургского патриотического общества и вовсе отметил в 1790 г., что «общество... решило не заниматься науками», а вместо этого сфокусироваться на «всём полезном». Цит. по: *Popplow M.* Op. cited. ... P. 275.

²⁷⁶ *Stapelbroek, Marjanen*, Ibid. p. 17.

²⁷⁷ В случае их нарушения, можно было ожидать достаточно жесткой реакции со стороны государства. Так, например, зашедшее по мнению правительства Берна слишком далеко публичное обсуждение вопроса о проблеме иммиграции и сокращения населения было немедленно прекращено, а само Бернское общество удостоилось отповеди от правительства, несмотря на то, что в его рядах также было немало молодых чиновников.

Региональные или национальные элиты составляли значимую часть их состава, обеспечивали финансирование и необходимый патронаж²⁷⁸. При этом срок жизни экономических обществ в отсутствии прямой поддержки со стороны монарха или представителей его фамилии был существенно ограничен (по данным П. Кларка о британских организациях он составлял в среднем 3–5 лет, схожие данные о французских обществах приводит Дж. Шовлин, о немецких – М. Попплов). В числе основных причин упадка указываются низкая посещаемость, отсутствие денежных средств, необходимой инфраструктуры, а также конфликты между сочленами: участие в свободном объединении требовало от граждан особого внимания к культуре общения²⁷⁹.

Во-вторых, экономические общества в целом позиционировали себя как эгалитарные организации, в работе которых мог принять участие любой заинтересованный человек. Однако, их социальный состав в целом соотносился со структурой репрезентации социальных групп в публичной сфере. Таким образом, в основном были представлены дворяне, интеллектуальные профессии, духовенство и среднее сословие²⁸⁰.

Номинальная численность ассоциаций варьировалась от десятков до тысяч, как, например, в Лондонском обществе. При этом в своей непосредственной деятельности они опирались на достаточно узкую группу энтузиастов-интеллектуалов различного социального происхождения (например, Дж. Синклэр, Ф.К. Медикус²⁸¹), которые брали на себя ключевые

---

²⁷⁸ *Popplow M.* “Economizing... P. 263.

²⁷⁹ *Clark P.* British Clubs and Societies. The Origins of an Associational World, 2002., p. 234–244; *Shovlin J.* Ibid., p. 92; *Popplow M.* Knowledge Management... P. 425.

²⁸⁰ *Stapelbroek, Marjanen*, Op. cited. pp. 17–18; *Jones P.M.* Ibid., p. 69. Из всех известных обществ западной Европы только саксонские экономические общества, Лейпцигское и Верхнелужицкое, и общество из Альтэттинга в Баварии, пытались привлечь к своей деятельности ремесленников и крестьян, но, несмотря на серьезность приложенных усилий, они не увенчались успехом

²⁸¹ См. также: *Marjanen J.* Moral economy and civil society in eighteenth-century Europe: the case of economic societies and the business of improvement. *Journal of Global Ethics* 2015, 11:2. pp. 205–217. Работа Й. Марьянена фокусируется на фигуре Карла Кристиана Бёкера, секретаря финского экономического общества, который также представляет собой типаж бессменного секретаря, который фактически олицетворяет общество.

технические функции, такие как ведение внутренней документации, редактирование, подготовка периодических изданий к печати, либо предоставляли тексты на регулярной основе, проводили опыты и т.д.

В-третьих, сфера их деятельности во многом определялась национальной или локальной спецификой, а также диктовалась актуальными вызовами (например, в связи с активизацией дискуссии о недопущении голода). Наиболее часто предметом обсуждения было сельское домостроительство, однако внимание могло уделяться и другим областям хозяйственной жизни (в частности, мануфактурному производству)²⁸². При этом мог присутствовать существенный элемент ситуативности в выборе направлений исследований какой-либо организации²⁸³.

Наконец многие авторы делают вывод о тесных политических и идеологических связях данных обществ с культурой Просвещения и «старым порядком». В пользу этого, по их мнению, свидетельствует то, что в XIX в. данные организации утрачивают свои специфические черты и сближаются со специализированными научными организациями²⁸⁴. Концепции патриотизма,

---

²⁸² *Bonnyman B.* Ibid., pp. 32–33; *van Driel J.* Ashes to ashes: The stewardship of waste and oeconomic cycles of agricultural and industrial improvement, 1750–1800 // *History and Technology*, 2014, Vol. 30, No. 3, pp. 177–206; В качестве примера ученого общества, созданного для реализации одной идеи, упомянем созданное в 1770 г. Батавианское общество экспериментальной философии в Роттердаме. У его истоков стояла группа граждан и ученых-дилетантов, которые получили правительственную хартию. Его организационная форма была типичной: регулярные встречи, лекции, демонстрации, конкурсы эссе и публикация журнала. Задачей было пропаганда распространения паровых машин в стране. *Roberts L.* Mapping steam engines and skill in eighteenth-century Holland // *History of Science and Scholarship in the Netherlands*. 2007. №. 9. P. 207.

²⁸³ См. напр.: *Popplow M.* Knowledge Management... P. 417. В качестве примера подобной диверсификации деятельности, можно привести экономическое общество в Палатинате, основанное в 1769 г. при участии немецкого ботаника и последовательного научного противника Линнея Ф.К. Медикуса. Первоначально оно занималось исключительно пчеловодством, но уже спустя год учредитель заключил, что это слишком узкая проблематика. и поменял ее на консультативную помощь при подготовке аграрных реформ. Однако они оказались невыполнимыми и слабо учитывали действительную сложность социальных и экономических отношений в сельской местности. Тогда общество еще раз сменило сферу деятельности – теперь его задача состояла в консультировании властей по вопросам земледелия и домоводства. В 1774 г. на его ассоциации было создано камеральное училище в Кайзерслаутерне.

²⁸⁴ *Engelhardt J.* Op. cited. P 220; *Roberts L.* Op. cited, P. 136; *Popplow M.* «Economizing Agricultural Resources»... P. 263.

предполагавшие единство государства и общественности, а также весьма демократическое представление о том, что каждый патриот, улучшая и рационализируя свой быт, способен внести свой весомый вклад в научный прогресс, лежащее в основе модели экономических ассоциаций XVIII в., постепенно уходило в прошлое.

1.3.2. Проекты альтернативных институтов и учреждение ВЭО

Как отмечал С.О. Шмидт, политика «просвещенного абсолютизма», к проявлениям которой советские исследователи относили учреждение ВЭО, началась еще в правление Елизаветы Петровны. Идея создания организации, специализирующейся на экономической проблематике, витала в воздухе и последовательно прорабатывалась в рамках устоявшейся в российской политической культуре традиции прожектерства²⁸⁵. Интерес российских политических и интеллектуальных элит (т.е. «функциональных элит» согласно определению Я. Кусбера²⁸⁶) нашел выражение в проектах П.И. Шувалова и М.В. Ломоносова, выдвинутых в данный период. Организационно и мировоззренчески они представляли собой альтернативу модели экономического общества.

Ключевой задачей инициативы П.И. Шувалова о создании при Сенате Конторы государственной экономии, представленной в 1754 г., заявлялось «учреждение надежных фарпостов в сохранение уменьшения народа и умножения доходов». «Информационно-коммуникационная», по определению С.О. Шмидта, функция этой структуры не могла обойтись без привлечения инициативы снизу: отсюда и тезис о необходимости «о полезностях государственных от общества свободное познавать мнение». Более того, хотя ядро вновь создаваемого учреждения должны были

---

²⁸⁵ О традиции прожектерства см.: *Федюкин И.И.* «Прожектеры» как административные предприниматели: Становление раннеמודерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 13–33.

²⁸⁶ *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование... С. 26–27.

сформировать «несколько персон известного состояния, кои не токмо о приращении всяких государственных доходов стараться, но и о пользе всенародной», прямо предполагалось участие в его работе широких слоев населения: «в ту контору позволить подавать всякаго звания людям о внутренних государственных пользах и выдуманых удобнейших способах прожекты»²⁸⁷. Таким образом, проект экономической конторы в своей содержательной части предвосхитил эгалитарную риторику ВЭО.

Хорошо известны в литературе проекты 1763 г. по созданию специального учреждения для обсуждения проблем земледелия и домостроительства: «класса агрикультуры» при Академии наук²⁸⁸ или государственной коллегии земского домостроительства. Последняя инициатива, предложенная М.В. Ломоносовым, который опасался, что делегирование подобной задачи Академии не приведет к сколь-нибудь значимым результатам, зачастую рассматривалась в советской историографии в качестве непосредственного предшественника ВЭО²⁸⁹. Ведущую роль в подобной коллегии должны были играть академические ученые и в меньшей степени представители бюрократии, а пребывающим в поместьях дворянам отводилась роль корреспондентов. При этом особо подчеркивалось, что должности президента, вице-президентов, советников и ассессоров должны были занимать люди «весьма знающие в натуральных науках». В числе перечисленных востребованных специальностей упоминались физики, химики, ботаники, специалисты по натуральной истории и медики. От сочленов ожидалось умение читать «иностранные книги и вести

---

²⁸⁷ Шмидт С.О. Проект П.И. Шувалова... С. 40–59.

²⁸⁸ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1865. С. 616. Примечательно, что в составе ВЭО оказались и объявивший академиком о планах создания нового подразделения И. Тауберт, передавший ему волю императрицы генерал-прокурор Правительствующего Сената А.И. Глебов и предложенные члены комиссии по ее созданию: конференц-секретарь Г.Ф. Миллер, проф. Физики Эпинус, механик и химик Леман.

²⁸⁹ Орешкин В.В. Вольное экономическое общество... С. 15–18. Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964. С. 44. Примечательно, что А.В. Западов, говоря о неудаче проекта Ломоносова по учреждению Коллегии, ни словом не упоминает ВЭО, которое, очевидно, во многом наследовало этому проекту.

корреспонденцию», «читать сочинения и рассуждать», «издавать книги к новому году» и объявлять задачи с награждениями. Большое внимание уделялось задачам поиска природных ресурсов, описания территорий и совершенствования методов управления крестьянскими хозяйствами. Выполнение последнего пункта подразумевало «быть по всем провинциям, по два и по три, из дворян, из управителей государственных и дворцовых деревень членов»²⁹⁰

В этом контексте следует упомянуть и инициативу М.В. Ломоносова, предполагавшую «...при Академии наук печатание внутренних “Российских ведомостей”, которые бы в государственной экономии и частных людей, а особенно в купечестве приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток»²⁹¹. Актуальные сведения об экономическом состоянии регионов планировалось получать благодаря посредничеству городских и губернских администраций²⁹².

Таким образом, к 1765 г. в России был разработан ряд проектов учреждений и институтов прикладной экономической направленности. Вопрос заключался в том, какую форму придаст новому институту императрица и какой вектор работы станет преобладающим.

В случае ВЭО приходится констатировать, что, опираясь на известную источниковую базу, невозможно окончательно установить единственного автора этого проекта. В советской историографии подчеркивалась роль

---

²⁹⁰ Будилович А. Ломоносов как писатель. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1871. С. 313–315.

²⁹¹ Ломоносов М.В. Полное собр. соч., т. 10, стр. 32.

²⁹² Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964, С. 43.

М. В. Ломоносова²⁹³ и А. А. Нартова²⁹⁴. Ряд дореволюционных и большинство современных исследователей обращают внимание на фигуру новгородского губернатора Я.Е. Сиверса, в 1749–1755 г. бывшего сотрудником российского посольства в Лондоне и оставившего заметки о посещении заседания местного экономического общества, усилия которого он высоко оценил. Результаты своей рефлексии (возможно в невольном парафразе Линнея) он изложил в письме Екатерине II: «Основатели этого полезного общества больше заслуживают памятников, чем адмирал, захвативший Гавану и испанские галлеоны»²⁹⁵.

Н.В. Пономарев, Дж. Прескотт, Э. Кросс и К. Леки придерживаются мнения, что именно поданная Сиверсом записка определила принципиальный выбор, в результате которого в России была создана первая общественная организация²⁹⁶. В документе подчеркивалось значение подобного учреждения для экономического благополучия дворян и для обеспечения государственной пользы. В числе возможных направлений его деятельности указывались распространение новых видов растений, (например, развитие виноделия и разведение шелка в южных провинциях государства) и анализ актуального опыта хозяйствования в зарубежных странах. Предварительное согласие на участие дали А.А. Вяземский и А.В. Олсуфьев – в будущем члены ВЭО, которых Сиверс ознакомил с некоей англоязычной экономической литературой. Первоначальной задачей Общества должно было стать изучение

---

²⁹³ В данном контексте весьма ценно замечание А.Г. Готовцевой о «ломоносовоцентричности» советской историографии, в рамках которой практически все крупные просветительские проекты этого времени атрибутировались именно ему. Схожий сюжет в отношении «Ежемесячных сочинений» рассматривается ей в пользу признания большего значения деятельности Г.Ф. Миллера. В то же время очевидно, что сама идея популярного научного издания витала в воздухе и рассматривалась разными акторами одновременно. См.: *Готовцева А. Г.* Указ. соч. С. 26–28.

²⁹⁴ См.: *Орешкин В.В.* Указ. соч., С. 15, 18.

²⁹⁵ Цит. по: *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб, 1993, С. 75.

²⁹⁶ *Пономарев Н.В.* Исторический обзор... С. 58; *Кросс Э.* Указ. соч. С. 74; *Prescott A. J.* The Russian Free Economic Society... P. 505; *Leckey C.* Patronage and Public Culture... P. 364. Значение фигуры Сиверса как «генератора идей» в начальный период правления Екатерины II отмечено в работе К. Шарфа. Екатерина II... С. 171.

иностранный литературы и привлечение корреспондентов и энтузиастов из провинции²⁹⁷.

Еще одним заинтересованным в учреждении ВЭО лицом был И.И. Тауберт, на что указывал А.И. Ходнев. В конце 1750-х – начале 1760-х гг. он проявлял последовательный интерес к экономической проблематике, участвовал в разработке проекта «класса агрикультуры» при Академии наук²⁹⁸. Историк А.-Л. Шлецер во время своего пребывания в России подготовил проект статистической конторы, возглавить которую должен был именно Тауберт²⁹⁹.

В завершение остановимся на некоторых формальных сторонах учреждения организации. Устав и План ВЭО, а также право пользоваться императорским гербом и девизом были утверждены специальным письмом Екатерины II, действие которого де-факто продолжалось весь период её правления. Специфику этого документа, впервые определившего в правовом поле взаимоотношения между общественной организацией и государственной властью, отметила А.С. Туманова³⁰⁰. Решение императрицы о создании ВЭО в символическом отношении было целиком и полностью прерогативой монаршей власти – и этот привилегированный, разрешительный статус был производной от системы взаимоотношений монарха и придворных, политической культуры эпохи, характеризовавшихся, как показали на различных примерах А.С. Туманова и К.Д. Бугров, относительно слабым вниманием к процедурной стороне системы власти и принимаемых монархом

---

²⁹⁷ *Prescott A. J.* The Russian Free Economic Society... P. 506.

²⁹⁸ *Kaplan V.* Historians and Historical Societies... P. 37.

²⁹⁹ *Шлецер А. С.* 134–135.

³⁰⁰ Интересно место этого документа в структуре российского законодательства XVIII. Он был отобран в Полное собрание законов Российской империи под номером 12.502 и названием «Устав вольного Экономического Общества. — С приложением к оному 1) письма Членов сего Общества на Высочайшее Имя и 2) письма ответного от Высочайшего Имени об утверждении Устава». Сам формат документа, озаглавленного как «Письмо Ея Императорского Величества к Членам Вольного Экономического Общества», служит наглядным примером «жанровой и понятийной размытости законодательного материала» характерных для второй половины XVIII века. См.: *Марасинова Е.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 27.

решений³⁰¹. Во многом поэтому после смерти Екатерины II в 1796 г. встал вопрос о будущем Общества.

1.3.3. Учреждение ВЭО: основные параметры

Насколько новаторской была идея экономического общества для России? Как мы показали выше, альтернативные ВЭО проекты должны были оперировать приблизительно схожим инструментарием, отвечающим представлениям современников о значимости «экономического просвещения». В инициативах 1763 г. также подчеркивалась необходимость участия в практиках публичной сферы и «республики учености».

Представляется, что первоначальная интенция Екатерины II и ее окружения при учреждении ВЭО может быть объяснена ее собственными словами, приведенными в опубликованном на следующий год «Наказе» – как необходимость обеспечить земледельцев качественной экспертизой и сделать еще один шаг в изучении страны. В интенсификации этой работы были также заинтересованы Академия наук и крупные землевладельцы³⁰².

Наиболее заметным отличием ВЭО от предшествующих инициатив была принципиально новая организационная форма: независимость от государства, управление согражданами-патриотами (формально любого происхождения) на основе принципов внутренней демократии – то, что В.Я. Гросул назвал отношениями «общественного непринудительного характера»³⁰³.

Основатели ВЭО предпочли «шотландский вариант», воспринятый вероятнее всего через Лондонское общество. Схожесть проявилась в структуре (основной локус в административном и научном центре, сеть

---

³⁰¹ Бугров К.Д. Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 96–101; Туманова А.С. Указ. соч.

³⁰² Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Vol. 45. Rodopi, 2006. P. 73–74. С. Дикинсон приводит в качестве примера заинтересованности аристократии деятельность братьев Орловых.

³⁰³ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 95–96.

корреспондентов в провинциях) и во внутренних установлениях. В первую очередь к последним может быть отнесены категории членства (формальное равенство; один человек – один голос, все должности избираются; наличие должности корреспондента, не обладавшего правом голоса), форма управления (голосование под председательством Президента, при баллотировании новых членов требуется поручительство троих участников общества), режим работы (регулярные собрания раз в месяц)³⁰⁴.

Вместе с тем ряд отличий свидетельствовали о разнице в опыте общественной жизни двух стран. В регламентирующих документах Лондонского (и Шотландского) общества детально прописывался механизм финансирования (ежегодные взносы, порядок их внесения, приостановка членства при отсутствии оплаты), что было упущено в учредительных документах ВЭО. Кроме того, в отличие от британских организаций, Общество изначально стремилось позиционировать себя в публичной сфере. В то время как первые начинали обнародовать материалы по прошествии определенного времени и/или делали это спорадически (в случае Эдинбургского – спустя десятилетия; Лондонское на первом этапе ограничивалось внутренним кругом читателей), российская ассоциация с самого начала демонстрировала стремление быть открытой для всей читающей публики.

Основной задачей Общества внутри страны объявлялась консолидация населения страны для решения насущных задач экономического развития. Об этом, ориентированном на развитие горизонтальных связей между подданными Екатерины, характере организации свидетельствует широкое использование понятия «согражданин» в ее учредительных документах: «При столь неусыпном старании всех просвещенных в Европе народов о приведении себя поправлением земледелия в лучшее состояние, что может

---

³⁰⁴ Rules and Orders // Transactions of the Society, Instituted at London, for the Encouragement of Arts, Manufactures, and Commerce. Vol 1., 1783. Pp. 276–281. Так, отличие корреспондента от действительного члена в английской ассоциации делалось по территориальному признаку (не проживающий в Великобритании или иностранец) и по обязанностям – первые могли не платить взносы. В ВЭО же отличие было функциональным – различались в первую очередь обязанности.

быть нужнее и полезнее, как к такой же ревности побудить любезных сограждан наших, то есть всех обитателей пространная российския Империи»? ³⁰⁵ Обращение к проблематике сельского домостроительства представляется одновременно, и целью, и методом мобилизации общественного внимания – подобная тематика не могла не вызвать большой интерес современников, чем обсуждение более специализированных отраслей хозяйствования.

Деятельность ВЭО, патронируемого лично императрицей, также должна была способствовать славе Российского государства за рубежом. В этом отношении его привилегированный статус соответствовал установившейся с петровских времен традиции предоставления занимающимся наукой организациям особых привилегий³⁰⁶.

Таким образом, появление идеи экономических обществ в европейской культурной жизни XVIII в. и учреждение ВЭО в России явились следствием ряда взаимосвязанных факторов. Первым из них было развитие экономического просвещения, обусловившего внимание интеллектуальных и политических элит раннемодерных государств к проблемам эффективного управления природными и человеческими ресурсами и обеспечения роста населения. Вторым было продвижение новых социальных практик публичной сферы, эволюция национальных и транснациональной систем коммуникации.

Социокультурная динамика, определившая своеобразие российской культуры инноваций в общем и специфику становление ВЭО в частности, во многом была задана процессом консолидации дворянского сословия в

---

³⁰⁵ Предуведомление...; Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 368.

³⁰⁶ *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII вв. Л., 1974. С. 190. По оценке Ю.Х. Копелевич, «в созданной системе государственных учреждений Петр отвел Академии наук особое место, не подчинив ее даже Сенату. Она должна была находиться «под ведением императора яко протектора». Такой статус был особенно важен для России, где не было традиции университетских привилегий и «понятие о научной деятельности как государственной службе только начинало формироваться» См. также: *Kaplan V.* *Historians and Historical Societies...* P. 32.

условиях, определенных Манифестом 1762 г. об освобождении от обязательной службы. Представители высших слоев аристократии стремились разрабатывать новые социально приемлемые виды занятий дворян³⁰⁷, а также адаптировать «европейские представления о дворянстве в российскую политическую культуру» для приведения статуса российского дворянства в соответствие с их статусом в крупнейших европейских державах³⁰⁸, расширяя традиционные представления о дворянине как о «человеке, который либо служит в армии, либо исполняет определенную должность»³⁰⁹.

Так, в докладе на высочайшее имя о «проекте Права дворянского» в апреле 1763 г. указывалось, что «в обоих состояниях [дворянин – К.П.] полезен может быть государю, отечеству и себе самому, когда он воспитание имеет благородное и отеческое имение». Польза неслужащего дворянина могла проявляться в его хозяйственной деятельности, благодаря которой плодородные земли не приходили бы в «крайнее всегда ослабление»³¹⁰. При этом, как отметил И.Ф. Мартынов, подобная логика могла означать и стремление власти обеспечить перенос в провинцию вместе с уходящими со службы дворянами столичных интеллектуальных и культурных практик³¹¹. Учреждение ВЭО, таким образом, укладывается в общую стратегию

---

³⁰⁷ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: «Текст», 1993. С. 79–80. А. Иосад также отмечает то, интерес к наукам был более характерен для тех дворян, высокий статус которых был связан с имперским патронажем или успешными коммерческими предприятиями, таких как Шуваловы, Воронцовы, Строгановы и Демидовы, чем к тем семьям, которые проводили свою дворянскую генеалогию в допетровские времена. *Iosad A.* Op cited. P. 265.

³⁰⁸ Киселев М. А. Объявление о вольности российского дворянства служить и не служить 17 января 1762 г // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М.: Издательство МГУ, 2017. №. 5. С. 508-512.

³⁰⁹ Цит. по. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М.: Академия Наук СССР, Институт истории СССР, 1982. С. 179.

³¹⁰ Омельченко О.А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001. С. 120.

³¹¹ Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760–1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX в. Л.: Наука, 1978. С. 115.

российского абсолютизма, стремящегося «усилить воздействие на мотивацию» дворянства»³¹².

Наконец, специфика публичной сферы России заключалась в том, что монарх, государство и дворянство играли в ней более значительную роль, чем в «нормативных» странах западной Европы. Хотя данные факторы зачастую негативно трактуются в исследовательской литературе, современники их в качестве таковых не воспринимали. Европейские общественные организации второй половины XVIII в. также, как правило, стремились обеспечить себе высокое покровительство и были так или иначе встроены в иерархическую структуру раннемодерного социума. Традиционно внимательное отношение российских монархов к связанным с научной сферой институциям, которые воспринимались как инструмент позитивной трансформации российского социума и источник славы в рамках культуры Просвещения, обеспечило ВЭО самый высокий возможный статус как внутри государства, так и в глазах зарубежных ассоциаций, уже в самом начале его деятельности.

Глава 2. Вольное экономическое общество в правление Екатерины II

В результате длительной подготовительной работы в общем виде были определены цели и задачи экономической ассоциации, в которую теперь предстояло вдохнуть жизнь. В предыдущей части исследования мы отметили в уставных документах вновь созданной организации новые и уже ранее встречавшие в альтернативных проектах черты, преемственность которых была основана на понимании правящим слоем и интеллектуальной элитой необходимости интенсификации хозяйственного освоения территории страны и побуждения ее населения к участию в этом процессе посредством новых практик коммуникации.

---

³¹² *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 308. См. также: *Шмидт С.О.* Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX века // Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII–первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 110.

Новым было «социологическое» наполнение проекта ВЭО, в котором делался акцент на определенных формах поддержки энтузиазма подданных, их готовности добровольно действовать ради достижения общего блага. Подразумевалось, что прежде всего подобная институциональная модель окажется востребованной для дворянства, которое находилось в процессе поиска новых путей самореализации после отмены обязательной службы.

Практическое воплощение данных идей на протяжении изучаемого периода определялось социокультурной ситуацией, «культурой инновации» российского общества, в которой сочетались элементы модерной и традиционной культур, и реакцией руководства ВЭО на динамику взаимодействия этих факторов. Последовательность развития этого процесса, как нам представляется, может быть оценена через изучение опыта внутренней жизни организации и ключевых направлений ее работы, а также реконструкции социального портрета ее состава и подписчиков ее изданий. Наконец, немаловажное значение играет и выявление комплекса идей сочленов, в которых отражались их представления о том, какое именно знание должна производить и распространять общественная организация, система взглядов о ее месте и роли в структуре социума, характере отношений с властью, в том числе значении для проводимой Екатериной II политики просвещения населения империи и повышения международного престижа российского государства. Для анализа стратегий саморепрезентаций сочленов необходимо также рассмотреть декларируемые ими мотивы к участию в работе ассоциации.

2.1. Социальный портрет ВЭО и основные направления его работы, 1765–1796 гг. Вопрос о периодизации.

В первых двух параграфах настоящего раздела исследования мы рассмотрим две обозначенные выше проблемы: изучения внутренней жизни и ключевых направлений его работы и воссоздания социального портрета

Общества на базе пофамильных списков в «Трудах» и его подписчиков на основании соответствующего реестра в «Еженедельных сочинениях».

При исследовании первой проблемы основное внимание будет уделено двум процессам, в рамках которых обнаруживаются определенные противоречия между модерными и традиционными элементами культуры. В первую очередь к ним относится эволюция представлений о должностях и обязанностях членов ВЭО, разделение его состава на активное ядро, вовлеченное в непосредственную работу Общества, и основную часть, которая числилась в составе, но не принимала деятельного участия. Во-вторых, это, каким образом руководство общественной организации решало задачу выстраивания коммуникации с российским читающим обществом и особенно связей с провинцией, которые были необходимы для решения главных задач организации: получения и распространения полезных знаний.

Для удобства анализа представляется целесообразным предпринять попытку периодизации истории общественной организации. Аргументы для подобной попытки были предложены еще В.А. Петровой, указавшей на то, что публикационная и научная активность ВЭО фактически делится на два этапа – до и после восстания Е.М. Пугачева (в 1775 г., была прекращена до этого регулярная печать основного периодического издания Общества – «Трудов»)³¹³. В поддержку этого мнения можно привести и другое доказательство. Речь идет о динамике внутренней жизни ассоциации. В 1770 г. была принята вторая редакция Устава, вносящая существенные изменения в первоначально выстроенную модель экономического общества. Таким образом, первое десятилетие характеризуется напряженной работой по адаптации данной модели к российским социокультурным условиям, искусственно оборвавшейся из-за внешних обстоятельств.

Второй период, 1776–1796 гг. характеризовался постепенным восстановлением после кризиса, а затем более стабильным и последовательным характером работы организации, существенным ростом

---

³¹³ *Петрова В.А.* Иностранная корреспонденция... С. 102.

численного состава и расширением представленности различных социальных групп.

В завершающей части раздела будут рассмотрены ряд ранее не получивших освещения аспектов его международной жизни, относящихся прежде всего к практикам символической коммуникации, задачей которых было позиционирование ВЭО в ряду зарубежных организаций и репрезентация российской монархии как воплощения идеалов Просвещения.

2.1.1. ВЭО в 1765–1775 гг.

В основе идеи добровольных объединений, как свидетельствовал знакомый ряду учредителей Вольного экономического общества опыт британских экономических организаций, лежало соглашение между сочленами о внутреннем устройстве организации, правах и обязанностях его сочленов. В первом выпуске «Трудов» 1765 г. был опубликован Устав, ознакомившись с содержанием которого современник мог составить впечатление о специфике данной организации и о том, что от него ожидалось в случае вступления. В 4-й главе этого документа, после перечисления порядка избрания Президента, Секретарей, Казначей и новых членов, а также разъяснения обязанностей лиц, избираемых на вышеуказанные должности, сообщалось: «Экономическое Общество состоять имеет, 1) из действительных членов, 2) из Корреспондентов, и 3) Аускультантов»³¹⁴.

Далее раскрывались требования к каждой из этих групп. Наиболее подробно они были прописаны для действительных членов, обладавших всей полнотой прав (таких, как право участвовать в голосованиях, быть избранным на какую-либо из должностей и рекомендовать новых сочленов). Так, они были «обязаны каждой собою и совокупными силами способствовать успехам сего Общества и народной пользе». Назывались следующие способы: «делать верные опыты и сообщать Обществу», «подавать или присылать в собрание всякие собственные сочинения, принадлежащие к... приватной и

---

³¹⁴ Устав...

государственной Экономии», «сочинять экстракты из лучших иностранных писателей», «представлять новые изобретения». Помимо этого «Особливо требуется, чтоб каждый Член подал в одну треть года одну такую пиесу, которая бы для полезного ея содержания вместе с прочими... могла быть напечатана» и «когда кому из Членов от всего Общества поручено будет такое дело... то он по усердию своему к общей пользе от онаго не отречется»³¹⁵. Должности корреспондентов и аускультантов предполагали делание опытов и сочинение экстрактов соответственно – и по сути повторяли отдельные положения обязанностей действительных членов.

Таким образом, в Уставе делался сильный акцент на проактивном характере участия, при этом формы этого участия относились почти исключительно к научно-исследовательской сфере. Более того, в документе подчеркивалось, что неисполнение указанных требований было единственной возможной причиной для исключения из состава организации: «Ежели кто чрез целой год не оказал Обществу никакой услуги; то оно примет сие знаком таким, что он в нем быть сам не желает, и для того исключится»³¹⁶.

Выше мы указывали, что одним из значимых отличий британского(их) прообраза от уставного документа российской организации, было отсутствие регламентации членских взносов. Действительно, единственным упоминанием данного вопроса была лишь ремарка в «Плане» Общества, которая впоследствии не перешла ни в одну из редакций Уставов ВЭО в XVIII столетии: «Доколе Общество на всякие случающиеся расходы иной суммы иметь не будет, соглашаются члены ежегодно складываться по 12 руб., оставляя всякому на волю прибавить столько, сколько... сам заблагоразсудит»³¹⁷.

---

³¹⁵ Устав...

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ План Вольного экономического общества... При этом в отсутствие регулярной финансовой отчетности вплоть до 1784 г. не представляется возможным уточнить, выплачивалась ли эта сумма в первые годы. Более поздние материалы свидетельствуют, что членские взносы не вносились и даже такая категория отсутствовала в приходно-расходных книгах. См. напр. РГИА, Ф. 91, Оп. 1. Д. 546. Л. 1-1 об., а также не упоминалась в соответствующих параграфах «дневных записей».

Как отмечалось выше, подобная расстановка приоритетов не была характерной для британских ассоциаций, в регламентирующих документах которых подчеркивались необходимость вовремя вносить членские взносы, в то время как исследовательская составляющая рассматривалась как сугубо добровольная. Примечательно, что такая трактовка обязанностей сочленов сохранялась и после обретения данными обществами устойчивых внешних источников финансирования, в том числе субсидий от монаршей особы или парламента³¹⁸. В случае ВЭО справедливо обратное: в 1766 г. вопрос об издании «Трудов», как показал А.И. Ходнев, был решен в пользу передачи его на баланс Кабинета. Тем самым ВЭО получало прибыль от их продажи, но не несло рисков, связанных с возможным сокращением сбыта и не посчитало нужным акцентировать вопрос о членских взносах.

Вторым значимым аспектом внутренней организации Общества, отличавшем его как от российской Академии наук, так и от ряда европейских экономических и научных объединений, было отсутствие разделения по иерархическому признаку, а также социальному и профессиональному критериям³¹⁹. Хотя конкретные причины именно такой организационной

---

³¹⁸ Например, в правилах Дублинского общества указывалось, что «каждый член этого общества при поступлении может пожелать выбрать какой-либо конкретный предмет либо в Естественной истории, или в животноводстве, или в сельском хозяйстве, или в садоводстве, или в каком-либо виде производства, или в другой отрасли... и сделать это своим делом, читая то, что было напечатано по этому предмету, беседуя с теми, кто сделал это своей профессией, или проводя свои собственные эксперименты, чтобы стать в этом мастером и письменно сообщать о результатах...» Цит. по: *Byrne K. The Royal Dublin Society and the advancement of popular science in Ireland, 1731–1860 // History of Education, 1986. Vol.15, № 2, p. 83.*

³¹⁹ Например, таких как основанное в 1728 г. во Франции «Общество искусств». Его члены подразделялись по 9 ветвям практического знания (сельское хозяйство и экономика, животная экономия, мануфактуры (текстиль, красильное дело, кожевенное дело), военная и гражданская архитектура, строительство портов и кораблей, измерение времени и создание математических инструментов, создание оптических инструментов, металлургия и изящные искусства. Каждый член мог быть приписан к одной и большему числу категорий, так чтобы каждый проект исполнялся бы группой людей с различными взглядами. См.: *Bertucci P., Courcelle O. Artisanal knowledge, expertise, and patronage in early eighteenth-century Paris: The Société Des Arts (1728–36) // Eighteenth-century studies. 2015. vol. 48. №. 2. P. 167.* Как мы показали выше, в британском Совете по земледелию, было предложено три категории членства в зависимости от должности и статуса: обычные, почетные и представители правительства.

формы не раскрываются в документах, его истоки и идейный базис могли иметь как российское, так и европейское происхождение.

Как отметил С.М. Троицкий, в начале екатерининской эпохи в своей публичной риторике власть стремилась подчеркивать приверженность меритократическим идеалам³²⁰. Одновременно в европейской научной публицистике во второй половине XVIII в. разворачивалась последовательная критика «почетных» категорий членства в Академиях и научных организациях как присуждаемых не по действительным заслугам, а на основании отношений власти, положения в служилой иерархии или близости к трону³²¹.

Таким образом, в первоначальном Уставе последовательно продвигался принцип равенства и деятельного участия каждого сочлена в жизни ассоциации, а также выражалось характерное для идеалов экономического просвещения стремление подтолкнуть сочленов к рационализации повседневной жизни посредством научных практик. Эгалитарный характер состава, равенство пожелавших принимать участие в его работе, подчеркивались и тем, что категория действительных сочленов длительное время – вплоть до 1790-х гг. оставалась единственной, в которую проводился набор (о наборе корреспондентов см. Табл. 7)³²². Таким образом в рамках деятельности ВЭО было создано уникальное пространство, в котором представители высшей элиты империи на регулярной основе принимали участие в собраниях вместе с представителями «среднего дворянства» и других непривилегированных слоев российского социума.

Вместе с тем анализ авторства статей в «Трудах» и материалов, раскрывающих динамику внутренней жизни общества (в том числе и о занимаемых выборных должностях) показывает, что декларируемое в уставном документе идеализированное представление о нем как об

---

³²⁰ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974. С. 144.

³²¹ Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context, 1991. № 4(2), P. 379. В то же время следует подчеркнуть, что критика не означала исчезновения подобной иерархии.

³²² Аускультанты вскоре после начала работы Общества вовсе перестали упоминаться как значимая категория. См. Устав 1770 г.

объединении энтузиастов, на постоянной основе участвующих в исследовательской работе, быстро вступило в противоречие с реальной практикой его деятельности.

В первую очередь произошло разделение на активное ядро, которое составили люди, исполняющие выборные должности, присутствующие на очных собраниях, вносящие личные средства, а также авторы, регулярно присылающие свои сочинения, и тех, кто, числясь в составе Общества, никак не был задействован в его непосредственной работе. При этом в составе активного ядра также проходила специализация на основании социального статуса акторов.

Во главе ВЭО находились президент и два секретаря (русской и немецкой экспедиций соответственно), избираемые собранием на основании тайного голосования. В круг задач президента входило обеспечение порядка во время собраний, подписание изданий к публикации, выдвижение кандидатур на должности, а также (что не было прописано в Уставе, но следует из опубликованных материалов «дневных записок») выполнение репрезентативных и символических функций. Так, именно он представлял ассоциацию перед монархом и придворным обществом, выполнял административные функции, например, испрашивая у императрицы финансирование³²³. К примеру, президентов В. Г. Орлова и В. Р. Польмана собрание последовательно просило (без результата) провести переговоры о «выдаче из казны ежегодной суммы» 2000 рублей на расходы ассоциации³²⁴

На протяжении XVIII в. данную должность преимущественно отправляли представители группы генералитета и приближенные

---

³²³ В частности большое внимание этому аспекту уделяется в англо-американской историографии, например в работах Дж. Брауна и К. Леки. В преимущественно представительском характере работы президента общества как правило видят проявление патронажных практик, не совместимых с представлениями о нормативных «свободных» общественных организациях, которые, однако, едва ли были характерны для большинства связанных с государством европейских общественных организаций эпохи.

³²⁴ *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 584.

императрицы³²⁵. Подобное понимание фигуры и функций президента прямо коррелировало с устоявшимися в российской и европейской среде представлениями о роли высшей знати в научных организациях. В частности, в проекте регламента Академии наук 1764 г. указывалось, что «Президент Академии Наук, не токмо главной Правитель и начальник, но и оберегатель оныя от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитой и знатной, имеющий свободной доступ до Монаршеской особы...». Он также «сверх того должен быть знающ нужнейших языков и обще вникателен во все науки». Кроме того подчеркивалось, что его основная должность состоит в том, чтобы обеспечивать доброе согласие и порядок³²⁶. Схожие мысли были высказаны самой императрицей и А. Эйлером при обсуждении его переезда в Россию³²⁷. Как показал К. Леки, ссылаясь на незнание иностранных языков от должности президента ВЭО последовательно отказывались Р.Л. Воронцов и И.Г. Чернышев, уступая ее Г.Г. Орлову. Анализ списков лиц, занимавших президентские должности в Дублинском и Лондонском обществах, также показал, что наиболее часто их занимали высокопоставленные или знатные «патроны искусств»³²⁸.

Найденное ВЭО решение вопроса координации повседневной научной деятельности также было типологически схоже с опытом экономических организаций в Европы. Подобные обязанности зачастую возлагались на людей, занимающих технические должности секретарей или вице-президентов. В случае ВЭО анализ социального портрета секретарей отражает

---

³²⁵ Список всех президентов Общества см. в Ходнев А.И. Указ. соч. С. 641–646. Исключение составляли лейб-медик К.Ф. Крузе (1771 г.), исследователь М.Ф. Соймонов (одна треть в 1773 г.), Т.И. Остервальд (одна треть в 1774 г.).

³²⁶ *Биллярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1865. С. 653–654.

³²⁷ «И так я думала назначить временно вице-президента, потому что Г. Эйлер сам сознается, что должность президента должна быть занята лицом знатным» // Собственноручное черновое письмо Екатерины II к гр. Воронцову о принятии вновь в русскую службу Эйлера // СИРИО, 10. С. 175.

³²⁸ Так, в Лондонском обществе эту должность последовательно занимали член Парламента первый виконт Фолкстон Я. Бувери, пэр Р. Маршам, 2-й барон Ромни и Ч. Говард 11-й герцог Норфолк.

две тенденции. Должность русского секретаря многие годы (1765–1778, 1787–1797 гг.) занимал подполковник артиллерии и член Берг-Коллегии А.А. Нартов, выпускник Сухопутного шляхетского корпуса, бывшего, как отметила И.П. Кулакова, очагом новой дворянской культуры. Он олицетворял новый тип «просвещенного дворянина», деятельно воспринимавших современные культурные ценности, в число которых входило и не считавшееся многими представителями высшего сословия социально приемлемым для дворянина изучение наук и участие в научных практиках³²⁹. Именно с этой фигурой связана наиболее активная публикационная политика Общества, а в его отсутствие с 1778 г. «Труды» выходили нерегулярно³³⁰.

Должность немецкого секретаря, преимущественно ответственного за международные связи на протяжении всего XVIII в. последовательно занимали этнические немцы, связанные с Академией наук и выступавшие в роли агентов европейского культурного влияния. В их число входили И.Г. Леман, Я. фон Штелин, И.З. Кельхен и И.А. Эйлер.

Однако если распределение функций на основании социального статуса в руководстве Общества в целом соответствовало представлениям современников как в России, так и в Европе, то аналогичные процессы в отношении основной массы сочленов в условиях действия принятых в учредительных документах регламентирующих норм привели ВЭО к его первому серьезному кризису, а его руководство – к переоценке основополагающих документов.

---

³²⁹ Кулакова И.П. Г.Ф. Миллер — агент европейского культурного влияния в России // Г.Ф. Миллер и русская культура, отв. ред. Д. Далльман, Г.И. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. С. 346; Кулакова И.П. Российское «просвещенное дворянство»... С. 91.

³³⁰ Значение фигуры секретаря для периодических изданий того времени мы можем оценить, если посмотрим на историю академических «Ежемесячных сочинений», которые перестали выходить после переезда Г.Ф. Миллера в Москву. Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII веков. СПб.: Лань, 2002. С. 367.

В течение первого десятилетия в списках вновь вступивших были отмечены 97 человек³³¹ (см. Табл. 1). Данный показатель означает, что степень вовлеченности «просвещенной» части социума в новый тип социальных практик оставался на достаточно низком уровне по сравнению с более привычными типами общественной активности. К примеру, число подписчиков журнала «Ежемесячные сочинения» в начальные годы его работы доходило до 239³³². Абсолютное большинство (77,3 %) в численном составе организации занимали дворяне (см. Табл. 2), что коррелирует с имеющимися в литературе данными о явном превалировании этого сословия в российской публичной сфере. Доля генералитета (1–5 ранги) от общего числа российских подданных составляла чуть менее половины – 46,4 %, дворян 6–8 рангов – 22,7 % (см. Табл. 3).

При этом анализ дневных записей собраний, проведенный К. Леки, выявил, что усредненный показатель посещаемости на протяжении указанного периода составлял не более 9 человек³³³ и, как подтвердили наши изыскания, он принципиально не изменялся вплоть до 1801 г. Это наблюдение американского исследователя наглядно подтверждает тезис об ограниченности активного ядра Общества в количественном отношении вне зависимости от его номинального численного состава.

Следует отметить, что именно первые десять лет работы организации характеризуются наивысшим уровнем участия представителей генералитета в его повседневной жизни, который имеет тенденцию к снижению по мере удаления от даты основания. В.А. Петрова и К. Леки объясняли незаинтересованность элиты в рутинной работе ассоциации тем, что ее представителям вскоре стала понятна невозможность использования ВЭО в прагматических политических целях (для придворной борьбы или

---

³³¹ Анализ динамики состава ВЭО был ранее проведен К. Леки и Дж. Брауном. Однако в их работах присутствуют неточности, связанные с тем, что предпочтение отдавалось немецким изданиям «Трудов», либо просто содержат значимые ошибки в расчетах.

³³² *Готовцева А.Г.* Указ. соч. С. 21.

³³³ *Leskey C.* Patrons of Enlightenment... P. 112–118. Минимум в 6,8 был достигнут в 1767 г., максимум 12,6 — в 1770 г.

лоббирования выгодных им проектов), а также их опасениями, что перед ними будут ставиться острые политические вопросы – прежде всего к таковым относился инициированный Екатериной II конкурс о крестьянском землевладении. Высокопоставленные члены в период 1765–1770 гг. в большинстве своем также не выполняли и требование Устава об обязательной публикации полезных «писес».

Данные показатели, и это признается в литературе, не учитывают индивидуальный вклад, который приносили в работу Общества некоторые представители высшей аристократии. Так, наиболее заметную роль в течение первого десятилетия играли граф Р.Л. Воронцов и граф З.Г. Чернышев, принимавшие непосредственное участие в обустройстве дома ВЭО, обсуждении вопросов организации работы и ставшие единственными приближенными к императрице представителями данной группы, опубликовавшими сочинения в «Трудах» в первые пять лет работы ассоциации: «О заведении запасного хлеба» и «О способах к исправлению сельского домостроительства» первого и помещенной в первой части «Трудов» речи графа З.Г. Чернышева соответственно³³⁴. Кроме них также публиковал свои работы по описанию экономии Вологодского уезда бригадир А.В. Олешев³³⁵.

Однако, меньшее внимание исследователей было уделено тому факту, что представители данной группы последовательно и на протяжении многих лет выполняли функции репрезентации и патронажа.

Так, высокое положение сочленов в социальной и служилой системе публично подчеркивалось Обществом, стремящимся таким образом

---

³³⁴ *Воронцов Р.Л.* О заведении запасного хлеба // Труды Вольного экономического общества. Т. 2, Ч. II. СПб: Императорская Академия Наук, 1766. С. 13–22; Он же. О способах к исправлению сельского домостроительства // Труды Вольного экономического общества. Т. 5, Ч. V. СПб: Императорская Академия Наук, 1767. С. 1–13; *Чернышев З.Г.* Речь говоренная в собрании // Труды Вольного экономического общества. Т. 1, Ч. I, СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 173–175.

³³⁵ См. напр.: *Олешев А.В.* О пряже и точке в Вологодском уезде, и о принадлежащих к тому некоторых обстоятельствах // Труды Вольного экономического общества. Т. 5, Ч. V. СПб: Императорская Академия Наук, 1767. С. 133–149.

акцентировать свой привилегированный статус. В течение XVIII в. при составлении списков вновь вступивших, помещаемых в начале каждой части «Трудов», использовалось два способа: хронологический (по дате вступления) и иерархический, предполагавший распределение по чину и принадлежности к сословию. Именно иерархический принцип был характерен для первых 30 частей «Трудов», изданных с 1765 по 1775 гг.³³⁶

К проявлениям патронажа относилось участие в определении тем конкурсных задач и/или предоставление денежных наград по их итогам. Сановные сочлены ВЭО следовали примеру самой императрицы, которая профинансировала три подобных мероприятия³³⁷. Число поучаствовавших в такой форме патронажного взаимодействия в 1765-1775 гг. хотя бы один раз составляет 15 человек (в хронологическом порядке: Г.Г. Орлов, Я.Е. Сиверс, А.С. Строганов, В.Г. Орлов, Р.И. Воронцов, А.И. Глебов, З.Г. Чернышев, К.Г. Разумовский, И.С. Барятинский, И.Г. Чернышев, П.Г. Демидов, Г.Н. Теплов, А.И. Черкасов, А.Г. Демидов), то есть фактически каждый третий предлагал или финансировал конкурсные задачи. Тематика данных конкурсов охватывала широкий спектр экономической проблематики и свидетельствовала о глубоком интересе представителей данной социальной группы к рационализации различных сфер крестьянского быта, разработке вопросов эффективного управления дворянским поместьем и решения проблем демографического роста. Обращает на себя внимание также то, что в данный период, в отличие от императрицы, ими не ставились задачи поиска природных ресурсов. Также крайне редки были упоминания коммерции как тематической области. Единственный конкурс по данной тематике («Какой хлеб прибыльнее для России») был организован генерал-кригскомиссаром А.И. Глебовым.

---

³³⁶ Так, список учредителей общества открывается именами Р.Л. Воронцова и Г. Орлова и завершается членами Академии наук и придворным садовником Эклебенем.

³³⁷ Конкурс о собственности крестьян, поиск квасцовых руд в России и выявление месторождений угля в Новгородской губернии

В числе наиболее значимых проектов следует упомянуть инициативы Р.Л. Воронцова по заведению «запасного хлеба» (осталась без решения) и А.С. Строганова о составлении наказа управителю – все они затрагивали проблематику особенно близкую «отсутствующим» крупным землевладельцам. З.Г. Чернышев и К.Г. Разумовский предложили читателям «Трудов» подготовить руководство по «учреждению прожитка имеющим доход от 3 до 12 тысяч». Помимо этого, в 1768 г. В.Г. Орловым была предложена знаковая для Общества задача создания «Крестьянского зеркала», которое должно было содержать советы по воспитанию крестьянских детей и наставление по земледелию, оставшаяся, однако, без решения вплоть до второй половины 1790-х гг. Бригадир Олешев и П.Б. Пассек сфокусировались на демографической проблематике, предложив такие темы, как вред «женитьбы юнцов на старых девах» и прививании оспы соответственно (на обе эти задачи ВЭО не получило удовлетворительного ответа)³³⁸.

К проявлениям патронажа также относилось оказание тех или иных услуг. Подобные свидетельства в материалах «дневных записок» и тем более в «Трудах» не столь часты. К их числу следует, в частности, отнести проведение почвоведческих опытов в сельце Милет, принадлежащем Воронцову³³⁹, испытание «махины» в его же усадьбе, поставка им строительных материалов для постройки первого дома Общества, а также неоднократное предоставление другими статусными сочленами (братьями Чернышевыми, К.Г. Разумовским, А.Г. Орловым, Н.А. Демидовым) собственных домов в Санкт-Петербурге для проведения торжественных

---

³³⁸ Воронцов Р.Л. О заведении...; Объявление 1-е // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 9, Ч. IX, СПб: При Императорской Академии Наук, 1768. С. 174–177.

³³⁹ Леман И.Г. Экономическое испытание синей земли. Труды Вольного Экономического Общества. Т. 1, Ч. I., СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 74–87. Такого рода упоминания будут встречаться и в дальнейшем: так, майор Шталь в «Кратком мнении о поправлении домостроительства Могилевской Губернии» отмечает, что он работал по приказу Г.А. Потемкина и пытался применить новые способы хозяйствования, такие как деление земли на 4 участка. Шталь. Краткое мнение о поправлении домостроительства Могилевской Губернии. Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 42, Ч. XII., СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. 141–144.

собраний по случаю годовщины учреждения ассоциации и выделение денежных субсидий на вышеуказанное строительство³⁴⁰. Не афишировались в публичном поле и личные отношения патронажа, связывавшие отдельных сочленов и известные нам из исследовательской литературы (например, связи графа Г.Г. Орлова и пастора Эйзена, князя С.В. Гагарина и А.Т. Болотова)³⁴¹.

А.И. Ходнев также предположил, что значительную часть бюджета организации в данный период составляли добровольные пожертвования ее именитых сочленов, однако из-за отсутствия устойчивой финансовой отчетности в этот период, оценить ее масштабы не представляется возможным за исключением спорадических сведений в «дневных записках»³⁴². Таким образом, представители генералитета считали вполне уместными для себя традиционные функции аристократии – патронаж и репрезентация.

Анализ состава Общества позволяет более подробно изучить, как процесс адаптации новых практик – участия в деятельности общественной организации и практиках научной деятельности – проявлялся в других стратах российского социума. Как отмечалось выше, организационное ядро и наиболее активные участники деятельности ВЭО представляли две группы – «просвещенное дворянство» 6-8 рангов и специалисты, связанные с Академией наук или выполняющие другие ассоциированные с научной сферой занятия, чаще всего этнические немцы. В анализируемый период указанные две категории чаще всего были и авторами статей в «Трудах».

Наиболее заметным представителем первой категории был секретарь Общества А.А. Нартов, занимавшийся кроме того проблематикой «махин и инструментов» (так, им были опубликованы описания толчеи и

---

³⁴⁰ См. напр.: РГИА, ф. 91, оп. 1, Д. 385, л. 31, д. 403, л. 86; *Leckey C.* Op cited. P. 132; *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 508–511.

³⁴¹ *Bartlett R.* ‘Ropsha, where Peter III was murdered...’: Faces and Façades of an Imperial Estate // *Personality and Place in Russian Culture: Essays in Memory of Lindsey Hughes*; ed. by Simon Dixon, 2010. P. 170. За год до создания ВЭО пастор Эйзен был приглашен Г. Орловым для разработки проекта по отмене крепостного права; *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 3 (ч.15-21), СПб: Печатня В. Головина, 1872. С. 337-339, 364-378.

³⁴² *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 583–585.

«употребляемой для веяния хлеба веяльницы»), удобрений, лесного хозяйства), а также выполнявший переводы иностранных экономических сочинений³⁴³. Учреждение ВЭО дало возможность полноценно реализовать интерес к экономии ряду дворян-провинциалов. В первую очередь это относится к целому корпусу работ П.И. Рычкова и А.Т. Болотова по описанию территорий, управлению помещьем и популяризации новых хозяйственных практик.

Оставленные этими двумя авторами автобиографические заметки весьма показательны для понимания причин, побудивших сельских помещиков вступить в ряды ВЭО. Так, П. Пекарский цитирует записку Рычкова, в которой тот объяснял свое первое впечатление и ожидания от вступления в Общество: «При окончании сего 1765 года, рассказывает Рычков в своих Записках, получил я ордер от г. тайнаго советника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева из Санкт-петербурга от 10 числа ноября, коим он уведомил меня, что 2 числа того ж (месяца) выбран я в члены Вольнаго Экономическаго Общества... Сие избрание, без всякаго моего искания учиненное, и приобщение меня к столь знатному обществу, в котором знатнейшия особы и многие сенаторы присутствуют, почитаю я в нынешней моей приватной деревенской жизни не только знатным приключением, но и за промысл Божий, ведущий меня явно к продолжению службы»³⁴⁴.

В «Жизни и приключениях А.Т. Болотова» в большей степени акцентируется значимость научного творчества для самореализации дворянина, посвятившего «себя навсегда деревенской жизни»: «И как о экономических обществах в иных землях и о всех их установлениях имел я уже довольно понятие, то, увидев из книжки сей, что и у нас такое ж учредилось, да еще и именитое и взятое самую императрицею в особое покровительство, вспрыгался я почти от радости... и удовольствие мое

---

³⁴³ См. напр.: *Нартов А.А.* Описание толчей и ея частей; Он же. Описание употребляемой для веяния хлеба веяльницы // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, Т. 16, Ч. XVI. СПб: При морском кадетском шляхетном корпусе, 1770. С. 231–237.

³⁴⁴ *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб: Тип. Императорской Академіи наук, 1867. Т. 2. №. 1. С. 102-103.

усугубилось еще больше, когда увидел я, что и у нас по примеру иностранных, приглашались к сообщению обществу экономических своих замечаний все живущие в деревнях дворяне, равно как и другие всякого звания люди... буде только кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономии имел понятие, и сколько-нибудь умел писать и владеть пером»³⁴⁵.

Отметим также, что в группе дворянства 6–8 рангов заметное место занимали сотрудники специализированных и близких к тематике экономического просвещения учреждений, прежде всего Берг-коллегии. Из горного ведомства в Общество пришли 4 человек: сам А.А. Нартов и три сотрудника: А.М. Карамышев³⁴⁶, обер-гитенфервалтер Монетного двора Х. Лешенколь (оба в 1774 г.) и гитенфервалтер Нордгаузен (1775 г.). Помимо них в составе ВЭО числились и руководители коллегии: вице-президент М.М. Херасков и прокурор С.Г. Беклемишев. Анализ документов о принятии новых членов в состав Общества показывает, что решение о вступлении в их случае было обусловлено статусно-символическими причинами по крайней мере для двоих сочленов: Лешенколь и Карамышев были приняты в один день по представлению А. Нартова, Э. Лаксмана и И. Лепехина. Нартов также содействовал избранию в сочлены и Нордгаузена. При этом в качестве обоснования для принятия в члены Лешенколя приводились выполненные им в «Трудах» описания «разных махин», а также было принято во внимание «искусство его в механике»³⁴⁷. Однако после избрания в члены общества ни Нордгаузен, ни Лешенколь не печатали работы в «Трудах». А.М. Карамышев

---

³⁴⁵ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. 1. С. 988, Т. 2. С. 124.

³⁴⁶ В целом же молодые русские ученые демонстрировали готовность сближать прикладную и фундаментальную науку. Так, в отзыве профессора Эмануэля Экмана на стажировку студентов М. Афонина и А. Карамышева сообщалось, что «В моих семинарах по экономике они занимались усидчиво и лекции о применении минералов в хозяйственной области усвоили так хорошо, что самостоятельно написали новую работу». См.: *Чаплыгина, И. Г.* Указ. соч. С. 87; *Родный А. Н.* Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII – первой половине XIX века // *Социология науки и технологий.* 2016. Т. 7. №. 2. С. 17.

³⁴⁷ РГИА, ф. 91, оп. 1, Д. 391. Л. 21.

проявил **большой** интерес к работе ВЭО и сфокусировался на проблемах сельского хозяйства и домостроительства.

Следует также подчеркнуть, что в предыдущих работах, в которых состав ВЭО рассматривался с социологической точки зрения, стратификация проводилась на основании формальной принадлежности к определенному сословию и/или положения в Табели о рангах. Между тем, как было показано выше на примере коллегий, выделение определенных профессиональных групп может быть весьма продуктивным для изучения социальной природы Общества.

В частности, подобный подход целесообразно применить по отношению к тем группам сотрудников общественной организации, которые на повседневной основе участвовали в применении и производстве научного знания – служащие Академии, врачи и т.д., (т.н. интеллектуалы) и не относившихся при этом к группе генералитета или «просвещенного дворянства». Количественный анализ свидетельствует, что доля «интеллектуалов» составляла 19,6 % от общего числа российских подданных в ВЭО – то есть она была сопоставима с долей «просвещенного дворянства» средних чинов – 22,7 % (см. Табл. 2). Участие в работе Общества позволяло им добиться самореализации и установить полезные знакомства, делая еще более востребованными их компетенции в различных сферах научного знания. Действительно, поскольку у большинства из них не было возможности и желания реализовывать на практике сельскохозяйственные опыты, они их вкладом стало проведение опытов и публикация собственных наработок в сфере физики и химии, подготовка описанию новых орудий, механизмов или полезных растений³⁴⁸. Сближению Академии наук и ВЭО способствовало также участие последней в организации экспедиций 1768–1774 г., благодаря чему в феврале 1770 г., четыре члена сотрудника АН (профессора

---

³⁴⁸ *Пекен*. Способ, как сельским обывателям пользоваться себя в воспе // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 2, Ч. II. СПб: При Императорской Академии Наук, 1766. 22.

Леман И.Г. Мнение о лесах // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 3, Ч. III. СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1766 С. 117–146. *Модель И.Г.* Мнение и примечания о винокурении // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 3, Ч. III. СПб: При морском шляхетном кадетском корпусе, 1766. С. 242-293; *Лаксман Э., Модель И.Г.* О размножении российского червеца // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 15, Ч. XV. СПб: При морском шляхетном кадетском корпусе 1770. С. 80-87.

П.С. Паллас, И.Г. Гмелин и адъютанты А.И. Гильденштетт и И.И. Лепехин) были зачислены в его состав³⁴⁹.

Существенно меньшей оставалась представленность других страт российского социума, таких как служащие 9–14 рангов (4 человека), духовенство (2 человека), полностью отсутствовали купцы и крестьяне. Причины этого могли быть чрезвычайно разнообразны, начиная от невозможности узнать о существовании ВЭО, до незаинтересованности в участии в непривычных социальных практиках.

В качестве третьего фактора, в котором проявилась специфика российской культуры инноваций, мы рассмотрим проблему выстраивания руководством ВЭО коммуникации с жителями провинций. «Шотландская» система, по лекалам которой создавалось ВЭО, предполагала определенное распределение функций, иерархию в которой собрание общества и его активное ядро, проживающее в Санкт-Петербурге выступало бы в качестве коммуникативного центра. Сочлены в провинции, состоявшие в переписке с этим центром, проводя и описывая результаты своих опытов, должны были снабжать его информацией, которая оценивалась, классифицировалась, после чего могла быть опубликована уже в качестве верифицированного знания.

Руководствуясь подобным пониманием механизма взаимоотношений центра и провинции, руководство Общества уже в первой части «Трудов» поместило 65 экономических вопросов, отвечая на которые респонденты могли самостоятельно создавать хозяйственные описания любых территориальных единиц, которые включали информацию о состоянии сельского хозяйства, наличии полезных ресурсов, промыслах и обычаях местного населения.

---

³⁴⁹ О комплементарных отношениях, установившихся у Академии с ВЭО в этот период свидетельствуют обнаруженные Н.К. Каратаевым бумаги вице-канцлера А.М. Голицына, содержащие переписку в 1771 г. с издателями французской Энциклопедии с просьбой к Академии подготовить серию статей о хозяйстве России. Конференция определила поручить вопрос о сельском хозяйстве Обществу. Также членам ВЭО были поручены следующие темы: Теплому написать раздел о коммерции, Волкову – о мануфактурах и фабриках, Вяземскому – о финансах. *Каратаев Н. К. Указ. соч. С. 251.*

На практике выполнение этих планов оказалось сопряжено с существенными трудностями. Как показали ближайшие годы, Обществу не удалось создать корреспондентскую сеть, которая бы охватывала большую часть даже староосвоенных и близких к столичному региону территорий – до 1775 г. в «Трудах» были опубликованы 17 ответов на экономические вопросы по разным территориальным единицам (Ингерманландия, Каширский уезд (дважды), Рязанский и Залесский уезды Переяславской провинции, Оренбургская провинция, отдельных провинций Слободской губернии (и конкретизированы для Изюмской, Ахтырской, Острогжской и Сумской провинций), Галицкая и Калужская провинция, Владимирский уезд, «места около реки Свири и Южной части Олонца», Эзельская провинция, Вологодский уезд)³⁵⁰.

Аналогичные трудности возникли и с привлечением сочленов из провинции. О внимании, которое уделялось этой стороне активности ассоциации свидетельствует тот факт, что статус провинциала старались специально подчеркивать при публикации списков вновь вступивших. До 1770 г. в качестве таковых было отмечено 8 человек, из которых 4 относились к категории генералитета и занимали высокие посты в системе местного управления³⁵¹.

Сомнения в эффективности выбранной модели организации коммуникации центра и провинции проявились достаточно быстро. Один из наиболее творчески активных «провинциалов» П.И. Рычков уже в 1766 г. направил бывшему редактору «Ежемесячных сочинений» Г.Ф. Миллеру свои

---

³⁵⁰ Оглавление материй в XXXVI частях Трудов Вольного экономического общества // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. Т. 36. Ч. VI., СПб., 1785. Без пагинации.

³⁵¹ Я.Е. Сиверс из новгородской губернии, А.В. Олешев из вологодской губернии, Энгельгардт из Лифляндии, И.А. Рейнсдорф и П.И. Рычков из Оренбургской губернии, А.И. Бриль из Иркутска. Не были отмечены в списках, но об их проживании в провинции упоминалось в присланных ими текстах и в объявлениях Общества о выдаче им наград Федот Удолов (локация не указана) и Андрей Болотов из Тулы. В немецких публикациях «Трудов» также упоминается как житель провинции барон фон Залце из Ливонии, однако он, по видимому, не принимал участия в публикационной активности ВЭО.

рассуждения о территориальном аспекте бытования «экономических собраний». По его мнению, «Весьма полезно, когда б и во всех губерниях экономические собрания учредить разсудили. В здешней (оренбургской) я в состоянии лучших людей к тому привести, ежели мне оное рекомендовано будет, а паче, когда я буду в Оренбурге. Надобно токмо рассмотрение иметь в сочинениях их человеку искусному, ибо многие хорошо мыслят, но не все так пишут»³⁵².

Предлагая расширить систему экономических обществ, Рычков определяет и главную проблему уже реализуемого проекта: нехватку авторов, готовых представить на суд публики свои работы – примечательно, что сам Рычков несколькими годами ранее, получив критический отзыв о своих «Рассуждениях о коммерции» от М.В. Ломоносова, признавался в том, что не был готов к публичной критике. Видимо, согласно его мысли, в рамках небольшой локальной ассоциации проблемы излишней публичности стояли бы не так остро, а местные жители более охотно принимали бы участие в ее работе, чем пытались бы встроиться в ряды столичной организации.

Для того чтобы компенсировать недостаток общественной инициативы руководство ВЭО и его высокопоставленные сочлены систематически прибегали к задействованию своих административных возможностей. Так, из шестнадцати описаний территориальных единиц, пять, посвященные Слободской губернии были получены в результате усилий А.А Вяземского, поручившего подготовку требуемых материалов местным прокурорам. Примечательно, что их сочинения были опубликованы анонимно. Данный казус свидетельствует о готовности руководства и сановных членов Общества в определенной мере отходить от принципов добровольного производства и публичного обсуждения знаний для достижения необходимых им результатов.

Накопившиеся противоречия между задекларированными в Уставе принципами и высокими ожиданиями руководства организации и действительной ситуацией стали предметом внутренних дискуссий уже в

---

³⁵² Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Тип. Императорской академии наук, 1867. Т. 2. № 1. С. 103.

1769 г. Поводом для этого стал низкий уровень посещаемости очных еженедельных заседаний (вызванный постоянной занятостью высокопоставленных членов), который и вовсе был расценен В.Г. Орловым как признак возможного упадка и «разрушения» ВЭО³⁵³.

Непосредственным результатом этой рефлексии стало обновление уставных документов, в которых теперь были отражены реально сложившиеся функциональное и иерархическое разделение состава Общества на активное ядро и прочих сочленов.

К первоначальным четырем главам Устава 1765 г. были добавлены еще пять, которые содержали новые положения или уточняли ранее принятые нормы. Особое внимание следует уделить 5 главе, посвященной регламенту проведения собраний. Первая мера касалась введения очередности посещения собраний: «при выборе новаго Президента назначиваются в том же собрании и Члены, имеющие в наступающую треть присутствовать по их очереди». Введение позиции «членов очередных» (а их назначалось 6 человек), таким образом, было направлено на то, чтобы на каждом собрании был кворум – 6 человек (включая президента и секретарей), без которого не могло быть принято ни одно решение³⁵⁴.

Вторым значимым нововведением стало учреждение Комитета, также назначаемого после избрания президента: «из числа представленных отходящим Президентом осьми Кандидатов, четыре Члена в особливой комитет для точнейшаго при окончании трети рассмотрения и удостоивания к печати поступивших сочинений»³⁵⁵.

Имена членов комитетских и членов очередных публиковались в начале нового выпуска «Трудов», что делало внутреннюю жизнь Общества более открытой. При этом, как показывает анализ опубликованных в «Трудах»

---

³⁵³ *Leckey C. Op. cited. P. 107.*

³⁵⁴ Устав Вольнаго Экономическаго Общества с пополнениями к прежнему, утвержденный общим согласием Членов Февраля 24 дня, 1770 года // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, СПб: При морском шляхетном кадетском корпусе. 1771. Т. 17, Ч. XVII. С. 204–205.

³⁵⁵ Там же. С. 206.

списков, в последующие годы его состав был в высокой степени эклектичным, практически полностью сменяясь каждую треть года. Наиболее часто в нем фигурировали представители группы академических интеллектуалов: Лаксман, Лепехин и Эклебен. Обращает на себя внимание и тот факт, что периодически в его работе участвовали и представители группы генералитета (в частности, А.П. Мельгунов, П.Н. Трубецкой), хотя чаще всего они занимали данную должность одну треть и более к ней не возвращались.

Изменения коснулись и положений «старых» глав Устава. Наиболее значимым для анализа процесса адаптации модели экономического общества к российским реалиям стала отмена жестких требований к сочленам. Ранее утвержденная норма о том, «чтоб каждый Член подал по всякую треть года по крайней мере одну... пиэсу» была отброшена, равно как и угроза исключения за данное нарушение. Вместо этого акцентировался добровольный характер членства: «Все Члены обязаны сами собою и совокупными силами способствовать успехам сего Общества и народной пользе; и хотя каждому оставляется на волю отличить усердие свое, каким сам пожелает, полезным делом», после чего следовал список наиболее значимых практик, который повторял положения предыдущей редакции³⁵⁶.

Наконец, было введено положение о награждениях авторов наилучших «пиес» (которые отбирали члены Комитета) специальными золотыми или серебряными медалями. В иронической манере особо подчеркивалась мотивационная составляющая этой меры: «Для поощрения *действительно трудящихся* (курсив мой – К.П.) Членов определяется... не делая различия между собственным сочинением, хорошим опытом, экстрактом или переводом, но смотря единственно на пользу и важность материи». Главным критерием оценки была провозглашена практическая польза. При этом потенциальные сочинители предостерегались от «спекуляций» в своих письменных работах³⁵⁷.

---

³⁵⁶ Там же. С. 201.

³⁵⁷ Там же. С. 209.

Более четко акцентировалась репрезентативная функция президента. Данный пост теперь разрешалось занимать более одной трети, что теоретически позволяло высокопоставленному патрону разделить славу Общества, пользующегося вниманием и покровительством самой императрицы, и последовательно задавать направление его деятельности. Однако в этот период эта возможность оставалась не востребованной – президенты продолжали меняться каждую треть, не желая связывать свое имя с его работой в долгосрочной перспективе.

Существенно большее внимание было уделено социализирующей функции Общества. Так, прямо прописывалась требование поддерживать добрый порядок на собраниях: «Признавая в прочем согласие найкрепчайшей подпорою всякаго общества, обещаюся и сего Економическаго Общества Члены наблюдать между собой всякою благопристойностию, и удаляться от всего, что нарушить может доброе согласие»³⁵⁸. Прописывалась процедура обсуждения анонимных текстов, присылаемых в рамках организуемых ВЭО конкурсов: «хотя никому из слушающих Членов по окончании чтения и невозбранно предложить свои примечания и сумнительства; однако должно сие делать с надлежащею благопристойностию, не оскорбляя чести неизвестнаго сочинителя»³⁵⁹. В этом отношении эволюция ВЭО шла в русле, как справедливо указал К. Леки, заданном указами Петра I (например, президентам коллегий о днях заседаний³⁶⁰), видевшем в научной деятельности существенный «социализирующий» потенциал. Отметим, что схожие по тону замечания о соблюдении этики при обсуждении присылаемых для публикации текстов, были напечатаны и в «Предуведомлении» миллеровских «Ежемесячных сочинений».

---

³⁵⁸ Там же. С. 201, 207.

³⁵⁹ См.: *Коллманн Н. Ш.* Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. С. 375.

³⁶⁰ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 226; *Leskey C.* Op. cited. P. 19.

Отдельно описывались механизмы взаимодействия центра и провинции. В первую очередь были зафиксированы инструменты распространения печатных изданий. Не полагаясь на свободную продажу и информирование потенциальной аудитории о работе ВЭО и его периодического журнала посредством личных контактов сочленов и каналов публичной сферы (например, книжной торговли), руководство формализовало административные методы решения этой задачи. В Устав было внесено положение об обязательной отправке каждому губернатору 6 экземпляров «Трудов» либо других вновь вышедших публикаций с просьбами о помощи в дальнейшей рассылке: «... сверх того посылать к Губернаторам по шести экземпляров для раздачи в их губерниях домостроителям»³⁶¹.

Как следует из материалов переписки Общества с губернаторами, это требование не всегда выполнялось в полной мере, перечень губернаторов, которым фактически направляли работы периодически изменялся, в том числе и в соответствии с актуальными целями и задачами организации. Так, в 1771 г. в новороссийскую, архангелогородскую и смоленскую, губернии были отправлены 12 книжек с перечислением способов борьбы с падежом скота³⁶². В том же году иркутский губернатор А.И. Бриль отчитался о получении экземпляров «Трудов», предназначенных для последующего распространения в присутственные места, через сенатского курьера³⁶³.

На губернаторов также возлагались надежды на помощь в привлечении новых провинциальных сочленов и авторов, преимущественно из местных дворянских корпораций³⁶⁴. В новую редакцию Устава была помещена соответствующая декларация: «К поспешествованию полезных намерений сего Общества всемерно требуется, чтоб, по обширности здешней империи,

---

³⁶¹ Устав... С. 210.

³⁶² РГИА, ф. 91, оп. 1. Д. 399. Л. 8, 13, 14.

³⁶³ РГИА, ф. 91, оп. 1. Д. 399. Л. 10.

³⁶⁴ О формировании новой усадебной культуры, взаимодействии пребывающих в поместьях дворян с региональными центрами власти см.: *Глаголева О.* Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII — первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 82-83.

иметь сочленами довольное число из живущих по разным губерниям и провинциям рачительных к сельской економии дворян»³⁶⁵. О большом значении, которое придавалось такому сотрудничеству указывает и тот факт, что если в случае приема сочлена по обычной процедуре требовалось согласие трех поручителей, то в случае если нового члена представлял лично губернатор, то это считалось достаточным для одобрения его кандидатуры.

Однако усилия в этом направлении принесли достаточно скромные результаты, что указывало на объективные сложности, связанные с узостью социальной базы и трудностями информирования провинциального общества. Так, письма с приглашениями были направлены в адрес губернаторов уже в 1771 г., однако процесс поиска новых сотрудников шел достаточно медленно, о чем Общество не преминуло напоминать своим визави: «еще никто из губернаторов не представил ни одного... дворянина». 17 сентября 1771 г. поступило письмо от управлявшего Слободской Украиной Е.А. Щербинина. Он сообщил, что не получил отправленные материалы, а также сетовал, что и приобрести издания ВЭО не представляется возможным: «здешней губернии в получении ни отнаго не находится, почему избрать мне в своей губернии упоминанемаго в сообщении... дворянина было непочему; желал бы я хотя для одного свое в том любопытства купить оной Экономический устав, но в здешнем месте в продаже их не было»³⁶⁶.

В письме от 18 июня 1771 г. архангелогородский губернатор уведомлял Общество о присылке ему 6 экземпляров всех изданных к тому моменту 14 выпусков «Трудов», которые он разделил между вологодской и галицкой провинциями, а часть направил местным предводителям дворянства – Олешеву и князю Видбальдскому соответственно³⁶⁷. Сходные сообщения о получении «Трудов» прислали также оренбургский, астраханский, казанский, воронежский,

---

³⁶⁵ Устав Вольнаго Экономическаго Общества с пополнениями к прежнему, утвержденный общим согласием Членов Февраля 24 дня, 1770 года // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, СПб: При морском шляхетном кадетском корпусе, 1771. Т. 17, Ч. 17. С. 191.

³⁶⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 399, Л. 11.

³⁶⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 399, Л. 15.

смоленский, новгородский, губернаторы³⁶⁸. Казанский губернатор фон Брандт изъявил желание стать членом Общества и в тоже время посетовал, что не может представить каких-либо кандидатур так как «по новости... необъехав еще вверенной мне губернии и неизследовав собственно собою всех обитаемых в одной дворян ныне приступить еще не могу»³⁶⁹.

Сохранилось и ответное письмо архангелогородского губернатора Сиверса: «Вольное Экономическое Общество требует избрать рачительнаго к домостроительству дворянина, который бы и сам имел желание быть сочленом вольному обществу... доношу что я некоторым дворянам живущим в разных провинциях... писал, но ответу еще не получил»³⁷⁰. Похожее по духу сообщение направил и смоленский губернатор, сообщивший, что представил просьбу Общества в собрании смоленского уездного дворянства при выборе ими своего нового предводителя. В итоге новым сотрудником ВЭО стал «рачительный и пред другими отличившейся особливими успехами как в земледельстве, так и в домостроительстве» смоленский помещик и отставной поручик Ф.Б. Пасек³⁷¹, который благодаря рекомендации губернатора был принят по упрощенной процедуре. Для приема поручика Алексея Засецкого, автора «экономических ответов» по Вологодскому уезду также было достаточно рекомендации архангелогородского губернатора³⁷².

При этом ВЭО последовательно отвергало инициативные попытки сограждан, в том числе и из провинции, использовать его в качестве инструмента прямого заработка или лоббизма, усматривая в этом покушение на свои основополагающие принципы свободного участия и патриотизма, а также попытки втянуть организацию в обсуждение политических проблем. Так, некоторые корреспонденты в духе ранних предпринимателей, описанных В. Зомбартом, предлагали выкупить у них хозяйственные секреты, а в

---

³⁶⁸ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 399, Л. 16–21.

³⁶⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 399, Л. 12.

³⁷⁰ РГИА, Ф. 91, оп. 1, Д. 399, Л. 3.

³⁷¹ РГИА, Ф. 91, оп. 1, Д. 399, Л. 7.

³⁷² РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 391, Л. 13.

сочинении некоего Гернграсса содержалось предложение «дать вольным финским крестьянам курить вино по прежнему как до 1769 года», за что, как полагал автор, финские крестьяне платили бы на содержание Общества три тысячи рублей в год³⁷³.

Таким образом в первый период работы ВЭО проявились основные коллизии, обусловленные спецификой адаптации к российской социокультурной среде новой формы общественной жизни. Первоначальные параметры работы Общества были заданы верховной властью, обеспечившей ему патронаж. При этом структура и избранные учредителями инструменты взаимодействия с социумом отражали их идеализированные представления о том, каким образом можно поддержать и направить энтузиазм подданных императрицы для решения насущных проблем экономии. В первую очередь к ним относились принципы самоуправления и меритократии, акцент на открытости процесса производства и обсуждения знаний. При этом изначально декларировалась, что всякий сотрудник организации, независимо от своего статуса, обязан был уделять время полезным изысканиям. Результаты первых лет работы ВЭО показали необходимость корректировки некоторых из этих основополагающих принципов. Факторами, повлиявшими на последовавшие решения, стали процесс размежевания активного ядра общества и прочих сочленов, а также сложности с выстраиванием коммуникации с провинцией.

Анализ событий первого десятилетия существования ВЭО, эволюции его уставных документов, позволяет выявить определенные черты российской культуры инноваций в той мере, в которой она соприкасалась с рассмотренными в этом параграфе аспектами его деятельности.

Формат общественной организации создавал удобные возможности (и даже навязывал их, как следует из чрезмерно жестких положений первоначального устава) для самореализации представителей дворянства – как титулованного, так и средней руки, в относительно новой для них сфере

---

³⁷³ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 76.

научного творчества. Другим следствием этого процесса стал очередной этап сближения дворянской/придворной и академических сред, что являлось давней целью Академии наук. При этом данные процессы протекали, хотя и с учетом традиционной иерархии, в принципиально новом социокультурном пространстве, подчеркивающим идею равенства и вежливого общения, что акцентировало идеологическую преемственность данного института петровской традиции, согласно которой наука считалась значимым механизмом позитивной трансформации российского социума.

Вместе с тем обозначились и существенные ограничения проекта ВЭО. В первую очередь, они были связаны с тонкостью социальной базы как в столице, так и в провинции, которые лишь до некоторой степени могли быть компенсированы административными усилиями сочленов. Во-вторых, исключительное фокусирование Общества на двух взаимосвязанных направлениях: социализирующем и исследовательском, привело к ослаблению его институциональных устоев. Об этом свидетельствует явное пренебрежение финансовой стороной деятельности организации и, как следствие, ее способностью проводить более последовательную самостоятельную научную программу, как это делалось некоторыми рассмотренными выше немецкими и британскими обществами, располагавшими собственными экспериментальными площадками и опытными хозяйствами³⁷⁴. Таким образом, в этом отношении оно оставалось в большей степени клубом или сетевой организацией, чем системно работающим учреждением, проекты создания которых рассматривались в конце 1750- начале 1760-х гг.

---

³⁷⁴ *Веселова А.* Вопросы «земледелия и домостроительства» в деятельности Императорского Вольного экономического общества. Отечественные записки №1 (16), 2004. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/1/voprosy-zemledeliya-i-domostroitelstva-v-deyatelnosti-imperatorskogo-volnogo-ekonomicheskogo-obshchestva> (дата обращения: 1.06.2017). В этой связи можно отметить, что А.Т. Болотов впервые лично посетил ВЭО в 1803 г. *Kaplan V.* *Historians and Historical Societies...* P. 40.

Год	Вновь вступившие члены	Российские подданные	Иностранные подданные
1765	20	20	0
1766	10	10	0
1767	2	2	0
1768	6	3	3
1769	8	8	0
1770	23	23	0
1771	13	11	2
1772	9	9	0
1773	0	0	0
1774	11	10	1
1775	2	1	1
Всего	104	97 (93,3 %)	7 (6,7 %)

Таблица 1. Подданство вновь вступивших членов ВЭО в 1765–1775 гг.

Год	Дворяне	Купечество	Духовенство	Служащие Академии, интеллектуалы, технические специалисты ³⁷⁵	Другие/нет данных
1765	14	0	0	6	0
1766	6	0	0	4	0

³⁷⁵ К данной категории мы отнесли академических ученых, а также технических специалистов и представителей интеллектуальных профессий, таких как аптекари, медики, садовники с чинами ниже высшей группы генералитета (1-4 классы Табели о рангах). При этом мы не включали в эту группу служащих Берг-Коллегии.

1767	2	0	0	0	0
1768	3	0	0	0	0
1769	7	0	0	1 ³⁷⁶	0
1770	17	0	1	5 ³⁷⁷	0
1771	9	0	0	1	1 ³⁷⁸
1772	7	0	1	1	0
1773	0	0	0	0	0
1774	9	0	0	1	0
1775	1	0	0	0	0
Всего	75 (77,3 %)	0 (0 %)	2 (2,1 %)	19 (19,6 %)	1 (1 %)

Таблица 2. Социальный статус вновь вступивших членов ВЭО, 1765–1775 гг. (от числа российских подданных)

Год	1–5 классы	6–8 классы	9–14 классы	Неизвестно/ Не состоял на службе
1765	12	2	0	0
1766	4	2	0	0
1767	1	1	0	0
1768	1	2	0	0
1769	5	1	0	1 ³⁷⁹
1770	6	8	1	2 ³⁸⁰
1771	7	1	1	0

³⁷⁶ Мы отнесли пастора Э. Лаксмана к этой категории.

³⁷⁷ Так же в эту категории мы отнесли лейб-медика Карла Крузе и П.С. Палласа, хотя ему был присвоен чин коллежского советника. Мы исходили из того, что в «Трудах» он указан только как «Академии Профессор».

³⁷⁸ Магистр Регенсбургер.

³⁷⁹ Антон Иоганн (Антон Владимирович) фон Энгельгардт, «генерал-директор Лифляндского и Эстляндского Экономического Совета».

³⁸⁰ А.Г. и П.Г. Демидовы были записаны в общество как «Дворяне» без указания чинов.

1772	5	1	0	1 ³⁸¹
1773	0	0	0	0
1774	4	4	1	0
1775	0	0	1	0
Всего	45 (46,4 %)	22 (22,7 %)	4 (4,1 %)	4 (4,1 %)

Таблица 3. Распределение вновь вступивших представителей дворянства по классам Табели о рангах, 1765–1775 гг. (% от числа российских подданных)

2.1.2. ВЭО в 1776–1796 гг. Устав о корреспондентах 1790 г.

В 1775 г. вследствие внутриведомственного кризиса и продолжающейся войны с Турцией ВЭО переживало период упадка. Публикаторская активность стала нерегулярной (если ранее «Труды» выходили каждую треть, то их «Продолжение», первый выпуск которого был обнародован после 4-х летнего перерыва в 1779 г. в среднем выходил раз в год), сократилось количество организуемых конкурсов (так, с 1774 по 1777 г. была предложена только одна задача³⁸²). Вместе с тем достигнутый в первое десятилетие его работы баланс между различными форматами участия в деятельности организации в зависимости от социального статуса и личных стратегий, продолжающееся покровительство со стороны монарха, обеспечивали ему устойчивое будущее.

Заметными тенденциями данного периода стали, с одной стороны, дальнейшее укрепление функционального разделения в Обществе, а с другой – появление во главе организации сановников, стремившихся посредством ВЭО реализовать собственные проекты «экономического просвещения».

О развитии первой тенденции свидетельствуют следующие факты. Во-первых, из 17 конкурсных задач, объявленных в период 1777–1788 гг., то есть до перехода управления ассоциацией к президенту Ф.А. Ангальту, который будет удерживать эту должность вплоть до 1794 г. – 11 были

³⁸¹ Павел Григорьевич Демидов также был занесен в списки членов ВЭО как «дворянин» без указания чина.

³⁸² Ее инициатором выступила сама Екатерина, а предмет был весьма нетипичным и касался вопроса о «насыпании в фуры и высыпании из них соли елтонской на весы без прикосновения орудий и рук»

профинансированы представителями группы генералитета, в особенности отметились фаворит императрицы С.Г. Зорич, братья Чернышевы, Г.Г. Орлов, а также А.Б. Куракин.

При этом произошла трансформация интересующей сановников проблематики – на смену характерной для 1760-х гг. темы повышения эффективности управления поместьями, приходят исследовательские и прикладные проекты, направленные на решение какой-либо конкретной хозяйственной проблемы. Так, в их числе были задачи о солении мокрого сена, борьбе с земляными червями, распространении полезных растений в Астраханской губернии, на севере России и Сибири, поиске полезных североамериканских растений для распространения в российских регионах, добыче угля а также скотоводстве. Исключением из этого перечня была профинансированная З.Г. Чернышевым задача о побочных крестьянских работах, ответом на которую стало обзорное обстоятельное исследование академика Георги³⁸³. В отличие от нее большая часть вышеуказанных тем осталась без внимания российской публики и зарубежных авторов.

Постепенно изменились и пропорции социального состава ВЭО. В 1776-87-е гг., ежегодный прирост оставался примерно на уровне первого десятилетия (см. Табл. 4, 5, 6). Из 106 российских подданных, 80 (75,4 %) составляли дворяне, но только 31 % из них относились к категории «генералитета» (против 46 % в первое десятилетие), что свидетельствует о снижении его популярности в высшем обществе, ставшем особо заметным ко второй половине 1780-х гг. Как указывали А.И. Ходнев, К. Леки и В.А. Петрова, эта негативная тенденция была связана с падением количества публикаций, низким интересом тогдашнего президента Остермана (1784–1787 гг.) к повседневной работе организации. К этому перечню следует также

---

³⁸³ *Георги И.* О побочных крестьянских работах // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 33., Ч. III., СПб: При морском Шляхетном Кадетском Корпусе, 1783. С. 100–171.

добавить крайне редкое объявление конкурсов: с 1777 г. до 1787 г. их было всего три и все они финансировались не самим Обществом, а его патронами³⁸⁴.

Соотношение других социальных групп также претерпело изменения. Так, дворяне 6-8 рангов составили 32 % (против 22,7 ранее), а «интеллектуалов» – незначительно снизилось до 16,6 % (19,6 ранее). Остальные группы оставались крайне слабо вовлечены – служащие 9-4 рангов (7,5 %)³⁸⁵, купечество и духовенство 2 и 3 % соответственно.

Состав организационного и авторского ядра в количественном и в качественном отношении оставался практически неизменным и включал в себя прежде всего представителей «просвещенного дворянства» 6–8 рангов и «интеллектуалов», несмотря на продолжающуюся быструю смену кадров в Комитете. Так, наиболее продуктивным автором этого времени был военный врач Г. Ореус³⁸⁶. Свои публикации предоставляли и помещики, такие как А.Т. Болотов, Д. Потемкин, а также писатель И. Комов³⁸⁷.

При этом, однако, начали проявляться новые тенденции, связанные с расширением заинтересованности в работе Общества некоторых представителей купечества. В конце 1770-х гг. курский купец М. С. Голиков, родственник знаменитого винного откупщика и одного из организаторов «Российско-американской компании» И.И. Голикова, последовательно выступал донором Общества. В частности, он обещал награду в 50 рублей на

---

³⁸⁴ К их числу относятся конкурсы З.Г. Чернышевым о побочных работах и о лучшем корме для коров, а также князя А.Б. Куракина и о заведении хозяйства.

³⁸⁵ Вместе с тем титулярный советник А.Ф. Турчанинов в конце 1770-х гг. был одним из значимых доноров Общества, внося до 200 рублей в год на деятельность организации и по 20 р. – на переводы литературы по горному делу. См.: *Ходнев А.И. Указ. соч. С. 481, 585.*

³⁸⁶ См. напр. *Ореус Г.* Примечания о особливом роде скотской болезни в Белой России; Опыты и примечания о падеже рогатого скота // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 35, Ч. V, СПб: В типографии у Шнора, 1784. С. 121-125.

³⁸⁷ *Болотов А.Т.* О разных родах удобрения земель // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 31, Ч. I, СПб: при морском Шляхетном Кадетском Корпусе, 1779. С. 38-62; *Он же.* О легком способе делать дороги навсегда приметными // Там же. С. 63-81. *Потемкин Д.* О употреблении дубоваго леса // Там же. С. 137-152; *Комов И.* Об отделении костеря от пшеницы и ржи семенной, и о предохранении пшеницы от головни // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 37, Ч. VII, СПб: В Типографии Горнаго Училища, 1787. С. 39-47.

золотую медаль за решение любой задачи по горному делу и декларировал намерение вносить до 300 рублей на работу самого ВЭО³⁸⁸.

Наконец, были предприняты новые попытки организовать устойчивые связи с провинцией и обеспечить распространение «Трудов». В 1776 г. руководство ассоциации обратилось к императрице с просьбой помочь наладить их сбыт. В качестве причины указывалась невозможность получения помещиками подготавливаемых ВЭО изданий³⁸⁹. В 1777 г. при президентстве Зорича была направлена очередная рассылка губернаторам, что, как и в 1770 г. имело определенные результаты: ряд из них выразили желание лично вступить в его ряды, однако изменить ситуацию с распространением журнала это не смогло³⁹⁰. В этом же году Общество обращается с предложением о сотрудничестве к издателю Н.И. Новикову на которое тот ответил отказом³⁹¹. Не сумев обеспечить устойчивый сбыт печатной продукции (на 1778 г. нераспроданными числились 26 937 из 72 тыс. напечатанных экземпляров³⁹²), Общество сократило тиражи «Трудов» с 2400 до 1200 штук.

О сложностях налаживания коммуникации с провинцией свидетельствует уникальный документ – материалы переписки Общества с директором экономии Слободской губернии Норовым в 1779 г. В частности, ВЭО признавало, что спустя 14 лет его работы информированность образованной части населения о самом существовании ассоциации, равно как и о публикуемых ей изданиях, оставалось на низком уровне: «как по отдаленности слободской губернии от санктпетербурга может быть многим о

---

³⁸⁸ *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 481, 585. 50 рублей из этой суммы планировалось выделять для «выписывания иностранных семян. См. Там же. С. 151.

³⁸⁹ *Leskey C.* Op. cited. 178

³⁹⁰ Ф. Н. Кличка, фактический правитель Новгородской губернии, губернатор Азовской губернии генерал-поручик В.А. Чертков, М.Н. Кречетников, генерал-губернатор рязанского наместничества, Головцын Е.А., архангелогородский губернатор, нижегородский губернатор А.А. Ступишин, воронежский губернатор И.А. Потапов, смоленский наместник М.В. Дмитриев-Мамонов и сменивший его на этой должности С.И. Колюбакин, Т.И. Тутольмин, а также двое директоров Экономии: Герман Гинцель и Алексей Старков. См. Приложение 1.

³⁹¹ *Leskey C.* Op. cited. P. 181.

³⁹² *Ibid.* P. 179.

том еще неизвестно, то оное общество за нужное сочло для доставления сведения об оных полезных книгах находящимся в здешней губернии дворянам и другова звания людям переслать к нему господину генерал майору и кавалеру реестр материям содержащимся в напечатанных частях общества со изъяснениями что каждый экземпляр продается по тридцати копеек»³⁹³.

Большая часть ответных запросов пришла из 4 провинций – Острогожской (210), Изюмской (16), Сумской (20) и Харьковской (88)³⁹⁴. О своем интересе к материалам «Трудов» объявили дворяне, представители казачества и разночинцы. Наибольшей популярностью пользовалась первая часть «Трудов» и отдельные материалы, посвященные животноводству и выращиванию злаков (что соотносилось с хозяйственной специализацией региона) и винокурению³⁹⁵.

Новая попытка выстроить систематические связи с провинцией была предпринята в 1786 г. президентом И.А. Остерманом³⁹⁶. В этот раз в качестве корреспондентов были выбраны не губернаторы, а директора экономии³⁹⁷. В отправленных от имени Общества письмах подчеркивалась схожесть интересов данной категории чиновничества и ВЭО: «Такое сходство в упражнении Директоров домоводства и Вольного Экономического Общества возбудило в сем обществе желание установить теснейшую связь с ними посредством переписки, могущей стать деятельным средством распространения в Российском Государстве многих экономических

---

³⁹³ РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 399, л. 22.

³⁹⁴ О постепенном развитии интеллектуального сообщества на Слободской Украине см. *Посохова Л.Ю.* «Сад украинских наук» и его создатели: опыт реконструкции интеллектуальных сетей второй половины XVIII – начала XIX века // Век Просвещения. Вып. 6 : Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. 2018. С. 206.

³⁹⁵ РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 399, л. 22-33.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ В списке для рассылки отмечены Московская, Санкт-Петербургская, Новгородская, Тверская, Псковская, Калужская, Ярославская, Тульская губернии, Костромская, Рязанская, Орловская, Могилевская, Полоцкая, Владимирская, Смоленская, Нижегородская, Воронежская, Тамбовская, Курская, Харьковская, Вологодская, Пензенская, Вятская, Симбирская, Саратовская, Пермская, Казанская, Киевская, Черниговская, Новгород-Северская, Уфимская, Тобольская, Иркутская, Колыванская, Екатеринославская, Лифляндская, Ревельская, Выборгская, Олонецкая, Архангельская, Кавказская, Таврическая. РГИА, Ф. 91., Оп. 1. Д. 399. 41–43 об.

сведений»³⁹⁸. Вместе с письмами был направлен перечень вопросов, в том числе о местных промыслах, а также об использовании гипса и извести (прежде всего в качестве удобрения).

Как и предыдущие инициативы, новая попытка не привела к прорыву в развитии коммуникации с региональными властями. Большинство директоров проигнорировало предложение о переписке. Немногочисленные откликнувшиеся как правило отказывали, ссылаясь на нехватку времени и решимости участвовать в деятельности столь прославленного общества. Развернутые ответные сочинения были получены только из Вологды, Пскова, Ярославля и Полоцка, но они не были опубликованы³⁹⁹. Следует отметить, что и в данном случае ВЭО удалось обнаружить готовых к продуктивному сотрудничеству индивидов. Так, директор экономии Петр Макаров из Симбирского наместничества решил воспользоваться удобным случаем и направил в адрес организации свою «пиэсу» о борьбе с конским падежом, подчеркнув при этом свою патриотическую мотивацию и указав, что поступает «согласно своей обязанности». Впоследствии эта работа была размещена в «Трудах»⁴⁰⁰.

А.И. Остерман также предпринял попытку расширить читательскую базу посредством выпуска (наряду с «Трудами») еженедельного издания. Выбор такого формата может указывать на знакомство просвещенного сановника с издательским опытом, опять-таки, британских экономических организаций – например, подобную форму опробовало Дублинское общество, предположив, что формат обстоятельных научных «Трудов» вызывает меньший интерес у сельской публики, чем небольшая по объему, но более часто выходящая газета с краткими статьями по практической проблематике⁴⁰¹. В перечне авторов, к которым А.И. Остерман планировал

---

³⁹⁸ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 399, Л. 33.

³⁹⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 399, Л. 41–66.

⁴⁰⁰ Макаров П. О конском падеже // Продолжение Трудов Вольнаго Экономического Общества. Т. 39., Ч. IX., СПб: Типография Горнаго Училища, 1789. С. 184–197.

⁴⁰¹ The Dublin Society Weekly Observations, vol 1. Dublin, 1739. P. 1.

обратиться, были указаны такие известные у читающей публики имена, как поэт В.Г. Рубан и И. Комов. Впрочем, в итоге издание, ответственным за выпуск которого был назначен А. Бакмейстер делалось силами самого Общества⁴⁰².

Изучение списков подписавшихся на «Еженедельные сочинения» (всего 169 подписок, из них 168 частные лица⁴⁰³, одна заявка была сделана Сухопутным шляхетским корпусом) впервые позволяет с определенной степенью достоверности охарактеризовать социальный портрет читателя работ Общества.

40 человек были отмечены как находящиеся в Санкт-Петербурге и 35 – в Москве. Помимо столиц подписчики планировали получать издание в Казани (16), Тобольске (16), Вятке (15), Уфе (15), Ярославле (12), Иркутске (11), Ялуторовске (6), Киеве, Костроме и Воронеже (по 1)⁴⁰⁴. 132 человека (78 %) принадлежали к дворянскому сословию⁴⁰⁵. Удельная доля генералитета была низкой и составляла 15 %, дворян 6–8 классов – 47 %, 9–14 классов – 11 %. В списках отмечены также две дворянки (в том числе Е.И. Олсуфьева (Молчанова), фрейлина императрицы и одна из лучших выпускниц Смольного института).

После дворян следовали купцы: на периодическое издание подписались 8 человек, в большинстве из провинциальных городов: 4 из Тобольска и 3 из Вятки. Примечательно, что все 5 представителей духовенства (включая епископа Венимамина) были из Тобольской епархии. Четыре подписчика из крестьян также были сибиряками: один планировал забрать издание в Тобольске, а трое других – в Иркутске. Представленность «интеллектуалов» оказалось существенно ниже, чем можно было бы ожидать, если сравнить списки подписчиков со статистикой членов ВЭО: таковых обнаружилось

---

⁴⁰² *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 123. В числе авторов данного издания называются сотрудники ВЭО Кельхен, Канкрин, Эли и Шретер.

⁴⁰³ Социальное происхождение 13 подписчиков установить не удалось.

⁴⁰⁴ Имяна подписавшихся особ на еженедельныя Экономическия известия // Еженедельныя Экономическия известия. СПб: Типография горного училища, 1789. С. V – XVII.

⁴⁰⁵ Положение в Табели о рангах шести подписчиков определить не удалось.

только 3 (два штаб-лекаря и аптекарь), что указывает на незаинтересованность этой группы в преимущественно сельскохозяйственной проблематике. Так же, среди подписчиков не было ни одного сотрудника Академии наук.

При этом «Еженедельные сочинения» не стали знаковым прорывом в публикационной активности Общества – хотя по количеству подписчиков они превзошли первый журнал А.Т. Болотова «Сельский житель», издававшийся в 1778-1779 гг. и имевший около 100 подписчиков, но серьезно уступили его же более позднему «Экономическому магазину» (1780–1789 гг.), число подписчиков которого, в том числе благодаря усилиям Н.И. Новикова достигло 1 тыс. человек⁴⁰⁶. Общий тираж «Еженедельных сочинений» составлял 2400 экземпляров. На 1790 г. в наличии оставалось 1709 единиц, т.е. нераспроданным оказалось более 70% тиража⁴⁰⁷.

Переход президентского места в 1788 г. к Ф.А. Ангалту заметно сказался на темпах работы организации. В отличие от других президентов-сановников, Ангалт был более глубоко погружен в проблематику научной культуры и глубоко разделял идеи о полезности изучения дворянскими детьми основ сельского домостроительства. На это указывают некоторые его решения в должности директора Шляхетского корпуса. Так, в известиях ВЭО за 1790 г. указывалось, что «Его Сиятельство Господин Президент Ангалт разсуждая о пользе происходящей от преподавания наставлений благородным Кадетам в земледелии, и о чинимых пред глазами их на самом деле опытах, в посевах ярового и озимаго хлеба, равномерно и в произращении огородных овощей, дабы они при прочих науках имели так же от самых младых лет понятие и сведение сельскаго домостроительств, восприял намерение назначенное в Кадетском саду для сего место разделить на квадраты, и начать чрез г. Кадетов такая работы»⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁶ Веселова А. Ю. Журналы А. Т Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин»: история издания // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. №. 5. С. 124–150.

⁴⁰⁷ В Магазейне Экон: Общества находятся книги... // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества, Ч. X, Т. 40. СПб: В Типографии Горнаго Училища, 1790. С. 306.

⁴⁰⁸ Разные Известия // Там же. С. 250.

С самого начала его президентства заметно активизировалась деятельность ВЭО по организации конкурсов, проводимых как от имени самой организации, так и от частных лиц. Из 139 задач, предложенных в период 1765–1801 г., 77 (55 %) приходятся на период его управления. Одновременно были существенно активизированы контакты с международными организациями.

Совокупность данных факторов привела, с одной стороны, к быстрому увеличению численности Общества, а с другой – к расширению представительства и изменению соотношения социальных групп в его составе.

Как свидетельствуют количественные данные (см. Табл. 5 и 6), дворянство (72,2 %) и группа генералитета (31,9 %) были наиболее представленными социальными группами, хотя для последних данное значение сократилось с практически половины до трети. Сановники по-прежнему фокусировались на исполнении функций репрезентации и патронажа (в основном финансового) – ожидаемой и комфортной для себя роли, исполняя которую они могли на деле подтверждать свою приверженность идее патриотизма и государственной пользы.

Активно в данный период проявляли себя представители губернаторского корпуса. Так, астраханский губернатор Н.А. Бекетов оплатил проведение конкурсных работ по востребованным в губернии темам: сохранение качества растительных масел (совместно с З.Г. Зоричем) и маринование рыбы. Кроме того, свои сочинения в «Трудах» размещали Санкт-петербургский губернатор П.П. Коновницын в рамках своих изысканий об экономической пользе *кырлыка* (гречихи татарской), на проведение которых он получил разрешение самой императрицы («испрашивая позволения о истребовании семян, от коих и здесь то растение вскоре могло бы быть разведено, и не малое жителям произвести пособие»⁴⁰⁹); московский

---

⁴⁰⁹ Коновницын П.П. О произрастании кырлыка // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 40, Ч. X. СПб: В Типографии Горного Училища, 1790. С. 40.

губернатор П.П. Долгоруков, занимавшийся вопросом о применении торфа⁴¹⁰. Вышедший в отставку Н.А. Бекетов вновь появляется на страницах «Трудов» как автор объявления, в котором он приглашал помещиков направить ему двух работников для обучения выращиванию горчицы⁴¹¹. Сановники также принимали активное участие в пополнении заложенной в 1791 г. минеральной коллекции ВЭО, например граф Мусин-Пушкин, генерал-поручик Волков, вице-адмирал Мордвинов, генерал-губернатор Коновницын⁴¹². При этом вслед за вновь вступающими в ряды Общества представителями генералитета (в частности и самим Ф.А. Ангальтом⁴¹³) их могли организованно следовать их непосредственные подчиненные, что подчеркивает значимость патрон-клиентских отношений при формировании состава организации.

Преемственность структуры социального состава сохранялась и применительно к дворянству 6-8 рангов (29,8 % от числа российских подданных) и «интеллектуалам» (16,1 %). При этом сохранялось «помещичье» направление публикаций в «Трудах» (наиболее заметные из которых по-прежнему предоставлял А.Т. Болотов), однако существенно большее внимание стало уделяться интересующим сотрудников Академии и другим близким к научной среде исследователям вопросам развития отдельных

---

⁴¹⁰ Как следует из публикаций в «Трудах», сделанных уже после того, как он оставил свой пост, Долгоруков приказал Московскому приказу Общественного призрения обжигать кирпичи с помощью торфа в печи, описанной А.А. Нартовым в XLVII части «Трудов», однако выяснил, что она плохо подходит для торфа и просил Общество придумать нечто новое. *Долгоруков П.П.* Письмо его Сиятельству Князя Петра Петровича Долгорукого о торфе и каменных углях им открытых. // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, СПб, 1798. Т. 52., Ч. III. С. 72. Отметим, что князь Долгоруков, еще в бытность правителем Калужского наместничества, организовывал поиски «шиферного угля», и продолжил делать это и в Москве. Торф под Москвой был найден иностранцем Эрлихом в 1794 г.

⁴¹¹ Хозяйственные известия 1794 года // Новое Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 51, Ч. II. СПб: Типография И.К. Шнора, С. 274.

⁴¹² *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 483.

⁴¹³ Например, в один год с вступлением Ф. А. Ангальта в должность Президента и в дальнейшем в течении его сроков в ВЭО приходит целая группа преподавателей и сотрудников Кадетского корпуса (Шторх, Гедике, К.П. фон Ридингер, Андреевский, Емс).

ремесел и промыслов, химической проблематике, а также изучения природы, ресурсов и оценки перспектив хозяйственного освоения южных губерний⁴¹⁴.

Продолжающийся интерес «интеллектуалов» к участию в работе Общества объясняется, во-первых, тем, что к 1790-м гг. стабилизировался персональный состав Комитета. Помимо Нартова и А. Эйлера, занявших позиции «непременных секретарей» российской и немецкой экспедиций соответственно, в нее практически на постоянное основе входили другие интеллектуалы, преимущественно связанные с Академией наук: Амбодик, Шредер, Севергин, Свистунов, Свенске, Тобиас Ловиц, Паллас, Крафт, Георги, Озерецковский, Карамышев, Кельхен и садовник императрицы Буш. Отметим, что происходит и неформальное расширение комитета: вместо 4 членов, как было установлено Уставом 1770 года, в Комитете теперь одновременно фактически могло находиться до 10 человек.

Небольшую, но весьма интересную с точки зрения социокультурного анализа группу «интеллектуалов» составляла аптекари – категория, зачастую выпадающая из поля зрения исследователей, фокусирующихся исключительно на академических ученых. Между тем, роль аптекарей в «химическом просвещении», их статус, как людей, которые сочетали в своей деятельности академическую образованность и прикладную работу, была весьма значимой, что подтверждается актуальными исследованиями, посвященными деятельности этой профессиональной группы в Германии⁴¹⁵. Из 6 подобных специалистов, ставших сотрудниками ВЭО в период 1789–

---

⁴¹⁴ К примеру, в письме от 23 июня 1793 г. находящийся в Сарепте П.-С. Паллас просил И.-А. Эйлера о содействии в приеме в ВЭО Дмитрия Агафи, занимавшего тогда пост директора нормальных училищ в Астрахани. В качестве обоснования Паллас указывал на знание Агафи многих восточных языков. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800)... С. 97.

⁴¹⁵ Klein U. Apothecary's shops, laboratories and chemical manufacture in eighteenth-century Germany // *History of Science and Scholarship in the Netherlands*. – 2007. – №. 9. P. 251. У. Кляйн отмечает, что среди 564 подписчиков немецкого периодического издания *Chemische Annalen* 260 (46%) были аптекарями, среди авторов – 40 %. В рамках немецкого просвещения, замечает автор, между университетскими учеными и работниками аптек не было существенной статусной, социальной дистанции. Во многом это было связано с тем, что материальная культура и практики фармацевтики во многом была единой с академической химией.

1801 гг. трое жили в столице, а трое в других городских центрах – Москве, Киеве и Красноярске. Их интерес к деятельности Общества хронологически совпал с увеличением числа сочинений, посвященных «бытовой химии», которые в основном публиковал профессор Академии Т. Ловиц.

Заметный вклад в это направление работы Общества внес московский аптекарь и профессор Московского университета И. И. Биндгейм, опубликовавший результаты своих опытов о пищевой ценности ряда продуктов, а также о свойствах и методах приготовления традиционных лекарственных средств (в частности, о бадяге) и «пиесу» о делании кирпичей. В своих работах он старался подчеркнуть свои обширные познания в современной ему (в основном немецкой) химической литературе. Также золотую медаль за решение задачи о методе маринования рыбы, который бы позволил расширить торговлю в этой отрасли и вывести ее на внешние рынки, получила жена петербургского аптекаря Цама, Мария Цам⁴¹⁶. Киевский аптекарь Бунге состоял с Обществом в продолжительной переписке, в том числе присылал свои изыскания о свойствах растений.

Существенно возрос по сравнению с предыдущим периодом уровень участия купечества, представители которого, в отличие от также нарастившего свое присутствие духовенства, стремились определять некоторые аспекты публичной и научной деятельности организации. Так, заметную роль в укреплении связей ВЭО с архангелогородским регионом сыграл купец А.И. Фомин, вступивший в переписку с Обществом по вопросу о методах обработки и хранения сельди и в частности возможности применения «голландского метода» ее соления, перспективного с коммерческой точки зрения.

---

⁴¹⁶ Объявление // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 50. Ч. I., СПб: Типография И.К. Шнора, 1795. С. 326. Сам аптекарь упоминается как посредник при передаче Обществу образцов спирта от своих коллег из Германии для решения задачи об исправлении вина. Отметим, что по итогам последнего конкурса награду в сорок рублей, разделили на две половины: немецкому визави Цама и бухгалтеру Медицинской коллегии П. Грачеву⁴¹⁶, что также свидетельствует об интересе имеющих отношение к аптекарскому делу энтузиастов к публикациям в «Трудах».

Анализ биографии Фомина, в частности, исполняемых им должностей – так, в 1759 г. он создал первое российское историческое общество (не получившее, впрочем поддержку местных властей) и возглавлял местные народные училища – позволяет предположить, что при вступлении в Общество им двигали не только соображения повышения эффективности важного для его региона промысла, но и искренний интерес к различным формам проявления общественной инициативы и продвижения новых знаний.

Об этом свидетельствует и то, что в 1766 г. Фомин организовал книжную торговлю в Архангельске в качестве ответа на инициативу президента Академии Наук А.Г. Орлова, который хотел, передавая научные издания в регионы для комиссионной продажи, сократить издержки на их хранение. Примечательно, что в числе продававшихся в лавке Фомина изданий были и десять экземпляров первых шести выпусков «Трудов»⁴¹⁷. Благодаря своему знакомству с академиком Озерецковским, он установил контакты с научным миром, прежде всего с Академией наук, для издания которой он подготовил ряд сочинений по экономии сельдяного промысла⁴¹⁸.

Работы Фомина были дополнены архангелогородским рыбопромышленником мещанином Звягиным, который подготовил и представил Обществу «Мнение о распространении сельдяного промысла» и «Описание разного чищения сельдей». Последний материал включал рисунки с подробными пошаговыми иллюстрациями «голландского», а также шведского и норвежского и поморского способов, которые автор противопоставлял первому по скорости обработки рыбы и по качеству получаемого продукта. Им были также присланы рисунки самоловных сетей и образцы *капшаков* (бокоплавов), которые портят сельдяные сети и объедают находящуюся в них рыбу. При этом, раскрывая технические секреты

---

⁴¹⁷ Огородников С. Из былого прошлого. Александр Иванович Фомин (по неизданным документам) // «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера». 1910 г. № 3. С. 22–25.

⁴¹⁸ Веселова А.В. «Лучший в архангелогородском посаде писец в прозе и стихах». А.И. Фомин и его сочинения // Текст и традиция: альманах, 4. СПб: Росток. С. 354.

ремесленного мастерства, Фомин и Звягин считали нужным проговорить основные идейные позиции просветителей в отношении экономического просвещения как процесса раскрытия цеховых тайн: «... неусыпным попечением Матери Отечества Великия Екатерины Вторыя, сие редкое и Голландцами скрываемое мастерство северному Архангельской страны народу учинилось известным»⁴¹⁹ и в обоснование своих проектов ссылались прежде всего на соображения общегосударственной пользы.

Таким образом, хотя представительство купеческого сословия в рамках ВЭО оставалось сравнительно низким в данный период, участие в его работе М. С. Голикова и А.И. Фомина, свидетельствуют о том, что цели и задачи Общества, его идейная основа и общая методология были им близки и понятны, и вызывали интерес.

Наконец, в 1790-е гг. была предпринята попытка придать новое качество контактам Общества с провинцией. Прежде всего с этой целью в 1790 г. был опубликован Устав о корреспондентах. В отличие от Устава 1770 г., он был посвящен только одному вопросу – порядку избрания и должностям этой ранее не востребовавшей категории сотрудников. В документе подчеркивалось: «С самага своего начала по сие время не занималось Общество тем, чтоб упомянутых во второй статье Корреспондентов иметь, но старалось единственно распространяться избранием действительных членов в надежде, что чрез то более произойдет поощрение к поспешествованию общаго блага». Однако, признает руководство ВЭО, эти надежды не оправдались: «поелику великое число по ныне избранных действительных членов, частию с самага своего избрания, частию же в продолжении времени, не исполнили ни единыя из обязанностей для общей пользы до них принадлежащих»⁴²⁰.

---

⁴¹⁹ Звягин П. Описание разнаго чищения сельдей // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. Т. 49, Ч. XIX. СПб: Типография Императорскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Корпуса, 1794. С. 159.

⁴²⁰ Устав о корреспондентах // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. Т. 41, Ч. XI. СПб: в Типографии Горнаго Училища, 1790. С. 227.

Таким образом, побудительные мотивы подготовки нового документа имели ту же природу, что и в случае Устава 1770 г. Вновь акцентировалась проблема разделения на активное ядро и тех, кто лишь числился в членских списках, а также поднималась тема равенства сочленов, стоящих на разных ступенях социальной иерархии. Так, специально указывалось, что в корреспонденты мог быть определен «каждый, какого бы он состояния и звания ни был, внутри и вне Империи Российской, который себя присылкою полезных откровений, изобретений, и примечаний или наблюдений из Экономии», а так же тех, кто посвятил себя изучению «к Экономии принадлежащих Математических, Механических, Технологических и Физикальных наук»⁴²¹. Однако процедура принятия кандидата стала более сложной, чем для категории действительного члена: его представляли не 3, как в последнем случае, а 5 членов, с мнением которых должны были согласиться 2/3 Собрания. Круг их обязанностей фактически повторял положения устава 1765 г.: присылать в Общество одно сочинение в год и отвечать на запросы (прежде всего по хозяйственному описанию территорий). В случае соблюдения данных требований корреспондент мог претендовать на статус полноправного члена на общих основаниях через три года.

Анализ показывает (см. Табл. 7), что и в данной группе превалировало дворянство, составляя 52,5 % от числа российских подданных. При этом доля дворян 6-8 и 9-14 классов распределилась практически поровну (25 и 22,5 % соответственно), а генералитет не был представлен вообще. 27,5 % составляли «интеллектуалы». В категории «другое» отмечены немцы-колонисты, проживавшие близ Сарепты. Интерес купечества и духовенства к корреспондентской должности находился на сопоставимо низком уровне.

В 1791 г. руководство ВЭО еще раз обращает внимание на слабость связей ВЭО с регионами, не позволившую завершить проект хозяйственного

---

⁴²¹ К перечню этих областей, оставшимся неизменным с 1765 г. было добавлено разведение шелка.

описания страны, начатый еще в 1765 г. Теперь же этот проект нуждался в пересмотре и детализации в методологическом и прикладном отношениях.

О том, что деятельность Общества в представлении Ф.А. Ангальта была ориентирована прежде всего на консультационную поддержку государства свидетельствует тот факт, что одним из наиболее весомых аргументов в пользу запуска новой кампании по описанию страны было произошедшее с 1765 г. изменение административного-территориального деления империи: «большая часть провинций оставили [Экономические] вопросы без ответов», а «присланные уведомления совсем не сообразуют с нынешним разделением Государства. По сей причине Экономическое Общество желает ныне получить частныя о всех Наместничествах и их уездах, по нынешнему разделению хозяйственные описания». Также отмечалось, что: «патриоты, предпривавшие такую работу, найдут уповательно великое себе облегчение в подкреплении господ Правителей и Экономии Директоров, которые ко всеобщему благу охотно вспомошествовать и содействовать конечно не отрекутся»⁴²².

В отличие от «экономических вопросов» 1765 г., большая часть которых была посвящена различным сторонам сельского домостроительства (описанию выращиваемых в той или иной местности растений, общей урожайности, параметрах торговли хлебом, занятий и нравов населения), а также ряду смежных тем, таких, как характеристика побочных промыслов, анкета 1791 г. подразумевала всесторонний анализ экономии в 6 отделениях. В первом предполагалось общее географическое описание территории, во втором – «естественных произведений и примечания достойный вещей», то есть оценка наличия ресурсов (в царствах ископаемых, растений и животных), в третьем – характеристика населения (общая численность, представленные

---

⁴²² Начертание ко всегдашней задаче и награждению тех сочинителей, кои хозяйственные описания частных Российских Наместничеств сообщать ему будут // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. СПб: Типография Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса, 1793. Т. 43, Ч. XIII. С. 279.

сословия, обычаев, имеющих отношение к хозяйственной сфере)⁴²³. Следующие два отделения были посвящены отдельным социальным группам: крестьянству⁴²⁴ и мещанам. Последним вопросом было то, какие товары ввозятся и вывозятся из наместничеств. Вместе с тем на страницах «Трудов» вплоть до 1801 г. не было опубликовано ни одного «физикально-экономического» описания, а ряд поступивших материалов были отвергнуты из-за их низкого качества⁴²⁵.

Другим шагом по стимулированию общественной инициативы стало опубликование в «Трудах» специальных задач для крестьян. В их описании подчеркивалось, что «Общество весьма охотно желает и самых крестьян возбудить и поощрить к тому, чтоб они стараться могли, чрез рачительное поправление своих земель заслуживать отличие от прочих, того ради в таком намерении назначает оно для *крестьян* (курсив в оригинале – К.П.), а особливо для живущих в Санкт-Петербургской Губернии, и много извести имеющих крестьян...»⁴²⁶.

Однако механизм реализации данной инициативы подчеркивал специфический сословно-иерархический характер российской культуры инноваций. Верификация опытов крестьян, несмотря на упоминание «их земли», была отдана не только и не столько ВЭО, сколько окрестным помещикам или управителям: «Доказательство о сих двух поправлениях земли

---

⁴²³ Начертание задачи. С. 293. Одной из рекомендуемых работ, обращение к материалам которой приветствовался бы, являлся труд Георги «Описание всех народов в Российской Империи».

⁴²⁴ При этом следует отметить, что тезис К. Леки об «исчезновении» фигуры крестьянина из нового опросника следует признать существенным преувеличением: опросом предполагались практически те же пункты для изучения образа жизни и экономической деятельности крестьян, начиная с социальной организации и обычаев, заканчивая описанием хозяйственных практик и изучением нравов, что и в варианте 1765 г.

⁴²⁵ Высокую оценку новому опроснику дал А.И. Ходнев, указавший, что этот перечень впоследствии будет поднесен Александру I и рекомендован в качестве инструкции для студентов, уезжавших в 1817 г. в Китай. Ходнев А.И. Указ. соч. С. 70.

⁴²⁶ Объявление // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 43., Ч. XIII. СПб: Типография Горнаго Училища, 1791. С. 262.

известью, утвержденное письменным свидетельством трех соседних помещиков, примется здесь во всей силе, и почтется действительным»⁴²⁷.

Таким образом, учитывая невысокую вероятность, что крестьянин мог самостоятельно приобрести «Труды» и узнать о конкурсе, единственной возможностью принять в нем участие было желание его собственного помещика или управляющего при активном согласии местных дворян. Осознавая это ВЭО пыталось задействовать альтернативные пути коммуникации. В рассылке циркулярных писем губернаторам с просьбой сообщить о вышедших изданиях «Трудов» и новых задачах местным дворянам появляется дополнительная запись: «а касающиеся до крестьян возвестить им чрез уездных Капитанов Исправников, или буде можно чрез приходских священников»⁴²⁸.

Новая инициатива принесла определенный результат. В 1792 г. в «Продолжении Трудов» вышла работа корреспондента-помещика П.С. Лихонина, проживавшего в селе Порошино близ Вологды с описанием средства лечения укусов бешеных животных⁴²⁹. Узнав, что крестьянин из села, принадлежащего его супруге, применяет собственный способ облегчать симптомы болезни, Лихонин посылает к нему доверенного человека. Свое решение действовать через посредника он объяснял следующим образом: «Зная опытами сих добрых простолюдимов закоснелые предрассудки и боязнь сказать какому нибудь помещику или начальствующему над ними знание их в чем нибудь, а паче в травах и лечении, послал я не медля... вернаго и умнаго человека»⁴³⁰. Реплика Лихонина о предрассудках крестьян, боящихся

---

⁴²⁷ Там же. С. 263.

⁴²⁸ Там же. С. 256.

⁴²⁹ *Лихонин П.С.* Испытанное средство от угрызения бешеных разного рода животных // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 45. Ч. XV. СПб: Типография Горнаго Училища, 1792. С. 131–137. Звание корреспондента ему принесло ранее направленное описание борьбы с конским падежом, в котором автор воспользовался методом лечения, напечатанном в «Трудах».

⁴³⁰ *Лихонин П.С.* Описание конскаго падежа... // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 44. Ч. XIV. СПб: Типография Горнаго Училища, 1791. С. 280–281.

сообщать полезные сведения не осталась внимания. В «Дневных записях» сообщалось, что крестьянину была передана от «Экономического Общества серебряная медаль, дабы таким отличными почести знаком при собрании той деревни его товарищей ободрить и впредь к подобным полезным упражнениям, и прочим крестьянам подать повод к сельскому трудолюбию и к приобретению награждения»⁴³¹.

Об успехах своих крестьян в изготовлении новых лаптей и «женских черевик» в том же году сообщал сочинитель Н.А. Львов⁴³². В 1793 г. Собрание заслушало письмо *Карла старосты* (курсив в источнике – К.П.), управлятеля казенного поместья в Марцене (Лифляндия) к арендатору фон Энгельгардту с аттестатом, подписанным местными дворянами, которые засвидетельствовали получение местными крестьянами рекордного урожая картофеля⁴³³.

В 1794 г., вскоре после смерти Ф. Ангальта, вопрос о том, насколько Обществу удалось расширить свою социальную базу и обеспечить распространение изданий, был поставлен лично императрицей. Екатерина в последние годы своего правления продолжала уделять ВЭО определенное внимание – в частности, она инициировала рассмотрение двух изысканий – «О пользе и вреде жжения суков и кубышей» в Санкт-Петербургской губернии и испытание мыла из картофельной муки (оба в 1790 г.).

Причины этого внезапно возникшего интереса казалось не были вполне понятны членам Общества. А.А. Нартов впоследствии объяснял это тем, что управление Кабинетом, продолжавшим субсидировать издательскую деятельность организации, перешло к В.С. Попову, который постарался представить итоги почти 30-летней работы организации в невыгодном свете. Сама же императрица в апреле 1795 г. в письме к барону Ф. Гримму отмечала дороговизну проекта и несопоставимую с затрачиваемыми суммами

---

⁴³¹ Произшествия Вольного Экономического Общества 1790, и 1791 года // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 46. Ч. XVI. СПб: Типография Горного Училища, 1792. С. 248.

⁴³² Там же. С. 268.

⁴³³ Объявление // Продолжение Трудов ИВЭО. Т. 47. Ч. XVII. СПб: Типография Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса, 1793. С. 341.

практическую пользу по итогам трети века. Она иронично отзывалась о практике «раздавать награды направо и налево и предлагать задачи все более глупые и праздные», а также добывать себе прибыль за счет Кабинета; видимо именно на это обвинение президент Пассек, по словам императрицы, ответил таким образом, что ухудшил и без того пошатнувшееся реноме организации, заявив, что «Труды» практически не покупают.

В последующей резолюции, также изложенной в письме Гримму, мы можем обнаружить выполненный самой императрицей краткий анализ созданного по ее воле института: позволив Обществу существовать и предоставив ему свой патронаж, Екатерина отнюдь не собиралась навечно брать его на баланс Кабинета и в целом ожидала от этой общественной организации большей самостоятельности и самодостаточности. Вердикт был прост – «к моим аксиомам я добавила еще одну: то экономическое общество, которое не может подавать другим пример, живя за счет собственной экономии, не должно советовать другим, как вести хозяйство». После 1794 г. Екатерина прекращает субсидирование, что вызывает сокращение тиражей «Трудов» с 1200 до 120 экземпляров к 1797 г.⁴³⁴

Для характеристики российской социокультурной ситуации интересно то, что, несмотря на лишение субсидий, Общество продолжило пользоваться другими, первоначальными дарами патронажа, в том числе и символикой. Снижение публикаторской активности также практически не сказалось на положительной количественной динамике его состава: между 1794 и 1796 гг. вновь вступило 72 новых члена, продолжались проводятся конкурсные программы, средства на которые предоставили традиционные патроны ВЭО: А.Г. Орлов («О пользе и вреде болотных мест»), С.Г. Зорич (травы для разведения коней) и новый фаворит императрицы П.А. Зубов, назначивший награду за изобретение «народной книги» – тем самым запустив работу над «Деревенским зеркалом». Политика Комитета в последние два года правления

---

⁴³⁴ *Brown J. H.* The Publication and Distribution of the Trudy of the Free Economic Society, 1765-1796. *The Russian Review*, Vol. 36, No 3 (Jul., 1977), P. 348.

Екатерины оставалась в руках ученых, возглавляемых А.А. Нартовым и А. Эйлером, которые воспользовались относительной незаинтересованностью нового президента-сановника П.Б. Пассека в работе ассоциации⁴³⁵.

Год	Вновь вступившие члены	Российские подданные	Иностранные подданные
1776	10	4	6
1777	19	17	2
1778	24	22	2
1779	13	10	3
1780	14	6	8
1781	4	4	0
1782	10	8	2
1783	11	11	0
1784	8	6	2
1785	13	9	4
1786	7	4	3
1787	6	5	1
1788	19	9	1
1789	44	31	13
1790	4	2	2
1791	30	15	15
1792	62	39	23
1793	69	48	21
1794	36	27	9

⁴³⁵ РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 53, л. 5 об. Так, после представления Выборгским губернатором Ф.П. Щербатовым топографического описания российской Финляндии (не было опубликовано), Собрание просило его «о доставлении розового кварца» из Нейшлота, добываемого в том же месте, где и «карандашный камень».

1794-95	47	42	5
1796	24	23	1
Всего	465	342 (73,5 %)	123 (26,5 %)

Таблица 4. Число и подданство вновь вступивших членов ВЭО в 1776–1796 гг.

Год	Дворяне	Купечество	Духовенство	Служащие Академии, публичные интеллектуалы, технические специалисты ⁴³⁶	Другие/нет данных
1776	4	0	0	0	0
1777	15	0	0	2	0
1778	19	1	0	2	0
1779	7	0	1	2	0
1780	5	0	0	1	0
1781	1	0	1	0	0
1782	5	0	0	3	0
1783	8	0	0	3	0
1784	5	0	0	1	0
1785	7	0	0	2	0
1786	3	0	0	1	0
1787	1	1	1	1	0
1788	6	0	0	3	0
1789	22	1	2	6	0
1790	2	0	0	0	0
1791	12	0	0	3	0
1792	18	0	9	7	5
1793	39	9	2	4	3

⁴³⁶ К этой категории мы отнесли академических ученых, а также технических специалистов и представителей интеллектуальных профессий, таких как аптекари, медики, садовники с чинами ниже высшей группы генералитета (1-4 классы Табели о рангах). При этом мы не включали в эту группу служащих Берг-Коллегии.

1794	19	0	2	5	1
1794-95	30	4	2	5	1
1796	19	1	0	3	0
Всего	247 (72,2%)	8 (2,3 %)	19 (5,6 %)	55 (16,1 %)	13 (3,8%)

Таблица 5. Социальный статус вновь вступивших членов ВЭО, 1776–1796 гг. (от числа российских подданных)

Год	1–5 классы	6–8 классы	9–14 классы	Неизвестно/ Не состоял на службе
1776	2	2	0	0
1777	8	5	0	2
1778	11	5	3	0
1779	4	1	1	1
1780	1	3	0	1
1781	1	0	0	0
1782	2	3	0	0
1783	2	5	1	0
1784	2	2	0	1
1785	0	4	3	0
1786	0	3	0	0
1787	0	1	0	0
1788	3	2	1	0
1789	12	6	4	0
1791	30	15	15	1791
1792	62	39	23	1792
1793	69	48	21	1793
1794	36	27	9	1794
1794-95	47	42	5	1794-95
1796	24	23	1	1796
Всего	109 (31,9 %)	102 (29,8 %)	25 (7,3 %)	11 (3,2 %)

Таблица 6. Распределение вновь вступивших представителей дворянства по классам Табели о рангах, 1776–1796 гг. (% от числа российских подданных).

Всего корреспондентов:	47			
Российские подданные: 40 (85,1 %)	Иностранцы подданные: 6 (12,8 %)		Неизвестно: 1 (2,1 %)	
Из числа российских подданных:				
	Всего:	6-8 классов	9–14 классов	Неизвестно/ не служил
Дворяне:	21 (52,5 %)	10 (25 %)	9 (22,5 %)	2 (5 %)
Купечество	1 (2,5 %)	Специально отмечены как жители провинции: 16 (40%)		
Специалисты	11 (27,5 %)			
Духовенство	1 (2,5 %)			
Другое/неизвестно	6 (15 %)			

Таблица 7. Корреспонденты ВЭО к 1801 г.

2.1.3. Некоторые дополнения к вопросу об участии ВЭО в системе международной научной коммуникации, 1765–1796 гг.

Участие в международной системе научных коммуникаций изначально было одной из приоритетных задач Общества. В работе А.И. Ходнева перечисляются 5 основных направлений подобного взаимодействия: перевод иностранных сочинений, общение с зарубежными учеными организациями, деятельность иностранцев (сочленов и корреспондентов) в ВЭО, выезд российских сотрудников за границу, а также сотрудничество с консулами и посольскими миссиями. В XVIII в. были представлены первые четыре направления. Проблематика контактов общества с иностранными организациями была подробно изучена В.А. Петровой на основании анализа дневных записей. В числе ее основных выводов было то, что становление системных международных связей Общества заняло длительное время. Так, формальная переписка с зарубежными организациями до 1790-х гг. была

крайне нерегулярной, равно как и контакты с проживающими за границей российскими подданными⁴³⁷. Заметная активизация международного диалога была связана с деятельностью президента Ф.А. Ангальта и Эйлера, исполнявшего секретарскую должность одновременно в Академии и в ВЭО⁴³⁸.

Мы остановимся на ряде аспектов функционирования ВЭО в общеевропейском пространстве республики учености, которые не получали ранее подробного рассмотрения. Во-первых, к ним относится динамика вступления иностранцев в состав Общества (см. Рис. 1). Во-вторых, интерес представляют практики коммуникации, направленные на повышение престижа организации (и способствующие прославлению его покровительницы) или отдельных связанных с ней лиц в международной научной среде.

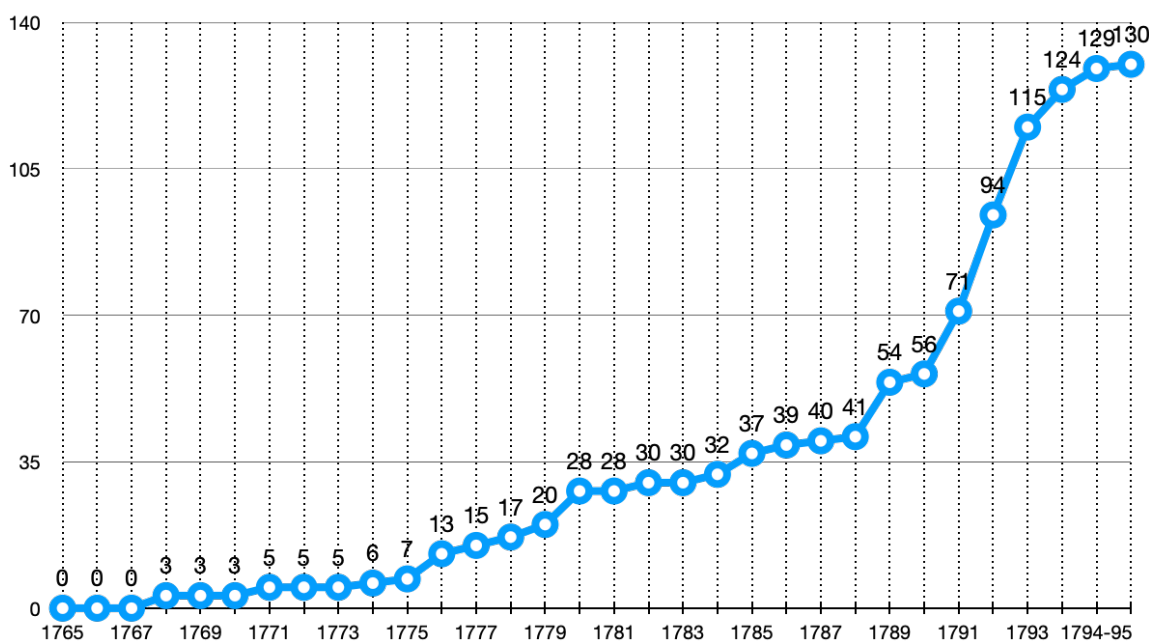

Рисунок 1. Динамика вступления иностранных членов, 1765–1796 гг.

Из 130 иностранцев, принятых в ряды членов ВЭО с 1765 по 1796 гг., почти 40 % составляли жители Германии (49 человек), 20 % – Великобритании (26), что в целом коррелирует с основными направлениями организованных международных связей Общества, проанализированных В.А. Петровой. В перечне иностранных подданных были представлены Швеция (11),

⁴³⁷ Петрова В.А. Иностранная корреспонденция... С. 163.

⁴³⁸ Там же. С. 156–157.

Швейцария (9), Франция (7), Италия (7), а также Австрийская монархия, колонии Нидерландов (по 5 соответственно), Польша (4), Дания (2), Испании и США (по 1). Подданство еще 3 членов общества установить не удалось. Эти данные свидетельствуют о достаточно широкой известности ВЭО в рамках европейской культуры Просвещения, равно как и о явном превалировании в структуре его связей государств Северной Европы. При этом существенным отличием ВЭО от Академии наук (в числе 110 академиков было 67 немцев, 34 русских, 7 швейцарцев, 5 французов, 2 шведа, 1 британец и 1 испанец⁴³⁹) в плане национального состава было заметно большее количество подданных британской короны.

Наиболее тесные организационные и межличностные связи установились у ВЭО и отдельных его сотрудников с коллегами из Германии. Хотя, как отмечала В.А. Петрова, системные связи с немецкими научными и экономическими организациями начинают выстраиваться лишь после 1776 г., свидетельства взаимодействия встречаются и ранее. Помимо участия в заочной научной дискуссии и обмена сочинениями друг друга, для многих из них достаточной мотивацией для участия в коммуникативных практиках стала распространенная во второй половине XVIII в. мода на коллекционирование дипломов о членстве в различных ученых и экономических организациях, а также получение выпускаемых ими наград. Подобная стратегия была направлена на повышение символического капитала ученых в глазах коллег и до определенной степени должна была способствовать росту престижа их государств⁴⁴⁰.

К примеру, в 1773 г. Й.Г. Келрейтер (сочлен Общества с 1771 г.), профессор из Карлсруэ, имевший тесные связи с российским академическим

---

⁴³⁹ *Осинов. В.И.* Петербургская Академия Наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб: Б.и., 1995. С. 138.

⁴⁴⁰ Членство в нескольких научных обществах являлось одним из способов повышения социального капитала ученых. Они содействовали друг другу в этом стремлении. Примечательный пример подобной практики мы обнаруживаем, например, в переписке Е.Р. Дашковой с Г.Ф. Версом: в благодарность за известие о избрании её почетным членом Сельскохозяйственного общества в Целле, она отправила Версу диплом почетного члена Академии. См.: Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800)... С. 102.

сообществом благодаря своей работе при Санкт-петербургской Академии наук в 1756-1761 гг., обратился к И.А. Эйлеру с просьбой переслать полученную для него Штелиным большую серебряную медаль Общества и уведомлял его о присылке своей новой работы в «Труды»⁴⁴¹.

В 1776 г. по рекомендации П.С. Палласа, И.А. Гильденштедта и А.М. Карамышева в члены ВЭО был принят И.Г. Гледич, немецкий ботаник и лесовод, директор берлинского ботанического сада, а также профессор Берлинской академии. Вместе с ним в общество были приняты и другие немецкие специалисты (обер-берграты Гергард, Фербер, а также доктор Криниц). В 1789 г. членом ВЭО стал знаменитый химик Лоренц Крелль. Его имя заслуживает упоминания еще и по той причине, что в издаваемом им журнале «Анналы» публиковались ученые российского подданства. Для Крелля, как отмечал К. Хуфбауэр было особенно характерно стремление собирать дипломы научных обществ и зарубежных академий – их общее число в коллекции ученого превысило двадцать к 1789 г.⁴⁴². Примечательно, что почетным членом Российской Академии Наук Крелль стал еще в 1786 г.

Уже в 1790-е гг. во время президентства Ангальта, когда ВЭО установило тесные связи с Лейпцигским экономическим обществом, произошел крупный обмен дипломами – еще одна знаковая практика в контексте символических международных связей: в немецкую организацию были приняты президент ВЭО Ф.А. Ангальт и А.А. Нартов, ряд других членов ВЭО получили грамоты о почетном членстве⁴⁴³. Ключевая роль президента Ангальта в установлении комплексных, многообразных связей с германскими коллегами⁴⁴⁴, подчеркивается тем, что всего через два года после его смерти в

---

⁴⁴¹ *Осипов. В.И.* Петербургская Академия Наук... С. 144.

⁴⁴² *Hufbauer, Karl.* The Formation of the German Chemical Community, 1720-1795. University of California Press, 1982. P. 78.

⁴⁴³ *Петрова В.А.* Иностранная корреспонденция. С. 166.

⁴⁴⁴ В.А. Петрова обобщила эти данные в своей работе. В ее перечне отмечены следующие организации: Обществе естествоиспытателей в Данциге, Общество поощрения художеств и полезных промыслов в Гамбурге, Патриотическое общество в Гессен-Гамбурге, Экономическое общество курфюршества Пфальц в Мангейме, Земледельческое общество Брауншвейг-Люнебургское в Целле, Экономическое общество в Лейпциге, Оберлаузицкое

1796 г. в ВЭО начали поступать их жалобы на то, что контакты вообще и подобные обмены в частности оказались прерваны⁴⁴⁵.

О долгосрочном стремлении упрочить связи ВЭО с экономическими и научными обществами Германии свидетельствуют также три случая издания немецких переводов «Трудов» в 1767 г., 1774–1775 и 1790–1793 гг.

В первые две итерации были полностью переведены первый выпуск вместе с учредительными документами и избранные статьи из II–XI частей «Трудов»⁴⁴⁶. Примечательно, что публикация 1776 г. была отмечена в оксфордском сборнике «Избранный каталог немецких книг», вышедшем в 1789 г. в рубрике «Ойкономиа и сельское домостроительство» (*Oeconomy and Agriculture*); таким образом с работами авторов ВЭО могли ознакомиться не только немецкие читатели, но и интересующиеся экономической проблематикой энтузиасты из Великобритании⁴⁴⁷.

Третья итерация, увидевшая свет в президентство Ф.А. Ангальта также преимущественно носила символически-репрезентативный характер. В первом выпуске 1790 г. немецким читателям предлагалось краткое описание истории ВЭО с 1765 г. по 1790 г. с упоминаниями имен членов и проведенных научных конкурсов. Последовательно подчеркивался факт императорского покровительства. Распространение экономической информации о стране также очевидно считалось руководством Общества значимым средством повышения престижа государства и самой организации, свидетельством их причастности к культуре Просвещения. В отличие от публикаций 1760-х и 1770-х гг. в этом издании статьи были представлены не в хронологическом порядке, а в виде подборки лучших работ.

пчеловодческое общество, Патриотическое общество в Бреславле, Бургаузинское общество земледельческих наук, Королевское общество земледелия в герцогстве Стейермарке, Общество земледелия в Клагенфурте, Общество земледелия в Граце, Бернское экономическое общество, Королевское экономическое патриотическое общество в Богемии, Экономическое общество в Дрездене и Курпфальцское экономическое общество в Гейдельберге. Там же. С. 165.

⁴⁴⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 53, Л. 261 об.

⁴⁴⁶ *Abhandlungen der freien oekonomischen Gesellschaft in St. Petersburg...* Riga: 1776.

⁴⁴⁷ *A select catalogue of German Books.* Oxford: 1789. P. 34.

Показательно, что основной фокус делался на работах русских немцев (как следует из указаний в «Трудах», многие из них были изначально выполнены на немецком языке), например И. Георги («О каменной бумаге»), А. Кельхен («О новом средстве построения печи в овине»), И. Гронав («Экономические ответы из Эзельской провинции»), Лемана, Ореуса и др.⁴⁴⁸ Написанные на русском языке сочинения переводились и включались в виде исключения. К таковым отнесли, например, работу Болотова «О разноцветных песках».

Наконец, ВЭО сыграло свою роль и в выстраивании межгосударственных отношений России и Пруссии, существенное значение для которых играли механизмы символической коммуникации⁴⁴⁹. Так, в 1793 г. Э.-Ф. Герцберг, министр прусского короля Фридриха-Вильгельма II в письме в Санкт-Петербургскую Академию наук просил о присылке не только ее собственных трудов, но и изданных работ ВЭО. Он сообщал также о намерении предложить кандидатуру академика и сочлена Фусса для избрания в Берлинскую Академию⁴⁵⁰.

Связи с Великобританией, несмотря на то, что модель экономического общества была перенесена именно оттуда, развились значительно позже, чем с немецкими интеллектуальными кругами, несмотря на то, что ссылки на английский опыт повсеместно встречаются на страницах «Трудов» с самого первого выпуска (так, еще Р.Л. Воронцов ссылался на «господина Гилла в Англии» в работе по сенокосам 1766 г.) Как показал М.И. Радовский, российско-британские научные контакты постепенно нарастали со второй половины столетия, и общий курс работы ВЭО в данном случае соответствовал этой общей тенденции⁴⁵¹.

---

⁴⁴⁸ См. напр.: *Auswahl ökonomischer Abhandlungen welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg. St. Petersburg, 1793.*

⁴⁴⁹ Так, в 1767 г. между двумя странами велись переговоры об издании в работ Екатерины II, признанной почетным членом Берлинской Академии, и публикации в академических инстанциях Петербурга сочинений Фридриха II

⁴⁵⁰ Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800)... С. 97.

⁴⁵¹ *Радовский М.И.* Из истории англо-русских научных связей... С. 143–144.

В 1779 г. был принят первый британский подданный доктор Мэтью Гутри, уже проживавший длительное время на территории Российской империи. Гутри, получивший образование в Эдинбурге, во второй раз прибыл в Россию в начале 1771 г. Вскоре он принял участие в походе армии Румянцева, где, наряду с врачебной практикой, исследовал проблематику, связанную с борьбой с эпидемиями. В 1778 г. он получил разрешение практиковать и вскоре стал врачом в Шляхетском корпусе.

Гутри, как и Л. Крелль во многом может быть охарактеризован как идеальный гражданин республики учености. Э. Кросс отмечал, что лишь немногие британские научные общества избежали его внимания и «любви к общению». В Санкт-Петербурге, он и сам стал основателем отдельной ассоциации – «Нового музыкального общества». Получив диплом члена ВЭО, Гутри сосредоточил свое внимание уже на Академии Наук и британских академических структурах, членства в которых он последовательно добивался. Как подчеркивал Кросс, работа Гутри по переводу русских научных и литературных сочинений «представляет собой кульминацию процесса передачи научных, геологических, ботанических и зоологических знаний из России в Великобританию»⁴⁵².

Схожий типаж являет Уильям Тук, сочлен ВЭО с 1792 г. Подобно Гутри он выступал посредником между российским и британским учеными сообществами. Во время своего пребывания в России Тук успел совершить путешествие к Азову, после которого отправил в Лондон заметки о археологии, этнографии и ботанике этого региона⁴⁵³. Он пользовался дружбой Эйлера, Георги, Палласа и ряда других академиков немецкого происхождения, был знаком со многими придворными и был известен самой императрице.

В 1790-е гг. русско-британские связи в общественно-научной сфере продолжали упрочняться в том числе и в рамках символических награждений

---

⁴⁵² Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia*, 1997. pp. 147–149.

⁴⁵³ *Ibid.* p. 111.

сочленов зарубежных ассоциаций и известных «экономических писателей». Например, к их числу можно отнести президента «Общества Наук» в Лондоне Джозефа Банка и Уильяма Кливера, архиепископа Честера.

Существенную роль в установлении и поддержании контактов британских и российских интеллектуальных кругов играл священник русской миссии в Лондоне А.И. Смирнов, который регулярно направлял Обществу изданные «Лондонским обществом земледелия» описания полезных машин⁴⁵⁴. Контакты осуществлялись и по другим каналам, например, через купцов⁴⁵⁵. Члены ВЭО также «коллекционировали» звания членов британских ассоциаций. В частности, членом Королевского общества стал А.А. Мусин-Пушкин.

Связи российских академических институтов с шведскими во второй половине XVIII века были достаточно обширными⁴⁵⁶. Многие члены ВЭО и Академии наук состояли почетными членами Шведской академии наук, например Ж.Н. Делиль, И.Г. Гмелин, Эпинус, И.А. Эйлер, П.С. Палас, А.Б. Куракин, А.А. Нартов, президент Берг-коллегии, граф А.А. Мусин-Пушкин, Фусс. Ученик Линнея Карамышев отметился рядом публикаций в «Трудах» ВЭО. Научный вклад А.А. Нартова в работу ВЭО преимущественно заключался в публикации переводов шведских научных и экономических работ в первые годы выпуска «Трудов».

Связи с французскими научными кругами оставались развиты весьма слабо на всем протяжении второй половины XVIII в. Первым и самым ярким примером деятельности ВЭО в этом направлении стал знаменитый конкурс о собственности крестьян. Традиционно рассматриваемый с точки зрения решения крестьянского вопроса в России, он представлял значение и для французских дебатов о развитии сельской экономики.

---

⁴⁵⁴ Петрова В.А. Указ. соч. С. 167.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Артъемьева Т.В. К. Линней и его интеллектуальные связи с Россией // Философский век. Альманах. Вып. 33. Карл Линней в России. СПб, 2007. С. 61–62.

Участники конкурса, французы Беардей и Граслин, сторонники развития малых крестьянских хозяйств выступали против физиократов, которые обосновывали необходимость развития системы прежде всего крупного землевладения. Еще более радикальные позиции продвигал пьемонтский экономист Джанбаттисто Васко, отстаивающий позицию, что только крестьяне могут владеть земельной собственностью⁴⁵⁷. Эти три работы были изданы ВЭО за рубежом с указанием об их участии в конкурсе. Ключевые тезисы Беарде и Граслина вызвали критику со стороны их оппонентов, утверждавших, что распределение земель между крестьянами возможно только в стране с большой долей необрабатываемых земель, какой и была, по их мнению, Россия.

Новая активизация русско-французских связей также пришлась на период президентства Ангальта. Второй ключевой фигурой для установления связей был Ж.Ж. Лаланд, получавший за свои услуги по передаче книг пенсию от Академии наук⁴⁵⁸. В частности, в 1791 г. в состав Общества вошли вышедший в отставку министра правительства Людовика XVI Ж. Неккер. Эти факты в определенной степени ставят под вопрос устоявшийся взгляд на выпадение Франции из единого пространства Просвещения из-за Революции, равно как и разрыва культурных, научных отношений с Францией со стороны держав, настроенных против революционного правительства.

Отметим, что на протяжении всего правления Екатерины II иностранцы рассматривали членство в ВЭО как почетное и неразрывно связанное с российской интеллектуальной сферой в целом, а Академию наук и Общество как взаимодополняющие части. Об этом свидетельствуют, в частности, два примера: австрийский «господин надворный советник» Ф.-Ф. Энтер фон Энтнерсфельд из Вены писал в Санкт-Петербургскую Академию, что, поскольку он уже стал членом ВЭО, то хотел бы получить и звание члена

---

⁴⁵⁷ *Shovlin J.* The political economy of virtue: luxury, patriotism, and the origins of the French Revolution. Cornell University Press, 2006. P. 114–117.

⁴⁵⁸ Там же.

Академии, и приложил к письму свои сочинения по экономике⁴⁵⁹. Итальянский ученый К. Скрофани послал в адрес Академии свои сочинения по экономике и продублировал их Обществу⁴⁶⁰.

Характеризуя динамику социального состава ВЭО, следует отметить, что в период с конца 1780-х и до смерти Екатерины мы можем наблюдать корреляцию между ростом количества российских и иностранных членов ВЭО. Таким образом возможно предположить, что одновременный рост двух страт отражал существующие в тот период тесные связи между российским и европейским интеллектуальным пространствами.

Широкий размах международных контактов ВЭО, вовлеченность в деятельность республики учености диссонировал с относительной неспособностью рекрутировать сочленов в провинциях: о деятельности ВЭО были осведомлены врачи в нидерландском Суринаме, но могли не знать на Слобожанщине, что подтверждают перипетии с составлением «списка Норова».

2.2. Редакционная политика и риторика

Экономические общества для выполнения своих задач по распространению полезных знаний не могли обойтись без определения критериев редакционной политики. Перед организационным ядром ВЭО на протяжении стояла проблема различения качественных и соответствующих требованиям текстов от массива неподходящих материалов. Данную проблему мы рассматриваем в первом параграфе.

Не менее актуальной задачей для активных сочленов ВЭО было и позиционирование Общества в политическом и социокультурном контексте по отношению к основным институтам российского государства: монархии, сословной системе в целом и дворянству в особенности. Результаты этой рефлексии проявлялись в текстах, направленных на придворную и/или публичную сферы. Своеобразие экономической литературы того времени, по

---

⁴⁵⁹ Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800). С. 108.

⁴⁶⁰ Там же. С. 103.

сравнению с современной, придавало то, что наряду с описанием научных методов, определенных фактов, риторические и дидактические приемы, пространные рассуждения о вопросах морали также рассматривались современниками как обладающие эпистемологической функцией⁴⁶¹. Во втором и третьем параграфах мы рассмотрим риторические стратегии авторов «Трудов» в отношении фигуры монарха как покровителя и вдохновителя его работы и идеи патриотизма, которая лежала в основе экономического общества.

2.2.1. О некоторых аспектах редакционной политики

В этом параграфе будут рассмотрены две проблемы, прямо связанные с функционированием «Трудов» как основного печатного органа Общества, посредством которого оно репрезентировало «полезную науку» внешней аудитории.

Во-первых, нас интересует, какие критерии получаемых «писес» считались членами Комитета и рецензентами достаточными для рекомендации работы к публикации и исходя из каких соображений они принимали то или иное решение, на что считали важным обратить внимание Собрания, а также выявить, были ли различными критерии оценки «дворянских» и «научных» текстов.

Во-вторых, мы рассмотрим вопрос авторства сочинений в «Трудах» в контексте рецепции российским обществом «новых культурных

---

⁴⁶¹ *Bradbury J.M. Prose Genre and the Emergence of Modern Economic Reasoning in Eighteenth-Century Britain in History of Economic Rationalities. Springer, Cham, 2017. P. 74–79.* Дж. М. Брэдбери отмечает, что первым теорию письменных сочинений разработал Адам Смит. Он разделял их на дидактические (направленные на обучение; они включали философские работы (например, Георгики Вергилия), те, в которых обобщалась система наук, риторические (направленные на убеждение) и нарративные (в которых излагаются факты). Сам Смит считал, что риторический стиль вполне подходит для научного дискурса. Научное обоснование может быть двух видов: как у Аристотеля, который описывает разные ветви наук в том порядке, в котором они возникают и каждый раз давая новые принципы для каждого феномена; или как у Ньютона, который указывает несколько основных принципов, которые обосновываются в самом начале и от которых мы выводим частные феномены, соединяемые затем в единую структуру. Последний способ Смит считал наилучшим.

процессов»⁴⁶², одним из которых были и «кабинетные занятия» – писательство и занятия науками, зачастую воспринимаемые современниками как маргинальные для дворянского сословия.

Обе эти проблемы с разных точек высвечивают более широкую тему восприятия и производства научных и/или экономических знаний, степени их распространенности среди отдельных представителей дворянства, коль скоро для академических ученых такие практики были в норме вещей. Более того, поскольку Общество ставило перед собой задачу не только обсуждения знаний, но и дальнейшего распространения культуры Просвещения (хотя бы в ее узком, экономическом аспекте), эти материалы позволяют ответить на вопрос, как сочлены ВЭО видели свою роль в организации этого процесса.

Предоставление письменных рецензий было одной из знаковых практик, позволяющих проводить такой анализ, поскольку данный тип документа подразумевает, что его автор принимал на себя роль критика текста и считал себя достаточно компетентным в обсуждаемой проблеме, а также способным оценить эпистемологические или риторические качества текста, и полно или кратко изложить свои мысли по этому поводу.

В практике рецензирования ВЭО мы можем выделить две взаимосвязанных группы критериев: условно формальные (например, соответствие заявленным целям конкурсов) и неформальные, связанные с личной оценкой рецензентом качества текстов. Кроме того, сама идея конкурса подразумевала несогласие и противоборство авторов в рамках вежливого и честного соревнования⁴⁶³, правила которого были закреплена во второй редакции Устава общества. Соответственно рецензентам приходилось выбирать, какой из текстов лучший и обосновывать свое решение. Отметим, что приводимые ниже материалы посвящены статьям сугубо практического характера, каковые и составляли абсолютное большинство работ,

---

⁴⁶² Кулакова И.П. Российское «просвещенное дворянство»... С. 117.

⁴⁶³ Caradonna, J. L. (2012). *The Enlightenment in Practice: Academic Prize Contests and Intellectual Culture in France, 1670–1794*. Ithaca: Cornell University Press. P. 5.

публикуемых в «Трудах», в то время как «политически» значимые работы, главным примером которых являются материалы, присланные в рамках конкурса 1766 г., составляли исключение.

Большая часть проанализированных нами рецензий относится к конкурсу о сочинении наказа для деревенского управителя 1768 г. Инструкции управляющим относились к распространенному типу экономической литературы (в широком смысле), встречающемся в России с петровского времени, а в виде «памятей приказчикам» – и с XVII столетия⁴⁶⁴. Их эволюция на рубеже веков свидетельствовала о развитии понимания предмета управления, которое происходило вслед эволюции экономических отношений в рамках дворянского хозяйства. Как отметил Ю.А. Тихонов, в результате этого процесса состоялся переход от «документов сугубо административно-фискального надзора» к «сводам административно-хозяйственных правил для имения».

С.А. Козлов показал, что если тексты первой половины столетия преимущественно касались регламентации хозяйственных работ, то в середине и во второй половине века, авторы начинают уделять внимание проблематике земледельческих работ и скотоводства. По мнению исследователя, это свидетельствует о продолжающемся процессе включения в экономическую систему поместья «новых рациональных элементов хозяйствования», которые указывали на продолжающееся экономическое и социокультурное развитие всей «русской крепостной системы»⁴⁶⁵. Проблематика «наказа» была интересна и просвещенным представителям рядового дворянства и сановным членам ВЭО, «отсутствующим землевладельцам»⁴⁶⁶.

---

⁴⁶⁴ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков. М.; СПб: Летний сад, 2005. С. 340–353.

⁴⁶⁵ Козлов С.А. Аграрные традиции и новации... С. 344.

⁴⁶⁶ Melton E. Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia // The Journal of Modern History, vol. 62, no. 4 (Dec., 1990), pp. 675–708. Отметим, что задачу и премию предложил граф А.С. Строганов. См.: Ходнев А.И. Указ. соч. С. 368–369.

В объявлении конкурса 1768 г. были перечислены требования к работам. Они обозначали интерес Общества к определенным видам локализованного экономического знания: «Желающие трудиться в сочинении такого наказа, должны иметь совершенное сведение о всех частях Великороссийской сельской экономии; по чему не столько от чужестранцев, сколько от природных Россиян, Лифляндцев и Эстляндцев, коих экономия с Российской во многом сходствует...»⁴⁶⁷.

В развернутых рецензиях Г. Теплов и И. Тауберт (примечательно, что оба рецензента олицетворяли разные типы просвещенных интеллектуалов. Первый был представителем служилого дворянства, организатором науки, *любителем* сельского домостроительства⁴⁶⁸ и посредником между Академией и придворным обществом, а второй – ученым-профессионалом, служащим Академии) трактовали эти критерии, исходя из собственного понимания экономии. Прежде всего их волновали не конкретные положения наказов, которые полностью оставались за пределами заочного обсуждения, а общие характеристики рассматриваемых текстов. Важнейшими из них были универсальность и воспроизводимость.

Так, Г. Теплов отмечал, что из трех текстов, присланных ему для проверки (в их число вошли опубликованные работы А.Т. Болотова и П.И. Рычкова), «каждый... имеет немало полезных наставлений для сельскаго прикащика, но в каждом так же нахожу или излишнее или и совсем невозможное исполнить прикащику».

Конкретизируя свой преимущественно негативный отзыв, он обращает внимание на то, что инструкции должны быть универсальны, а приведенные в этих работах предложения «не могут быть общим правилом для наказа прикащику; ибо что в одних местах селений могло бы назваться доброю Экономиею, то самое в других или неможно в дело произвести или и

---

⁴⁶⁷ Объявление 1^е. // Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 9, Ч. IX. СПб.: Императорская Академия Наук, 1768. С. 174–175.

⁴⁶⁸ Так он характеризовал себя в «Птичьем дворе».

произведенное будет вредно». Тем не менее, работа Болотова, по его мнению «больше имеет общих правил для сельской экономики: наказом однакож назваться отнюдь не может, а заслуживает с немалою похвалою... имя руководства к порядочному наказу»⁴⁶⁹.

Позиция И. Тауберта, изложенная в более пространной форме, чем лаконичный отзыв Теплова, была схожей, но с некоторыми вариациями. Он критиковал анонимный текст с девизом «усердный слуга обществу и нежелающий награждения» за чрезмерную детализацию и регламентацию: автор «входит в мелочи и подробности самые излишния, какия оставлять должно на рассмотрение благоразумному прикащику не связывая ему руки»⁴⁷⁰ и не дает возможности «применяясь к состоянию людей, земли, и климата», приносить пользу.

В положительных рецензиях на работы Болотова и Рычкова И. Тауберт считал нужным подчеркнуть не только их содержание, но и форму, позволяющую лучше понять основные мысли авторов. Текст тульского помещика он «признает достойной всякой похвалы» и указывает три фактора, определивших его решение: «порядочное расположение материи принадлежащей к знанию и должности доброго сельскаго прикащика», внимание к «общей практике» и «состоянию великороссийских деревень», а также наличие «подробнейших иногда наставлений»⁴⁷¹. Работа с девизом «Век жить, век учиться и трудиться» авторства П.И. Рычкова уступает, по мнению рецензента, предыдущей только в частности (которые не конкретизируются).

Интересно, что, характеризуя данные тексты, Тауберт считал нужным объективировать природно-хозяйственную среду, наблюдения авторов за которой легло в основу их хозяйственного опыта. Делая это он отходил от первоначальных требований к текстам, поднимая планку того, каким должен быть наказ еще выше: «видно, что оба сочинителя преимущественно

---

⁴⁶⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1. Д. 378. л. 7.

⁴⁷⁰ РГИА, Ф. 91, Оп. 1. Д. 378. л. 8.

⁴⁷¹ Там же.

воображали себе великороссийския провинции... более уважали лесныя места, нежели степи»⁴⁷². Автор рецензии вопреки букве объявления (впрочем, как и Теплов), считал это недостатком, хотя и не препятствующий публикации: «как сей, так может быть и другие малые недостатки, которыя более назвать можно исключениями от главных правил, и зависящими единственно от свойства земли, обычаев, а иногда и от едина произволения помещика, со временем пополнены и исправлены быть могут теми же сочинителями, или и другими которые приохочены будут»⁴⁷³. Таким образом оба рецензента рекомендовали тексты к печати – но именно как личные наблюдения частных авторов, а не как общую инструкцию.

Публикация сочинений А.Т. Болотова и П.И. Рычкова (которые Ю.А. Тихонов охарактеризовал как образцовые для своего времени), свидетельствуют о попытке ВЭО создать условия для становления нового типа сельского жителя, не только образованного и знакомого с искусством управления хозяйством в административном смысле (таковы были ранее опубликованные проекты наказов Ф. Удолова и Ф. Вольфа, размещенные в 11 и 12 частях «Трудов» и в которых содержалось формальное описание хозяйственных работ и общие принципы регламентации управления усадьбой⁴⁷⁴), но и глубоко погруженного в исследовательскую практику экономической науки. Трудно не согласиться с мнением Ю.А. Тихонова о том, что описывая идеального приказчика, А.Т. Болотов (и П.И. Рычков – К.П.) наделяли их своими личными качествами, стремились создать определенную модель для подражания. Эти усилия были оценены и восприняты Обществом, которое, несмотря на критику, поощрило авторов наградами.

---

⁴⁷² РГИА, ф. 91, оп. 1. д. 378. л. 8 об.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Поскольку Вольф представил свой текст непосредственно Собранию, а необходимым требованием для участия в конкурсе была анонимность, это послужило формальным поводом продлить конкурс с 1768 на 1769 г. Задача о составлении наказа для деревенского управителя // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 13, Ч. XIII. СПб: при Императорской Академии наук. С. 120–123.

В инструкции Болотова приказчику приведены весьма обстоятельные советы не только по совершенствованию пяти основных «источников доходов» (хлебопашество, выращивание технических культур или огородарство, скотоводство, заведение сенокосов и использование ресурсов леса), но и других, более специфических и зависящих от локальных условий, как например, заведение пчел.

Сочинение Рычкова, по логике во многом сходное, требует от приказчика не только повышать эффективность того, что уже есть в господском хозяйстве, но и обнаруживать «чего нет, а быть может». Необходимым для этого было обстоятельное знание: «для того надлежит ему, кроме сведения о межах и гранях, знать и всю внутренность оных, то есть, где какие уголья, пахатная земля, сенокосные места и другие выгоды»⁴⁷⁵. Подразумевалось и было желательным знакомство приказчика с актуальной литературой, описаниями опыта управления сельским домостроительством, владение инструментарием распознавания и анализа полезных ресурсов.

Еще раз подчеркнем, что ключевым пунктом критики просвещенных рецензентов была проблема соотношения между универсальностью инструкций и их локальной применимостью, при чем приоритет отдавался первому фактору. Возможно предположить, что и Теплов, и Тауберт, знакомые с практикой написания подобных инструкций (которые, как отметила А. Квасникова, «носили локальный характер, были рассчитаны на конкретное, отдельно взятое хозяйство, и будучи рукописными, не распространялись за его пределы»), именно в рамках конкурса предлагавшихся к печати текстов, в этой новой социокультурной ситуации, ожидали обнаружить или выработать некую общую сумму необходимых для эффективного ведения хозяйства знаний и навыков и передать ее читающему сообществу.

Тексты Болотова и Рычкова, как и все прочие ранее опубликованные «писесы», рассмотренные и отвергнутые проекты, были признаны слишком

---

⁴⁷⁵ Рычков П.И. Наказ... С. 44.

частными, недостаточно универсальными, чтобы наделить их «доктринальным» статусом. Впрочем, отсутствие системности в работе ВЭО привело к тому, что эта проблема применительно к инструкциям более не ставилась в рамках конкурсов так явно, как в 1768-1770 гг. и «образцовые тексты» с учетом всех их недостатков оставались таковыми еще несколько десятилетий.

Рецензии на присланные «писесы», посвященные узко специальным научным или инженерным проблемам, более полно раскрывают редакторские принципы. Хотя обсуждаемые выше тексты были дискуссионными, каждый из них в общем и целом (и даже неопубликованный проект) был признан полезным, отмечена их актуальность и новизна. Иначе обстояло дело в более специализированных, близких к академической науке областях, где требования становились жестче и явно увязывались с отслеживанием последних научных открытий в европейской академической литературе и лишь затем их приложением к локальной экономической ситуации.

Примером отрицательных рецензий, призванных подчеркнуть приверженность Общества данным принципам были, например, отзывы на работы о насекомых. Во время их написания в 1760–70-х гг. эта отрасль научного знания в российской интеллектуальной среде была представлена еще незначительно. П. Пекарский отмечал, что до 1770 г. в изданиях Академии не было ни одного исследования российских насекомых, на что указывали и иностранные ученые, в частности Линней в письме академику Лаксману⁴⁷⁶. Между тем, энтомология занимала значимое место в контексте европейского экономического просвещения.

В изученных нами рецензиях речь шла об одном из значимых аспектов этого большого направления – борьбе с насекомыми-вредителями. Рецензентом работы о хрущах был избран молодой ученый Г. Соболевский, выходец из церковной среды, обучавшийся в России медицине, а затем

---

⁴⁷⁶ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Тип. Императорской академии наук, 1867. Т. 2. № 1. С. 121

продолживший свое образование в Париже и Лейдене, что и определило дальнейшее направление его научного поиска. Уже в XIX в. он будет известен прежде всего как автор «Санктпетербургской флоры», пространного описания растений Санкт-петербургской губернии.

Признавая общую актуальность изучения насекомых, («Сочинение само собою могло бы полезно быть потому что у нас о насекомых мало находится сочинений...»)⁴⁷⁷, Соболевский указывает, что автор присланной работы исследовал исключительно вопрос о хрущах, которые преимущественно наносят вред неплодовым растениям, а предложенные им методы борьбы с вредителем уже были хорошо известны. Таким образом, ключевыми факторами, влиявшими на оценку работы, признавались новизна метода и его практическая полезность. Соболевский, как специалист по растительному миру, прежде всего опирался на познания в мире ботаники, полученные им в ходе обучения за рубежом, равно как и на известные ему из личного опыта (возможно работы в ботаническом саду Санкт-Петербурга) методы борьбы с ними. При этом в рецензии, хотя она и не предназначалась для обнародования, настойчиво проводилась мысль о необходимости более тщательного изучения проблемы борьбы с насекомыми-вредителями, очевидно предназначенная для внимания Собрания.

Примечательно, что несколькими годами ранее в 1771 г. Собрание поручало изучить книгу на французском языке о «червях снедающих хлеб в житницах хранящийся» не академическому ученому, а прокурору Берг-Коллегии С.Г. Беклемишеву⁴⁷⁸. В подготовленной им рецензии было кратко изложено содержание работы и проанализирован метод, предлагаемый автором по борьбе с вредителем – сушение хлеба. Как и Г. Соколовский, оценивая новизну работы, рецензент отметил, что «как уже известно, что почти везде в российских областях хлеб сушат в овинах и о червях описанных сочинителем в сем издании, чтоб они столько вредили хлеб, не слышно, то и

---

⁴⁷⁷ РГИА, ф. 91, оп. 1. д. 378. л. 47.

⁴⁷⁸ Впоследствии станет вице-президентом Коммерц-коллегии.

правила его, касательно до истребления их, сколько они не изрядны, кажутся, для здешняго государства по известности уже их употребления в оном, не нужными»⁴⁷⁹.

Таким образом и он уделял преимущественное внимание новизне работы и целесообразности применения предлагаемых методов. Обращает на себя внимание и то, что прокурор Берг-Коллегии, которого в своих записках Г.Р. Державин упоминает среди «довольно знатных господ, ведущих жизнь веселую и даже роскошную» и с которыми он свел знакомство в 1776 г., был достаточно начитан в «ученых» вопросах и мог предложить Собранию компетентную критику работы о насекомых. Это свидетельствует о продолжающемся процессе рецепции академической культуры в придворной и чиновничьей среде, тем более, что, насколько мы можем судить, указанная выше отрасль знания не была предметом профессионального интереса.

Вторая большая группа «комитетских мнений», на которых мы хотели бы остановиться была подготовлена к январской трети 1774 г. Рецензентами выступили, в отличие от конкурса проектов наказов и работ о насекомых, исключительно представители академического сообщества: Лаксман, Лепехин и Паллас. Из восьми поступивших им на рассмотрение работ по меньшей мере три относились к конкурсу о крестьянском жилище (по разному свойству климата в Российском государстве сделать план, фасад и профиль и предписать способ, коим образом можно удобнее и дешевле построить крестьянской жилой, в лесистом месте деревянной, а в безлесном каменной дом...), а две на задачу о «жатвенной машине для степных губерний...».

Лаконичные отзывы на работы отражали общее понимание членами Комитета обсуждаемых тем. Однако на первый план выходило все же не формальное соответствие критериям конкурса, а полезность предлагаемых авторами проектов. Так, на сочинение пастора Грассмана, которое будет опубликовано в 28 части 1774 г. был оставлен следующий отзыв: «Хотя пиеса ни мало не соответствует заданному вопросу (а именно о жатвенной машине

---

⁴⁷⁹ РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 378, л. 32.

– К.П.), однако заслуживает быть помещена между трудами экономического общества. Она содержит описание пахатного орудия, которое и в наших степовых местах с пользою употреблена быть может»⁴⁸⁰.

К большинству же работ, посвященных деревенской архитектуре, члены Комитета составили весьма негативные и ироничные отзывы, отмечая непрактичные, по их мнению, предложения авторов: «Господин сочинитель несправедливо отъемлет у крестьян живущих на севере человеку свойственное разсуждение... печи так делать, как ему хочется, крестьянину не можно... заставить овец жить со свиньями, а гусей таскать на подызбицу не можно. Такое иметь попечение о собаках так же не к стати»⁴⁸¹. Следующие отзывы подтверждают наши выводы об основных критериях оценки работ : «В сей пиесе нет ничего новаго, да и известнаго не достает»; «Расположение домов предписанное в сей пиесе уже давно известно; при том и многия неудобности примечаются»; «Господин сочинитель более показывает свое искусство в Архитектуре, нежели удобность такой дом построить крестьянину».

Положительный отзыв на работу о косах ректора гимназии в Идстене И. Вагнера, помещенный в этот же экстракт «комитетского мнения», суммирует наши наблюдения о том, что считалось значимым для публикации: «По мнению нашему господин сочинитель ничего не упустил, что до решения и пользы заданнаго вопроса касается; в нем он ясно доказал довольное свое упражнение и знание в сельских делах и чтение лутчих писателей»⁴⁸².

Отметим, что экспертное мнение представителей Комитета опиралось прежде всего на их личный опыт наблюдения и описания хозяйственной, природной и культурной жизни российской провинции, полученный ими в ходе академических экспедиций (например, в «Дневных записках» Лепехина содержится богатый материал об образе жизни и характеристиках жилищ жителей разных регионов, этносов и культур). Представители сравнительно

---

⁴⁸⁰ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 71 об.

⁴⁸¹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 71.

⁴⁸² РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 71 об.

узкой группы ученых-профессионалов выступали посредниками в процессе получения и передачи знаний, необходимых (как представлялось учредителям и руководству ВЭО) прежде всего представителям дворянства или государственных инстанций, занимавшихся развитием территорий.

В вопросе о жилищах и сельскохозяйственных инструментах также, как и при оценке проектов наказов, внимание уделялось соотношению локального и общеприменимого: каждый предлагаемый метод или инструмент рассматривался как производное от определенной местности, и в тоже самое время изучалась возможность его воспроизводства в иных регионах или социокультурных ситуациях⁴⁸³. Весьма характерно, что и в опубликованных работах зачастую указывалось место, в котором был опробован тот или иной метод или инструмент.

Наиболее наглядным примером такого подхода было указанное выше описание 5 видов кос, выполненное И. Вагнером⁴⁸⁴. Для каждого из этих видов атрибутированы не только страна, но и конкретный регион происхождения. Комитет ВЭО, принимая решение о публикации, стремился привить потенциальным авторам определенные методы и навыки работы с текстом, в том числе критический взгляд на географический, природный, климатический и другие факторы, отличавшие научную картину мира и прикладной подход к его трансформации посредством осознанного труда. Таким образом на практике раскрывался один из ключевых тезисов о «науках и опытах просвещенного человека». С другой стороны, поскольку ответные письма от Общества с аргументированными отказами были, по-видимому, редкостью (в дневных записях лишь изредка упоминаются решения Собрания сообщить авторам о том, что работа по каким-то причинам не подходит), а каких-либо

---

⁴⁸³ *Phillips D.* Experimentation in the agricultural Enlightenment Place, profit and norms of knowledge-making in eighteenth-century Germany //Notes and Records: the Royal Society Journal of the History of Science. – 2018. 72. №. 2. P. 163.

⁴⁸⁴ *Вагнер И.* Описание кос употребляемых для кошения хлеба на полях // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 28, Ч. XXVIII. . СПб: Морской Шляхетный кадетский корпус, 1774. С. 146–181.

руководств по написанию «пиес», оно также не выпускало, эта работа носила односторонний и недостаточно системный характер.

Представители академической культуры также привносили в Общество привычки и практики более характерные для «академического очага» культуры Просвещения, отличного от придворной среды, в которой в большей степени ценилась «развлекательная», «куриозная» роль науки (так, например, Миллер в «Ежемесячных сочинениях» и Теплов в «Птичьем дворе» считали важным подчеркивать именно этот аспект научных штудий), отказываясь от нее в пользу академической серьезности и камералистского понимания эффективной практической деятельности.

В этой связи отметим, что вопросы стиля (и правописания) поднимались в рецензиях сравнительно редко. Внимание обращали на частые ошибки, но редко на стиль как таковой: в ремарках И. Тауберта на материалы, присланные для публикации в «Трудах» в 1770 г., содержится отзыв о первой части большого сочинения Ф. Удолова об «Економических правилах»: «Но при том требуется чтоб прежде печатания поручено было кому нибудь переправить в сем сочинении как слог так и орфографию и препинания»⁴⁸⁵. Ряд переводных материалов также отвергались из-за низкого качества перевода, как это было сделано с переводной работой проф. Парата с немецкого языка⁴⁸⁶. Вместе с тем в группе работ, рецензируемых группой Лепехина, Палласа и Лаксмана стремление к эстетизации текста прямо противопоставлялось идее практической пользы: «Много писано только для украшения слога, а самое дело не новое; и описываемая коса не везде употреблена быть может». Эти наблюдения дополняют и отчасти объясняют мнения современников и

---

⁴⁸⁵ Там же. Л. 20.

⁴⁸⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 79. Видимо речь идет о профессоре свободных наук Иване Парате, учредивший пансион в Санкт-Петербурге, в котором обучал студентов иностранным языкам. По сведениям, обнаруженным в Санктпетербургских ведомостях, он умер между летом 1778 г., а рукопись была рассмотрена И. Лепехиным в декабре того же года. См. также: Парат Иван, проф. // Газета «Санктпетербургские Ведомости» XVIII века: Указатели к содержанию (1728–1781 гг.) URL: <https://www.vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=37546>

исследователей том, что сухой и наукообразный язык «Трудов» был одной из причин их низкой популярности.

В завершение этой части работы остановимся еще на двух аспектах внутренней жизни Общества. Несмотря на стремление обеспечить качество материалов, Комитет иногда пренебрегал своими редакционными принципами в угоду общей целесообразности, основные мотивы которой, а именно обеспечение коммуникации с провинцией, мы рассмотрели в предыдущем разделе. Так, комментируя работу И. Ушакова «О прибыточном мочении семян ярового хлеба пред посевом» (опубликованную в 25 части «Трудов» 1773 г.), его члены пришли к выводу, что хотя она не содержит существенных новых сведений, ее следует опубликовать «дабы ободрить сего сочинителя которой и впредь обещает сообщить нашему обществу свои примечания о хлебе... и паче всего приохотить и другим помышлять о сем полезном для целаго общества деле»⁴⁸⁷. Однако в дальнейшем работ этого автора среди публикаций не обнаруживается.

Другой значимой стороной непубличной работы ВЭО было проведение лабораторных исследований. Как показано в современных работах по истории науки, характерной чертой экономического просвещения XVIII в. было соединение научной, производственной и бытовой проблематики в рамках одного дискурса⁴⁸⁸. Об этой тенденции свидетельствует и описание химического опыта, проведенного по поручению Собрания.

В 1772 г. оно поручило члену общества И. Регенсбургеру испытание финифти или «муравле на медной посуде». В опыте использовалась «маленькая данная на пробу кастрюлька», которую исследователь нашел «хорошею, прочною и для варения на огне твердою; ибо я не мог ее согнать –

---

⁴⁸⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 51 об.

⁴⁸⁸ *Anderson R. Relations between Industry and Academe in Scotland, and the Case of Dyeing: 1760 to 1840 // Compound Histories. Brill, 2018. P. 335.* В статье рассматривается степень влияния развития академической химии на процесс окрашивания тканей, насколько пересекались и сочетались социальные роли ученого (академического, университетского) и консультанта для производства. В Германии больше интегрирована химия и горная промышленность, в Шотландии в меньшей степени.

при обыкновенном варении ни квашением самых едчайших вещей; но она разтрескалась только от медной ржавщины в крепкой водке разпушенной. Наконец я варил в оной грешневую кашу с молоком, и дал оной пригореть, а как пригарки стал вываривать, то финифти или Муравли столько сошло».

Однако, поскольку луженая посуда при таком же обращении ведет себя также, Регенбургер посчитал кастрюлю «всегда полезною вещию для порядочных поваров и поварих, которые с осторожностью в оной будут готовить кушанье и наблюдать пользу своих Господ, чтобы она была прочнее, а не будут побрасывать оной по печам и столам и ставить кострюльку на кострюльку и сверх сего будут с осторожностью чистить. Ибо первое есть обыкновенно судя привычка господских поваров, а другие проступки служащих при поварне»⁴⁸⁹. Также он дал несколько советов изобретателю по укреплению краев медной посуды, выполнение которых привело бы ему благодарность «публики». С рецензией Регенсбургера также согласился Бахерахт. Положительные рецензии оставили И.-Г. Модель и Э. Лаксман, подчеркнувшие, что благодаря использованию муравленой меди «почти исполнилось желание Господина Юста»⁴⁹⁰. Они также особо отметили пользу, которая может быть получена от практического применения новых знаний и выразили мнение, что «упражнение и практика... приведет сии первые опыты в большее совершенство, и красоту».

Развернутое описание данного лабораторного опыта свидетельствует о специфике понимания предмета экономического знания причастными экономическому просвещению современниками. Сочетая тезисы, относящиеся к химии (состав изучаемого предмета), предлагая оптимальные с точки зрения долговечности посуды и безопасности для здоровья способы его применения в домашнем хозяйстве, а также язвительные характеристики нравов и трудовой этики работного люда, их авторы представляли экономическое знание в трех взаимообусловленных ипостасях: как предмет

---

⁴⁸⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 32–33 об.

⁴⁹⁰ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 35.

науки, быта и управления домашним хозяйством. Более того, эти ипостаси соединялись и в пространственном отношении: как минимум половина проведенных опытов имела целью смоделировать их использование дома. Впрочем и «химическая» их часть могла быть верифицирована в домашних условиях. Эти наблюдения подтверждают тезис С. Веретта о том, что «ойкономия не была абстрактной системой спроса и предложения или подсчета прибылей и потерь, но представляла собой набор советов и примеров правильного управления людьми и вещами» и «подчеркивала взаимосвязь различных сторон природы»⁴⁹¹.

Вторая тема, на которой необходимо остановиться, касается вопроса о статусе автора «Трудов». Из 528 материалов, опубликованных в периодическом издании ВЭО с 1765 г. по 1801 г. лишь 42 можно отнести к числу работ без прямого указания авторства⁴⁹². Из них 37 полностью анонимны и в 5 случаях указаны только инициалы. При этом 21 текст относится к первой декаде деятельности общества и практически половину (10) от их числа составляют ответы на «Экономические вопросы», значительную часть которых, как отмечалось выше, подготовили прокуроры соответствующих территорий.

Исключением из этой логики была позиция Общества по поводу коллективных работ. Она раскрывается в письменном отзыве члена Комитета князя П. Трубецкого на статью А. Т. Болотова о разделении поля на семь частей, вышедшей в 1771 г.⁴⁹³ – одной из основных его работ в ВЭО, благодаря которой он приобрел устойчивую репутацию англофила в отечественной историографии. Эта рецензия свидетельствует о том, что идея создания общедоступного руководства по ведению сельского хозяйства, воплощенная

---

⁴⁹¹ *Werrett S. Household Oeconomy and Chemical Inquiry // Compound Histories. Brill, 2018. P. 38.*

⁴⁹² Следует отметить, в действительности это число должно быть еще меньше, так как зачастую из двух (или более) последовательно расположенных работ одного автора подписывалось только одно.

⁴⁹³ *Болотов А.Т. О разделении полей // Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 17, Ч. XVII. СПб: Морской Шляхетный кадетский корпус, 1771. С. 175–189.*

впоследствии в «Деревенском зеркале», занимала умы членов ВЭО на протяжении долгого времени и обдумывалась разными лицами.

Трубецкой предлагал превратить работу Болотова «в короткую выписку так что б руководством желающему оное испытать послужить могла особливой тетраткой безобъявления творца напечатать подзаглавием “Полезныя Советы Домостроителю опытами утвердится могущия” или “до любопытных опытов принадлежащая”»⁴⁹⁴. Согласно его рекомендации, «Полезные советы» должны были стать серийным изданием, представляющим не отдельных авторов, а коллективное мнение всего Общества. Распространение этих изданий он в духе устоявшейся практики предполагал делегировать губернаторам: «к господам губернаторам для сообщения охотникам с прозбою уведомлять о том кто к тому приступает...». Для передачи материалов им были предложены 5 губерний, исходя из природно-климатической и хозяйственной схожести: Московская, Санкт-петербургская, Новгородская, Нижегородская и Смоленская.

Таким образом, за исключением потенциальных коллективных работ можно говорить о постепенном изменении социокультурной ситуации, отношения дворян, составлявших значимое число авторов «Трудов», к практике написания научных текстов, и повышении статуса писателя. В этом отношении практика ВЭО заметно отличалась от предыдущего крупного издательского проекта схожей направленности – «Ежемесячных сочинений».

Как показала А.Г. Готовцева, большая часть работ в данном издании публиковалась анонимно. В частности, из нескольких сочинений П.И. Рычкова для этого издания, лишь одна была опубликована с указанием его имени. Решение не указывать свое имя, помимо желания автора–дворянина не ассоциироваться с занятиями наукой или писательским ремеслом, могло объясняться и личными причинами. Так, Рычков связывал его с нежеланием совершенствовать стиль до той степени, которая, по его мнению ожидалась публикой. Говоря о негативном отзыве М.В. Ломоносова

---

⁴⁹⁴ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 378, Л. 42–42 об.

на третью часть «Рассуждений о коммерции», он отмечал, что «я их, да и все мои сочинения делал не ради того, чтоб им в печати быть, но для рассмотрения от искуснейших»⁴⁹⁵.

В этой связи А.Г. Готовцева подчеркивает что в социокультурной ситуации 1750-х – начала 1760-х гг. «литературные и научные труды были в сознании людей того времени вовсе не обязательно написаны для публикации, они могли быть созданы только для удовольствия или для ознакомления с ними близкого круга, а печатание их было делом второстепенным»⁴⁹⁶. Эта идея в целом противоречила позиции большинства представителей Комитета. Для них основным критерием отказа в публикации было именно низкое качество текста. При этом потенциально полезное знание не должно было оставаться непубличным, обсуждаемым немногими.

Двойственность между стремлением обеспечить общую пользу и желанием или нежеланием раскрывать имя автора публике принимала в российской культуре XVIII в. весьма примечательные формы. Так, одну из «экономических книг», переведенную с польского и вышедшую на русском языке с обозначением лишь инициалов переводчика и посвящением князю А.А. Вяземскому, предваряло следующее предисловие: «Хотя сия книжка и без ведома своего сочинителя выходит в свет; но усердие к общему благу и пользе может в сей оправдать каждого продерзости»⁴⁹⁷. В случае ВЭО авторы предпочитали указывать собственные имена, а также старались упоминать имена тех, кого они цитировали.

2.2.2. «Императорское общество»: панегирические тексты в «Трудах» и формы коммуникации с монархом

---

⁴⁹⁵ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Тип. Императорской академии наук, 1867. Т. 2. №. 1. С. 36.

⁴⁹⁶ Готовцева А. Г. Указ. соч. С. 42.

⁴⁹⁷ Легчайшие способы для землепашества, или Правила для благополучнаго домоводства [Переведено с польскаго на российский язык В.[асилием] Ю.[ницким]]. СПб.: печ. при Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе у содержателя типографии Х.Ф. Клена, 1777. С. 3.

Последовательное фокусирование Общества на регулярном выпуске своих работ (особенно в первый период его деятельности) свидетельствовало о более выраженном, чем у ряда зарубежных экономических организаций стремлении репрезентировать свою деятельность в публичном поле. Так, мы уже указывали, что ряд британских обществ (Эдинбургское и Лондонское), а также некоторые известные нам французские ассоциации относились к этому вопросу менее щепетильно и выпускали работы с большими перерывами.

Как представляется, одним из факторов (другие разумеется относятся к характеру финансирования публикаторской деятельности организации и интенсивности ее работы), определивших акцентирование именно этого инструмента взаимодействия ВЭО с окружающим миром, был сам факт императорского покровительства. Данные отношения ставили Общество в ситуацию, в которой от него ожидалось подтверждения на практическом (учитывая субсидирование Кабинетом издательской деятельности) и символическом уровнях высоких ожиданий и уникального статуса. Все это неизбежно делало его частью общего политического контекста, в котором, как отмечали В.М. Живов и Б.А. Успенский, проходил процесс сакрализации и легитимации монарха. С другой стороны, данная социокультурная ситуация в свете «космополитического патриотизма» эпохи создавала дополнительные стимулы к публичному участию в работе Общества для российских подданных и иностранцев, стремившихся обрести символический капитал. Обращение к образу монарха создавало у авторов и читателей «Трудов» представление о том, что императрица благосклонно принимает результаты их трудов и патриотического рвения⁴⁹⁸. Как и другие примеры панегирической литературы, акцентирование подобных отношений между носителем верховной власти и подданными служило задаче идеологического перевоспитания социума⁴⁹⁹.

---

⁴⁹⁸ Р. Уортман. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 142.

⁴⁹⁹ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализация монарха в России) Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: «Шк.

Как показал проведенный нами анализ содержания всех редакторских и авторских текстов «Трудов», возвания к высочайшей покровительнице встречаются на всем протяжении правления Екатерины II. Выявление данных фрагментов проводилось с помощью постраничного поиска таких слов и их форм, как «Екатерина», «императрица»-«императорский», «покровительница», «государыня», которые встречаются в виде единичных упоминаний или в составе развернутых риторических обращений.

Обнаружилось, что частота их появления была переменной величиной. Случаи проговаривания факта императорского покровительства были достаточно редкими в первые десять лет работы, которые считаются временем наибольшей близости Общества к трону. Так, они отсутствуют в 9 из 31 части⁵⁰⁰, изданной до 1775 г. После паузы в редакционной деятельности журнала их становится заметно больше, фактически они встречаются во всех последующих частях вплоть до 1801 г.

Наиболее часто повторяющимся топосом были утверждения о близости ВЭО к монарху. В «Плане Вольного экономического общества» 1765 г. артикулировалась неразрывная связь между вольным статусом первой общественной организации и просвещенным самодержавным правлением: «Общество сие, основанное на добровольном соединении Членов, управляться будет само собою», и «...в таком намерении они, учредя между собою, Общество к поощрению Земледелия и Домостроительства, несомненно надеются, что Ея Императорское Величество их труды без высочайшего Своего покровительства оставить не соизволит»⁵⁰¹.

Покровительство имело зримые формы: в ответном письме Екатерина разрешила использовать «императорский герб» и «собственный Наш девиз,

---

Языки русской культуры», 1996. С. 286. См. также: *Ибнеева Г.В.* Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж.Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История», 2014. Т. 9. С. 24.; *Уортман Р.С.* Указ. соч. С. 153.

⁵⁰⁰ Труды, 1766, Т. 3; Труды, 1768, Т. 9; Труды, 1769, Т. 11, Т. 12; Труды, 1770, Т. 14; Труды, 1772, Т. 22; Труды, 1774, Т. 26, Т. 27, Т. 28.

⁵⁰¹ План Вольного Экономического Общества...

пчелы в улей мед приносящей, с надписью: *Полезное*⁵⁰². Впоследствии это письмо стало главной реликвией Общества и на ежегодных торжественных собраниях, отмечающих дату основания ассоциации, выносили и зачитывали вслух декларацию «принятия Вольного Экономического Общества в Высочайшее покровительство». Более того, эта норма была закреплена в Уставе 1770 г.⁵⁰³

Символические реверансы в сторону императрицы делались и по другим поводам, как правило, в связи со значимыми для монаршей особы датами. Например, было объявлено, что победителю конкурса о вывозе зерна через порт Санкт-Петербурга вручат награду «в первое собрание после торжественного дня Теизоменитства Ея императорского величества»⁵⁰⁴. В XIII части «Трудов» 1769 г. делался акцент на том, что «Определение о награждении... золотою медалию в 70 червонных, учинено будет в первом полном собрании Общества после 22 сентября 1770 года, яко дня высочайшей коронации Ея Императорского Величества всемилостивейшей нашей Государыни и всещедрой Покровительницы Санктпетербургскаго Экономического Общества»⁵⁰⁵.

В ряде панегирических текстов авторы стремились не только подчеркнуть близость императрицы к ВЭО, но и представить его учреждение как реализацию высшего замысла монаршей особы. Осенью 1766 г., вновь избранный секретарь немецкой экспедиции статский советник Якоб Штелин в речи, посвященной своему вступлению, провозглашал: «Екатерина

---

⁵⁰² Письмо Ея Императорского Величества к Вольному Экономическому Обществу // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Т. 1. Ч. I. Без пагинации.

⁵⁰³ О происходившем 30 Октября 1770 года празднестве Вольного Экономического Общества // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 16, Ч. XVI, СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1770. С. 2; Устав Вольного Экономического Общества // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 17, Ч. XVII, СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1771. С. 211.

⁵⁰⁴ Объявление // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Т. 1. Ч. I. С. 172.

⁵⁰⁵ Задача // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1769. Т. 13. Ч. XIII. С. 122–123.

Алексеевна новая Основательница всех в России благ, подала Сама первой случай к заведению сего полезнаго Общества. Проницательный Ея разум был уверен, сколько в России сокровищ не известными еще находятся, откровение коих только от попечения и остроты зависило. Любовь Ея к Отечеству желала уже давно ему лучшаго употребления оных. Всемиловнейшее Ея старание о блаженстве подданных Ея, с высоты престола снизошло даже до низшаго земледелия и справляемого домостроительства»⁵⁰⁶.

В «Продолжении Трудов» подобные тексты встречаются чаще. В Предуведомлении к первой части, увидевшей свет в 1779 г., ВЭО благодарит Екатерину за покровительство в прошлом: «Есть ли Вольное Экономическое общество было в состоянии по сие время издать в 30 частях трудов своих... то сие не иному чему приписать должно, как Высочайшему Покровительству Всеавгустейшия Нашей Монархини, и теми великими благодеяниями, коими сия истинная Мать Отечества с толиким милосердием чрез четырнадцать лет удостоить благоволила сие Общество»⁵⁰⁷.

В «Предуведомлении» к 41 тому 1790 г., панегирик повторяется в общих чертах, однако теперь его авторы сочли необходимым более подробно напомнить своим читателям, на что именно тратит свои средства Кабинет: «...Высочайшему Покровительству Ея Императорскаго Величества, под которым Общество имеет счастье находиться, и приписывать и тем щедротам Всеавгустейшия Монархини, которым собрание наше в состоянии находится печатать свои сочинения, получать разные модели, награждать медалям как сочинителей, так и изобретателей, и доставлять дешевлею ценою книги любителям земледелия»⁵⁰⁸.

---

⁵⁰⁶ Речь Статскаго Советника Штелина при вступлении его в Вольное Экономическое Общество // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, Т. 4, Ч. IV. СПб: Императорская Академия Наук. 1766. С. 189.

⁵⁰⁷ Предуведомление // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 1. Ч. XXI. СПб.: Морской шляхетный кадетский корпус, 1779. С. 9.

⁵⁰⁸ Предуведомление // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 11. Ч. XLI. СПб.: Типография Горнаго Училища, 1790. С. IX.

В ряде сочинений проводилась мысль, что императрица была не только покровительницей общества и его вдохновителем, но и единственным учредителем. Степан Ушаков, бывший губернатор Санкт-Петербурга сообщал читателям, что Общество было учреждено лично императрицей для «полезнейших разных родов изобретений»⁵⁰⁹. В опубликованном в 1793 г. ответе Собрания ВЭО на письмо графа А.Г. Орлова также указывалось, что оно якобы было создано именно Екатериной⁵¹⁰.

После середины 1780-х гг. в авторских текстах появляется обозначение ВЭО как «императорского общества». Использование дополнительных указаний на особый статус ВЭО, видимо, оставалось частной, хотя и получившей широкое распространение инициативой сочинителей⁵¹¹. Впервые мы фиксируем новую практику в VI части «Продолжения Трудов», вышедшей в 1785 г.⁵¹². К 1795–1796 гг. определение «Императорское...» встречалось уже чаще, чем «Вольное» в текстах «писес». При этом никаких изменений в официальном названии организации не делалось.

Напоминания о высочайшем покровительстве были и одним из инструментов, задействованных авторами и руководством Общества для позиционирования себя при коммуникации иностранными организациями. Так, в 1790-е гг. в письмах зарубежным организациям могло использоваться и еще более полное определение «Российское Императорское Экономическое

---

⁵⁰⁹ Его Превосходительства Господина Сенатора и Кавалера Степана Федоровича Ушакова сочинение о плодородии озимаго хлеба // Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 23 Ч. XXIII. СПб.: Морской Шляхетный кадетный корпус, 1773. С. 6.

⁵¹⁰ Ответ на письмо Его Сиятельства Г. Генерала-Аншефа... Алексея Григорьевича Орлова Чесменскаго // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 17, Ч. LXVII. СПб.: Типография Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, 1793. С. 266.

⁵¹¹ Так же можно отметить, что и иностранная корреспонденция, адресованная ВЭО, отправляется именно «Вольному экономическому обществу в Санкт-Петербург». Объявление // Новое продолжение Трудов Вольнаго экономическаго Общества. Т. 2. Ч. LI. СПб.: Типография Содержателя И.К. Шнора, 1796. С. 372.

⁵¹² О лутчем корме и присмотре коров // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 36. Ч. VI. СПб, 1785. С. 95.

Общество»⁵¹³. Характерно и то, что рост зарубежного сотрудничества и более частые упоминания о высоком статусе организации хронологически совпадают. В этом контексте можно еще раз процитировать статского советника Штелина: «... какой великолепной повод ко исполнению вашего старания подает вам почти неограниченное российское государство, и к какому восхищенному поощрению не побуждает сие Общество Всемиловнейшее благоволение, щедротою преисполненное подкрепление, и высочайшей... Екатерины Второй. Преимущества, коими никакое другое Экономическое Общество в Европе похвалиться не может»⁵¹⁴.

Таким образом, апелляции к образу монарха в проанализированной первой группе текстов имели целью обосновать высокий статус общества. Частота его использования постоянно возрастает и достигает максимума к 1790-м гг. Несмотря на ухудшение личного отношения императрицы к ВЭО, оно продолжало пользоваться символическими формами покровительства, не упускало возможности подчеркнуть свой статус и прославить царственного патрона.

Во второй группе панегирических текстов образ императрицы и описание ее трансцендентных качеств транслируется в качестве примера патриотически настроенным согражданам. В этом отношении авторы ВЭО также действовали в соответствии с распространенными в российской политической культуре паттернами.

К примеру, в «Трудах» обнаруживаются тексты по мысли сходные с речью вице-канцлера А. Голицына на вступление Екатерины на престол. Как отметил Р. Уортман, «подписанная ими [подданными — К.П.] присяга обязала их жить и действовать также самоотверженно, как и сама императрица»⁵¹⁵. Подобная мысль проводилась в Уставе 1765 г.: «Вседражайшая наша

---

⁵¹³ Так, например, в послании в адрес «Британского земледельческого общества». Продолжение известий 1793 года // Новое продолжение Трудов Вольного экономического Общества. Т. 1. Ч. 1. СПб: Типография Содержателя И.К. Шнора, 1795. С. 402.

⁵¹⁴ Речь Статского Советника Штелина... С. 188–189.

⁵¹⁵ Уортман Р.С. Сценарии власти... С. 175.

Монархиня и Матерь Отечества, полагая главнейшее Свое упражнение в изыскании всего того, что способствовать может благосостоянию верных Ея подданных, представляет неусыпным своим Трудом... которым подражать долг к Отечеству всякому истинному патриоту повелевает»⁵¹⁶.

Впоследствии ряд авторов конкретизировали общий посыл Устава. Так, Р.Л. Воронцов в статье «О заведении запасного хлеба» обращается в первую очередь к поместному дворянству и служащим, отвечающим за государственных крестьян: «Я надеюсь, что дворянство и имеющие у себя в ведомстве крестьян, взирая на неусыпное попечение Ея Императорского Величества всемилостивейшей нашей Государыни, которая во все пределы Своея обширныя Империи простирая Высокомонарший свой взор, по великим Своим для пользы Отечества подъемлемым трудам, не оставляет призреть и на самые малые вещи и течения дел, устремляя разныя к благосостоянию нашему полезные учреждения... каждый по силам своим и способностям»⁵¹⁷.

Анонимный автор «Дружеских советов благородным сельским жителям», сделав акцент на заинтересованности императрицы в решении проблем земледелия – «Великая Екатерина Вторая, по неописанным щедротам снисходит с своего Императорского престола, и касается и касается освященными Своими руками до опытов в земледелии», – считал нужным дополнительно подчеркнуть, что именно монаршее внимание делает возможным общепатриотический характер Общества: «От ныне умолкнет неистовая гордость презирать в низости живущих поселян, когда Великая Екатерина сама признавает важность их трудов и колико они к благосостоянию своего любезнаго отечества споспешествуют. Не их ли руками сооружаются великолепные дома, и почти до облак возвышающиеся олтари?»⁵¹⁸. Пафос автора «Дружеских советов» соответствует положениям

---

⁵¹⁶ Устав Вольнаго Экономическаго Общества // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, СПб., 1765. Т. 1, Ч. I. Без пагинации.

⁵¹⁷ *Воронцов Р.Л.* О заведении запасного хлеба // Труды Вольнаго Экономическаго Общества Т. 2, Ч. II. СПб: Императорская Академия Наук, 1766. С. 4.

⁵¹⁸ Дружеские советы благородным сельским жителям, в двух отделениях состоящие: из оных первое о Добродетели и Пороках, второе о Земледелии и Домостроительстве // Труды

параграфов про земледелие в XII–XIII главах «Наказа» и общему духу документа, в котором последовательно проводилась мысль, что только государыня может в полной мере оценить и признать труды представителей разных социальных групп⁵¹⁹. Этот тезис был повторен и пастором Грасманом в ответе на придуманную Екатериной задачу об «удобрении земли в Копорском уезде без сжигания кубышей». В частности, автор перечислял такие ее качества, как «кротость» и «человеколюбие», которые «до самого последнего подданаго простираются» и подчеркивал, что всякий из них готов «исполнять всеми силами намерения всемилостивейшей своей Государыни»⁵²⁰.

На экстраординарность того, что императрица лично занимается проблемами земледелия, указывал италянец Иосиф Боногурий: «тот государь, который снизойти благоволит до управления скипетродержавными руками земледельческого орудия, и хотя единожды в год с хлебопашцами беседующий, весьма увеличит пред другими государство свое»⁵²¹. Этот текст явно был вдохновлен представлением (которое содержится и в «Наказе») о Китае как наиболее успешной с точки зрения развития земледелия державе – считалось, что китайский монарх принимает непосредственное участие в организации сельского хозяйства.

В некоторых статьях образ императрицы риторически использовался для побуждения читателей к решению насущных проблем социума. Так,

---

Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1767. Т. 6, Ч. VI. С. 15.

⁵¹⁹ См.: Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 147–148; Бугров К.Д. «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8 № 3/2, 2016. С. 31.

⁵²⁰ Господина Пастора Грасмана сочинение на задачу о удобрении земли в Копорском уезде... // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 19, Ч. XIX. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1771. С. 36.

⁵²¹ Боногурий И. Способ к размножению нужнейшего и прибыточнейшего рода хлеба в Российской империи // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 24. Ч. XXIV. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1773. С. 9.

доктор Бахерахт в сочинении о падеже рогатого скота в Санкт-Петербургской губернии, опубликованном в 1772 г., подчеркнул, что основная причина распространения заразных болезней животных кроется в неосторожности, нерадении и незнании обывателей, которым следовало бы брать пример с государыни. В качестве примера он приводил события московской чумы 1771 г.: «во время бывшей в Москве заразительной болезни, которая по незнанию и небрежению вдруг усилилась, но превосходными разпоряжениями нашей Премудрой Монархини толь же скоро истреблена во время вредного ея действия»⁵²².

В уже процитированной выше работе Степан Ушаков, предваряя содержательную часть своего сочинения, обращается лично к императрице и провозглашает, что сподвигнуть его на полезную отечеству деятельность помог высочайший пример и, прося Екатерину принять свой труд, обещает посвятить «прочую жизнь мою на изыскание и открытие других польз, в неизвестности по причине нерадения земледельцов доселе остававшихся, или, справедливее сказать, самих помещиков, которые особливо к тому все способы иметь могут»⁵²³.

В «Продолжении Трудов», вышедших после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и событий пугачевского восстания, мотивы мира, спокойствия и внутреннего благоденствия, которые охранялись императрицей, обрели новую актуальность. Об этом во вступительной речи писал Алексей Репьев в части 1778 г.: «Сколь Россия ЕЮ ошастливлена, и чем не пользуется? В войнах победам; в мире и спокойствии внутреннем Ею возстановленном новыми собственными трудами ЕЯ учреждениями правительств...»⁵²⁴. Они были использованы и анонимным автором «Опытов поправления крестьянских

---

⁵²² Господина Доктора Бахерахта сочинение на заданную для решения задачу о падеже рогатого скота // Труды Вольнаго Экономического Общества. Т. 21. Ч. XXI. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1772. С. 7.

⁵²³ Его Превосходительства Господина Сенатора и Кавалера Степана Федоровича Ушакова сочинение о плодородии озимаго хлеба // Труды Вольнаго Экономического Общества, Т. 23, Ч. XXIII. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1773. С. 6.

⁵²⁴ Благодарительная к Обществу речь // Продолжение Трудов Вольнаго Экономического Общества, Т. 31, Ч. I. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1779. С. 153.

жилищ»: «Она воспримет не токмо от потомков державы Ея достоудное благодарение из уст младенцев и седидами покрытых старцев; но и прочие племена воздадут Ей жертву хваления за спокойствие и внутреннее благоденствие»⁵²⁵.

Недавние события внешней политики получили освещение в работе 1787 г. Данилы Писчекова о чищении соли. Автор отметил новые преимущества, которые получило Российское государство вследствие политики Екатерины: «Умножение сего действительного в России богатства от часу умножается, а особливо приобретением Таврической области, под счастливым владением Великия Обладательницы Екатерины II к изобилию и благосостоянию подданных»⁵²⁶.

Дидактический подтекст обнаруживается в проведенной в 1791 г. компании по отправке экономических сочинений в училища десяти городов Санкт-Петербургской губернии: «по сношении с приказом Общественного призрения, отдаст он в градские училища, Всемилостивейшим Ея Императорскаго Величества о просвещении верноподданных своих промыслом устроенныя, дабы учителя в свободное время поощряли учеников своих такие полезные сочинения прочитывать...». Помимо практической пользы этот жест обладал и символическим значением и должен был стать «залогом почтения его к Вольному Экономическому Обществу, и глубочайшего благоговения ко Всемилостивейшей Монархине, Покровительнице онаго»⁵²⁷.

В некоторых текстах авторы при описании трансцендентных качеств императрицы привлекали мифологические (как правило, восходящие к античности) или религиозные образы.

---

⁵²⁵ Опыт поправления крестьянских жилищ // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества, Т. 34, Ч. IV. СПб: Типография Шнора, 1783. С. 200.

⁵²⁶ Писчеков Д. О новом способе перечищения поваренной соли // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества, Т. 37, Ч. VII. СПб: Типография Горнаго Училища, 1787. С. 4.

⁵²⁷ Произшествия Вольнаго Экономическаго Общества // Продолжение Трудов Вольнаго экономическаго Общества. Т. 44, Ч. XIV. СПб, Типография Горнаго Училища, 1791. С. 86–87.

В речи по случаю вступления в Общества, опубликованной в первой части «Трудов», З.Г. Чернышев провозглашает, что благодаря Екатерине Отечество может «присоединить к славе его военных триумфов и богатство его жатвы», а сама императрица «к Минервину щиту соединяет и Церерин серп»⁵²⁸.

В работе «О приготовлении навоза» магистра Регенсбургера содержится любопытное определение Бога как «предводителя всех экономических обществ»: «О! сколь великое бы получил сей пленяющий вид приращение, еслиб еще к тому наибольший економ, предводитель всех экономических обществ, властитель властителей, всемогущий зиждитель, для славы России и для вечно незабвенной похвалы нашей Вседержавнейшей Государыни Екатерины Великой против врагов Ея исторгнутые мечи преславным вечным миром, в серпы и плуги обратил, радость бы о том была всеобщая, она являлась бы в отдаленнейших местах пространной России; любовь, дружба, прилежание и усердие на всех полях и лугах являло бы неусыпное трудолюбие земледельцов...»⁵²⁹.

Схожие размышления мы встречаем в работе доктора Бахерахта о прививании оспы. Он подчеркнул, что именно императрица, заботясь не только о народе империи, но и о всем человечестве, первой в России сделала прививку от этой болезни и, «подражая ей», сам наследник престола⁵³⁰. Этот сюжет появится на страницах Трудов еще несколько раз. В 1773 г. Федор Пассек посвящает императрице панегирик, сравнивая Екатерину с античными героями: «Не надобно нам себя относить до баснословных времен, и не нужны нам примером ни Кодр, ни Курий... ни Селевк, ни Брут... всех превосходит в то наша Великая Монархиня. Она к сохранению жизни своих подданных несла

---

⁵²⁸ Речь, говоренная в собрании при вступлении в Вольное Экономическое Общество... Захаром Григорьевичем Чернышевым // Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 1. Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 175.

⁵²⁹ *Регенсбург И.Д.* О приготовлении навоза // Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Т.18, Ч. XVIII. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1771. С. 170.

⁵³⁰ Его же Господина Бахерахта описание и наставление о прививании оспы // Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Т.21, Ч. XXI. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1772. С. 66.

свою собственную и дражайшего своего Наследника жизнь»⁵³¹. Затем следовал риторический вопрос: «Которое Европейское государство то может нам показать?». Своими учреждениями, провозглашает автор, Екатерина, воздвигла себе «неразрушающийся монумент». В работе «Определение земли на одно крестьянское тягло» П. Грасман еще раз напомнил читателям о жертве императрицы ради блага своих подданных: «Обоготворенная подданными своими Екатерина отдает себя, и единого своего сына, пресветлейшего наследника престола, на жертву; дабы своим первым примером приведенному в ужас подданному подать наставление, сколь неустрашима сия прелюбезнейшая Монархиня, и сколь она готова не щадить и жизни своей, когда благоденствие Государства того востребует!»⁵³².

Панегирическая риторика «Трудов» выполняла и еще одну значимую функцию. Когда Р.Л. Воронцов советовал помещикам брать пример с императрицы и «призреть малые вещи», а С. Ушаков обвинял их в том, что они не стараются для «открытия пользы», можно увидеть в этих жестах попытку позиционировать ВЭО в качестве медиатора между российским социумом и императрицей. Отблески славы, окружавшей самодержицу, падали и на патронируемую ей ассоциацию, не имевшую прямых аналогов в российской истории и в современной Европе. Возможно поэтому в проанализированных текстах Екатерина практически не сравнивается с Петром I и другими предшественниками, что было характерно для других панегириков, используемых для легитимации ее пребывания на троне⁵³³.

Примечательно, что риторика ВЭО в отношении фигуры монарха оставалась такой же и в следующее правление. На страницах единственной

---

⁵³¹ *Пассек Ф.* О прививании оспы // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 25, Ч. XXV. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1773. С. 78.

⁵³² *Грасман П.* Определение земли на одно крестьянское тягло // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 29, Ч. XXIX. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1775. С. 26.

⁵³³ *Ибнеева Г.В.* Коммуникативное пространство церемониала путешествий Екатерины II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2015. С. 297.

вышедшей в правление Павла части «Трудов» Общество по-прежнему именовалось некоторыми авторами «императорским», а секретарь общества Андрей Нартов в торжественной речи перед чрезвычайным собранием ВЭО в день рождения императора заявил, что «Священным Великия Екатерины глаголом восприяло оно первое бытие свое; Ея щедротою оно утвердилось и укрепилось; Ея защитою и покровом оно возвысилось и распространилось, а Великий Павел даровал оному нынешнее его существование»⁵³⁴.

2.2.3. Патриотическая риторика: общественное благо и частный интерес, роль науки

Ранее мы обозначили связь между идеями экономического просвещения и патриотизма в европейской литературной традиции раннего нового времени⁵³⁵. В историографии российской интеллектуальной и общественной истории утвердилось мнение о том, что разработка тематики патриотизма в российском публичном дискурсе после восхождения Екатерины II на престол заметно активизировалась. В частности, политическая элита придавала особое значение вопросам развития гражданской добродетели и налаживания политической и социальной коммуникации между сословиями и отдельными индивидами. При этом акцентировалось наличие у различных сословных групп своих собственных обязанностей перед государством⁵³⁶.

---

⁵³⁴ *Нартов А.А.* Речь Его Превосходительства Андрея Андреевича Нартова о пользе минералогии в отношении к хлебопашеству // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 52. Ч. III. СПб, 1798. С. 375.

⁵³⁵ *Poplow M.* «Economizing Agricultural Resources»... p. 261–287; *Id.* Knowledge Management... pp. 413–433; *Campbell P.* The language of patriotism in France, 1750–1770. e-France: an online journal of French studies, 2007, 1. pp. 1–43.

⁵³⁶ См.: *Schierle, I.* Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia. *Ab Imperio*, vol. 2009 no. 3, 2009, pp. 65–93; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. — 448 с.; *Сдвижков Д.* Самодержавие любви: 1812 год как роман. Отечественные записки №6 (63), 2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman> (дата обращения: 08.01.2023); *Dickinson S.* Отечество, отчизна, родина: Russian ‘Translations’ of Patrie in the Napoleonic Period // *French and Russian in Imperial Russia*, vol. 2, edited by Derek Offord, Lara Ryazanova–Clarke, Vladislav Rjèoutski, Gesine Argent. Edinburgh University Press, 2015, pp. 179–196.

В этой части исследования мы продолжим рассмотрение вопроса об идейных основах функционирования ВЭО в российском социуме, перейдя от анализа представлений сочленов о высоком статусе Общества и его связи с просвещенным монархом, к рассмотрению их коллективных и индивидуальных воззрений о путях достижения общего блага. В основе нашего обзора также, как и в предыдущей части, лежат результаты текстологического анализа редакторских и авторских материалов, содержащих упоминания и раскрывающих трактовку таких ключевых для дискурса экономического просвещения концептов, как «отечество», «патриотизм» и государственная или общенародная «польза».

Уже в первой редакции Устава было предложено определение патриотизма как заботы о «народной пользе», стремясь к которой каждый член общества (вне зависимости от социального положения) должен был заслужить имя «истинного и усердного Патриота»⁵³⁷. Воплощением истинного патриотизма называлась сама императрица, а членам Общества предлагалось подражать её заботе о «благосостоянии всех Ея поданных»⁵³⁸.

«Народная польза» имела два семантических измерения. Первое из них касалось проблемы международной конкуренции⁵³⁹, также акцентированной в Уставе. О необходимости повторить и превзойти успешный опыт развития экономики других странах писали и в других материалах ВЭО. Так, в 1766 г. эту мысль по-своему повторил бригадир А.В. Олешев. Он проследил прямую связь между экономией, наукой и успешным развитием государства: «хотя к познанию или к совершенству оных разные народы доходили не в одно время и не одними способами; но те всегда, мнится мне, в своих предприятиях

---

⁵³⁷ Устав Вольного Экономического Общества // Труды Вольного Экономического Общества, СПб.: Императорская Академия Наук, 1765. Т. 1, Ч. I. Без пагинации.

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ *Marjanen J.* Moral economy and civil society in eighteenth-century Europe: the case of economic societies and the business of improvement. *Journal of Global Ethics* 2015, 11:2. P. 210. Как отметил Я. Марьянен, моральная экономика европейских интеллектуальных элит, принимавших участие в деятельности экономических обществ, основывалась на представлении о конкурирующих в сфере коммерции государствах, а сам процесс этой конкуренции обуславливал возникновение политических и социальных кризисов.

удачнее были, которые о нужном себе отменное от других попечение имели»⁵⁴⁰.

Второе измерение народной пользы – значительное более обширное и дискуссионное, чем первое – означало необходимость обеспечения прогресса технических средств хозяйствования и одновременного достижения социальной гармонии. Ожидаемо на первый план выходили проблемы земледелия и домостроительства, а также взаимодействия крестьян и помещиков.

Мостик от проблемы международной конкуренции к проблематике внутреннего развития перебросил З.Г. Чернышев. Он посчитал нужным подчеркнуть зависимость военной мощи страны от уровня развития земледелия: «Остается мне, почтенному Собранию только к примечанию представить, что и военное состояние, которое казалось бы быть со всем неимеющим сопряжение с земледелием [любовию мира и тишины], его же основанием и твердостью своею почитает. Какой бы способ был содержать многочисленныя войска, столь нужныя и необходимыя к охранению государства, естли бы земледелец трудов своих к тому не прилагал... Откуда бы наконец и война взять, естли бы тех мест не было, где трудолюбивой и попечительной земледелец жительство свое имеет?»⁵⁴¹».

В свою очередь Т.И. Клингштедт посчитал нужным указать, что проблема развития российского государства не может быть решена прямым заимствованием европейского опыта и привлечением европейских специалистов: «Ежели государство наполнить прикащиками и протчими разумеющими хозяйство служителями иностранными, то сие будет с одной стороны очень дорого стоять, да к тому ж и не достигнется тем главной

---

⁵⁴⁰ Олешев А.В. О неурожае ржи, особливо 1766 года // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 5. Ч. V. СПб: Императорская Академия Наук, 1767. С. 30.

⁵⁴¹ Речь, говоренная в собрании при вступлении в Вольное Экономическое Общество... Захаром Григорьевичем Чернышевым // Труды Вольного Экономического Общества... Т. 1. Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 175. См. также: *Storrs C. Introduction: The Fiscal-Military State in the 'Long'Eighteenth Century // The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe. Routledge, 2016. P. 21.*

предмет: ибо искуснейший в сем случае иностранец, пребывая долго в совершенном незнании разности здешняго климата земли, нрава крестьян и разных здешних обыкновений, может в хозяйстве больше причинить беспорядка, нежели принести прибыли... Всеобщия вкорененные злоупотребления, которые неким образом можно почитать народными злоупотреблениями, не могут иначе быть отвращены, как воспитанием, или обучением своих национальных людей, исправляя оныя почти неприметным образом и без принуждения...»⁵⁴². Таким образом им указывался и путь позитивной трансформации социума – постепенно изменение нравов, повышение сознательности «национальных людей».

Проблема выбора инструментов подобной трансформации живо интересовала и помещика Ф. Удолова. Однако в своем «Собрании экономических правил» он посчитал нужным акцентировать дисциплинирующий аспект Просвещения. Так, рассуждая о социальных последствиях перевода крестьян на оброк, он признавал, отчасти противореча рассуждениям «Наказа», что «Нельзя думать, чтоб все крестьяне пожелали земледельцами быть; некоторые за скудостью и одиначеством будут не способны, а другия сделая привычку к таким упражнениям, которые обществу столько же нужны, как и земледелие; или когда господин захочет половину крестьян своих для экономии земледельцами, а другую, для денежных податей, бобылями иметь, того ради должно оставаться обылями или безтяглыми крестьянами немалому числу, для исправления в государстве общих работ и платежа господам денежных доходов». При этом он подчеркивал целесообразность просвещения крестьян относительно их места и роли в социальной иерархии и отводил особое место в этих рассуждениях категории государственной пользы: «Прежде всего надлежит стараться, чтоб земледельцы и бобыли о своих делах рассуждали так, что они не для одной

---

⁵⁴² *Клингшдет Т.И.* О необходимой надобности в средствах, снабдить здешних помещиков способными и надежными приказчиками // Труды Вольнаго Экономического Общества. Т. 5., Ч. V. СПб: Императорская Академия Наук, 1767. С. 63.

только собственной пользы упражняются... но тем обязаны служить во первых государю, по том помещику и всему обществу, и быть безпрекословными данниками, не воображая никаких в своем звании невозможных случаев, а при том представлять себе в пример военных людей, которые за отечество предаются во все опасности и жертвуют самую жизнью»⁵⁴³.

Представление о патриотизме как о совместном исполнении каждым поданным своего долга подчеркивалось в сочинениях представителей группы «интеллектуалов» И. Регенсбургера и Я. Штелина. При этом они делали акцент на обязанностях помещика перед своими крестьянами. Так, первый указывал, что «я в несомненной нахожусь надежде, естли только помещики, поселяне, художники, мещане и ремесленники каждой свою должность с прилежанием... исполнять и друг другу вспоможение чинить будут... тот предмет, которой великое вольное златодостающее Общество в России для общей пользы отечества своего, в намерении своем имеет, безпрепятственно до желанного конца достигнет»⁵⁴⁴. Во втором тексте указывалось, что «Помещику надлежит всячески стараться о безопасности своих подданных и их имущества, а особливо в разсуждении целыя деревни»⁵⁴⁵. Также авторами – этническими немцами подчеркивалась объединяющая миссия ВЭО. К примеру, печатавшиеся в «Трудах» ученые – преимущественно выходцы из Германии достаточно часто отмечали (например И. Леман в завершении «Описания синей земли»), как полученный ими за рубежом научный или хозяйственный опыт в конечном итоге мог быть полезен российскому государству⁵⁴⁶.

Наконец, в 1792 г. автор подписавшийся «К.» предложил негативную трактовку принципа, согласно которому в иерархии сословий, у каждого из

---

⁵⁴³ Удолов Ф. Собрание экономических правил // Труды Вольнаго Экономического Общества. Т. 15, Ч. XV. СПб: Морской Шляхетный Кадетский корпус, 1770. С. 174, 178.

⁵⁴⁴ Регенсбургер. Указ. соч. С. 170.

⁵⁴⁵ Штелин Я. Способ к соблюдению строения от молнии // Продолжение Трудов Вольнаго Экономического Общества. Т. 35, Ч. V. СПб: Типография Шнора, 1784. С. 144.

⁵⁴⁶ Так, из 15 учредителей ВЭО 6 были русскими немцами.

них были свои четко определенные функции. Признавая власть помещика над проживающими на его земле крестьянами, он указал, что «Помещик должен иметь над сею землею смотрение и право делать добро; но ни которому из сих труждающихся подданных в отданной им собственности вредить»⁵⁴⁷.

Другим аспектом патриотической риторики было обоснование полезности наук, просвещения и, как следствие, членства в Обществе. Эти критерии в дискурсе авторов ВЭО наделялись свойствами этического регулятора. Данная риторическая стратегия вполне соответствовала европейскому опыту. Так, Я. Марьянен в своей обобщающей работе по идеологии экономических обществ указал, что многие из них в своих публикациях стремились провести четкую разделительную линию между теми, кто принимает участие в их деятельности, и теми, кто не мог или не имел желания этого делать⁵⁴⁸. Последние (представители низших, так и высших социальных страт), как отметила в исследовании датских патриотических ассоциаций, Ю. Энгельгардт, становились «объектами дискурса исправления и просвещения»⁵⁴⁹.

Уже в ранних текстах проговаривалась мысль о пагубных последствиях неизученности России. Т.И. Клингшдет полагал, что земледелие «должно быть почитаемо золотою жилою» России и в будущем станет основным и устойчивым источником ее доходов, которые обеспечат ей стабильное положение в Европе⁵⁵⁰. Препятствовал этому недостаток знаний россиян о собственной земле: «Не можем мы показать недостатков в нашем земледелии, и выхвалять нашим земледельцам Практику иностранных народов... не приобрета прежде точнаго сведения о различии земли и климата разных провинций...»⁵⁵¹.

---

⁵⁴⁷ [К.] О заведении новаго сельскаго домостроительства // Продолжение Трудов Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 45, Ч. XV. СПб: Типография Горнаго Училища, 1792. С. 270.

⁵⁴⁸ *Marjanen J. Moral economy...* P. 208.

⁵⁴⁹ *Engelhardt, J. Op. cited.* P. 205.

⁵⁵⁰ *Клингштедт Т.И.* Решение вопроса: который из земных продуктов больше соответствует общей пользе и распространению нашей коммерции... .1. Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 162.

⁵⁵¹ Там же. С. 158.

Пастор Э. Лаксман в речи к собранию представил Российскую империю в качестве *tabula rasa* для энтузиастов экономического просвещения, иронично отметив, что именно в России можно избежать появления «худых Экономических книг» потому, что до учреждения ВЭО никто в принципе не брал на себя труд распространять экономическую литературу⁵⁵².

Структура социального состава ВЭО, а также контекст дискуссий о статусе освобожденного дворянства, обусловили появление на страницах «Трудов» таких концепций патриотизма, транслируемых авторами-дворянами, в которых, с одной стороны, провозглашалось исключительное положение этого сословия⁵⁵³, а с другой декларировался моральный императив просвещать себя и других, бороться с общественными пороками (используя в качестве ориентира пример монарха и собственные качества характера)⁵⁵⁴. При этом ряд авторов ВЭО предлагали различные трактовки хозяйственной и моральной сторон экономии вообще и помещицкой в частности, и по-разному выстраивали тройственную оппозицию между общим благом государства, частным экономическим интересом и предрассудками. Последние особенно применительно к дворянству рассматривались ими как девиантное поведение, противопоставленное образу жизни, основанному на идеалах Просвещения. В этом отношении подобные тексты соответствовали содержанию идеологического проекта Екатерины, одной из задач которого, по мнению М. Конфино, было «закрепление новой традиции, ее официальное

---

⁵⁵² Лаксман Э. Речь пастора Лаксмана // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 11, Ч. XI, СПб: Императорская Академия Наук, 1769. С. 84.

⁵⁵³ В качестве примера можно привести проект Р.Л. Воронцова, написанный накануне сбора Уложенной Комиссии. Он вводит мотив союза монархии и дворянства: «Сравнивая всех европейских держав истории с российской, ни в которой не сыщется примеров, чтобы дворянство в других государствах имело такую верность к своим государям, какую российское всегда имело к своим монархам». Согласно Воронцову, одним из важнейших задач дворянства было «удержание прочих людей в пределах тишины и повиновения». Цит. по: Киселев М. А., Криворучко А. С. Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3 (26). С. 116–117.

⁵⁵⁴ Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. Университета, Университетское изд-во, 2016. С. 242–244.

утверждение в качестве единственно приемлемой и как социальной нормы для политической, бюрократической и интеллектуальной элиты»⁵⁵⁵.

Так, А.Т. Болотов в работе «О хлебопашестве вообще» отмечал, что «усердное желание видеть хлебопашество в любезном нашем отечестве скорее в лучшее состояние приведенным, и несомненная надежда, что при нынешних благополучных временах и при вожделеннейшем к тому случае не преминут многие из сограждан о том с своей стороны стараться»⁵⁵⁶. Однако, «старания» могут быть явно недостаточны, потому что «не простираются они далее, как до таких вещей, до каких простирались они при предках наших: следовательно, остаются всегда в одних пределах»⁵⁵⁷.

Анонимный автор «Дружеских советов благородным сельским жителям» указывал, что представление об общем благе недоступно людям непросвещенным⁵⁵⁸: «Учением приобретается познание и ясное понятие о вещах, способствующих приумножению человеческой пользы. Науки открывают и показывают путь не к одним знаниям... оне ведут и к добродетели»⁵⁵⁹. В контексте помещичьей экономии это означало и смягчение нравов: «Милость и благодеяние господина к своим подвластным есть добродетель, а неумеренно наказание пороков»⁵⁶⁰.

Схожим образом акценты расставлял и Т.И. Клингштедт: «Леность» земледельцев представляется ему главной проблемой совершенствования экономии, однако им порицалась отсталость не только крестьян, но и самих помещиков. Как и автор вышеуказанного текста, он отмечал, что движение к общему благу неразрывно связано со смягчением нравов и осуждает

---

⁵⁵⁵ *Confino M.* Op. cited. P. 87.

⁵⁵⁶ *Болотов А.Т.* Примечания о хлебопашестве вообще // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1768, Т.9, Ч. IX. С. 31.

⁵⁵⁷ Там же. С. 38.

⁵⁵⁸ Дружеские советы благородным сельским жителям, в двух отделениях состоящие: из оных первое о Добродетели и Пороках, второе о Земледелии и Домостроительстве // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1767. Т. 6, Ч. VI, С. 3.

⁵⁵⁹ Там же. С. 4.

⁵⁶⁰ Там же. С. 7-8.

помещиков за варварские методы принуждения крестьян к работе. При этом прерогатива нравственной оценки действий помещика возлагается на местное дворянское сообщество: «Кто того [порочных действий – К.П.] чинить не постыдиться, тот немедленно наживет себе не токма худую славу, но и справедливое презрение товарищей своих»⁵⁶¹. В этом отрывке виден социальный оптимизм автора – перед читателем разворачивается инверсия коллизии «Мнимого глухого и немого» Д.И. Фонвизина – не достойному дворянину приходится притворяться больным и тайком запечатлевать низость своего окружения, а порочный «варвар» должен жить в ожидании справедливого суда местного благородного сообщества.

Спустя более чем четверть века Ф.И. Туманский, также распознавший основную причину «препятствующую усовершенствованию хозяйства в России» в пороках и нерадении помещиков, обращается за примерами к античной истории и воспекает право римских цензоров лишать гражданских прав тех, кто «не прилежно смотрел за своим полем или вертоградом», которого, очевидно, нет в распоряжении российских властей⁵⁶². Критикуя любовь к роскоши, он отмечал (повторяя положения Наказа), что именно она является не только препятствием для развития земледелия, но и угрозой всему социальному порядку: перевод крестьян на оброк создавал ситуацию, в которой крестьяне будут оставлять деревни для того, чтобы добывать необходимые помещику деньги.

П.И. Рычков обнаружил идеал экономии в недавнем прошлом, подчеркивая прежде всего его морально-этическую сторону: «земледелие в старину было в лучшем состоянии, чем в современную ему эпоху: правители и самые хорошие помещики почитали у нас за первый пункт к чести и благоденствию умножать в крестьянах охоту к земледелию и, живучи в

---

⁵⁶¹ *Клингшметт Т.И.* Изъяснение способа к поощрению земледельцов к трудолюбию // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Морской шляхетный Корпус, 1770. Т. 16, Ч. XVI, С. 248.

⁵⁶² *Туманский Ф.И.* Г. Туманского речь о некоторых причинах препятствующих усовершенствованию хозяйства // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, СПб, 1794. Т. 49, Ч. XIX, С. 309–310.

деревнях своих умеренно, сами были в том предводители и надзиратели»⁵⁶³. Теперь же «дети их и наследники, имея тоже число крестьян или еще и меньше и чин субалтерна или не выше капитанского, живучи в деревнях своих уволенными от службы, не жалея себя и крестьянства своего, свою возможность употребляют в те излишества, о коих выше упомянуто...», т.е. переводят их на оброк и отправляют на заработки в город. Далее Рычков отказывается продолжать, объясняя это нежеланием настраивать против себя именно то местное сообщество, которое согласно рассуждениям Т.И. Клингштедта и должно было выступать агентом просвещения: «О прочем в рассуждении нынешняго деревенскаго житья не вступаю уже в подробности, дабы не раздражить мне тем многих моих знакомцев, соседей и приятелей»⁵⁶⁴.

В «Наказе для прикащика» П.И. Рычков уделит более пристальное внимание необходимости поиска компромисса между «приватной» и государственной экономией, частными интересами землевладельцев и интересами государства и: «... простительно мне будет, ежели где возомнится, яко бы я не по намерениям некоторых помещиков, или очень мало соблюдал их права и пользу. Мое основание в сочинении сего было то, чтобы доходы и польза их умножались прочно, не лишая и крестьян их собственных выгод, поелику оные им нужны, и сколько сопряжены они с государственною Экономиею»⁵⁶⁵.

Образцом дворянского честолюбия, направленного на достижение общего блага, была семья самого Рычкова. 25 ноября 1769 г. ему была присуждена серебряная медаль за сообщение разных сочинений и опытов, а его жене 20 января 1770 г. – золотая медаль за усердие и присылку рукоделия – колпака и ширинки холста из пуха кипрейника. В поздравительном письме И. Тауберт выразил надежду, что ее пример вдохновит других дворянок: «Я

---

⁵⁶³ *Рычков П.И.* Примечания о прежнем и нынешнем земледелии // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, Т.6, Ч. VI, СПб: Императорская Академия Наук, 1767, С. 58.

⁵⁶⁴ Там же. 61.

⁵⁶⁵ *Рычков П.И.* Сочиненный Господином Статским Советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенскаго управителя // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, Т. 16. Ч. XVI. СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1770. С. 11–12.

поздравляю ее с ее отличной честью, о которой известна уже всемиловейшая государыня, и которая всемерно возбудить должна и других дворянских жен к подражанию ее примеру»⁵⁶⁶.

В свою очередь магистр Регенсбург прямо противопоставлял богатство частных лиц и общее благо государства: «И так, нахожу я себя принужденным следующее сделать заключение, что лучшие всяких родов изобретения, сколько бы полезны они в прочем ни были, никогда желанных выгод для государства произвести не в состоянии, доколь ими только частные особы пользуются, ибо естли [что весьма ясно], прямая польза вещей и изобретения надлежащего своего предмета достигнут должна, то надлежит, чтоб оные, [а паче всего до хлебопашества и сельскаго домостроительства касающаяся] всем вообще и каждому особливо известна была надлежит, чтоб все члены земледельства и домостроительства вообще трудились»⁵⁶⁷.

Сами члены ВЭО позиционировали себя как безусловные поборники общего блага, подтверждением чего была их бескорыстная деятельность по распространению полезных знаний, которые должны принадлежать всему обществу. Подобная позиция подразумевала и последовательную критику современников за попытки скрывать эти знания, что порицалось как проявление эгоизма⁵⁶⁸.

В цитировавшейся выше речи надворного советника Ф.И. Туманского мы находим любопытный панегирик, в котором он сообщает, что из четырех пружин, которые движут «словесную тварь к трудолюбию», а именно корысть, тщеславие, попечение о кровных и превозможение (принуждение – К.П.) власти, членами ВЭО – «работниками безмездными» не двигает ни одно из них, но только «свободно и токмо по свойственному душе вашей усердию

---

⁵⁶⁶ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова... С. 104.

⁵⁶⁷ Регенсбург И.Д. О приготовлении навоза... С. 208.

⁵⁶⁸ Fissel M., Cooter R. Exploring Natural Knowledge... P. 140.

к полезному... вы ищете пользы общей и часто жертвуете собственностью на иждивения»⁵⁶⁹.

Отметим, что и некоторые авторы «Трудов», не ставшие членами ВЭО, прибегали к сходной риторике. Так, Василий Тамбовцев, депутат Уложенной комиссии от Яицкого казачьего войска, получивший серебряную медаль за сочинение о крашении шерсти, в своей благодарственной речи прежде всего провозгласил бескорыстность своих намерений: «За славу и награждение себе вменял я одно то, естли послужит оно содействием к достижению великаго намерения вашего, которое положено предметом ревностнейших ваших попечений о блаженстве любезнаго отечества»⁵⁷⁰.

Материальное благополучие авторов экономических пиес вполне ожидаемо трактовалось европейской аудиторией как лучшее доказательство ценности предлагаемых ими советов⁵⁷¹. В контексте «Трудов» в подобных случаях патриотическая риторика использовалась для того чтобы вновь обнаружить связь между частным успехом одного человека (хотя, как отметила Е.Н. Марасинова, личное богатство уступало сословным ценностям в качестве критерия положение личности в системе дворянской иерархии⁵⁷²) и пользой, которую он принес локальному сообществу или широкой читательской аудитории⁵⁷³.

Биография тайного советника и губернатора Санкт-Петербурга в 1764–1773 г. С.Ф. Ушакова во многом представляет идеальный типаж члена ВЭО:

---

⁵⁶⁹ *Туманский Ф.И.* Г. Туманского речь о некоторых причинах препятствующих усовершенствованию хозяйства... С. 306–307.

⁵⁷⁰ *Тамбовцев В.* Речь легких войск господина Депутата Василья Тамбовцова // Труды Вольнаго Экономическаго Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1768, Т. 10, Ч. X. Без пагинации.

⁵⁷¹ *Phillips D.* Experimentation in the agricultural Enlightenment Place, profit and norms of knowledge-making in eighteenth-century Germany //Notes and Records: the Royal Society Journal of the History of Science. 2018. 72. №. 2. P. 161–163.

⁵⁷² *Марасинова Е.Н.* Вотчинник или помещик? (Эпистолярные источники о социальной психологии российского феодала второй половины XVIII в). // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 139–140.

⁵⁷³ *Stockland E.* Patriotic natural history and sericulture in the French Enlightenment (1730–1780) // Archives of natural history. 2017. 44. №. 1. P. 13.

«по окончании военной службы и вступлении в статскую желание мое к тому [хлебопашеству] начало умножаться», чему значительно способствовало и учреждение ВЭО⁵⁷⁴. Потерпев неудачу в своих попытках распространить знания и не имея земель в Ингерманландии, он попросил императрицу отлучиться в свою «новгородскую деревню», где приступил к работе.

Комментируя результаты своих опытов по сеянию озимого хлеба, помещик замечал, что «В прочем не тщеславлюсь я по примеру других столько, как бы выдумал порох; а хвалюсь только тем, что выдумку других удостоверил, и произвел оную в действие к общей пользе, не грядами и кустами в огородах, но целыми полями»⁵⁷⁵. Получив по прошествии времени известия от соседей и своего приказчика, о том, что посеянная новым способом рожь и пшеница, возшла лучше, чем на половине его полей, засеянных старым способом и чем у всех соседей, Ушаков вторично просит дозволения у императрицы на проезд в деревню. Там он с удовлетворением отмечает «отменность трудов моих, и произрастения превосходныя от прочих»⁵⁷⁶. После наблюдений за успехами просвещенного соседа, помещики и крестьяне, живущие рядом с имением Ушакова, также обращаются к новым методам.

Получив указанные сведения (посев в 1771 г., урожай в 1772 г.), Ушаков пишет опубликованную уже в 1773 г. работу, в которой сообщает, что «Во время нынешняго посева мочение семян я при всех делал перед окнами моего дома, и старался показать всякому изъясняя прибыточную пользу произойти от того имеющую, как помещикам соседям моим, так и крестьянам»⁵⁷⁷. В этот раз он признает, что победить предрассудки силой примера получилось не в полной мере, и приводит ответ сомневающихся, свидетельствующий о том, что их подходы к ведению хозяйства все еще основывались на следовании

---

⁵⁷⁴ Ушаков С.Ф. О посеве озимого хлеба // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 23, Ч. XXIII, СПб: Тип. Мор. кадет. корпуса, 1773. С. 11.

⁵⁷⁵ Там же. С. 6.

⁵⁷⁶ Там же. С. 11.

⁵⁷⁷ Там же. С. 13.

традициям, а не «рациональному» методу: «когда Бог даст, так и по нашему де уродится»⁵⁷⁸.

В этом описании обнаруживаются все элементы патриотического идеала, который стремилось популяризовать ВЭО: сановник, который реализовал себя на государевой службе, движимый стремлением к общему благу и с дозволения самой императрицы отправляется в свое имение. Там он претворяет в жизнь изученные им в экономической литературе методы, совершенствуя свою «приватную экономию». Убедившись в их полезности, он безвозмездно предлагает знание соседям и публикует в качестве примера для других описание не только хозяйственного опыта, но и своей моральной экономии.

Вторым значимым направлением патриотической риторики в «Трудах» было акцентирование для в основном дворянской аудитории представлений о ценности академической науки и значимости решаемой ей задачи описания российских территорий.

Так, П.С. Паллас писал читателям «Трудов» о важности освоения Дальнего Востока: «следующее сокращение, сличенное с некоторыми старыми известиями о первобытном начале земледелия в Камчатке, будет для Россиянина, Патриота, великой важности»⁵⁷⁹. Подчеркивалась необходимость дальнейшего изучения центральных регионов государства, в которых также наличествовали скрытые, неизвестные или недостаточно используемые по причине незнания или косности ресурсы. Задача исследователя, таким образом, состояла в том, чтобы должным образом описать их и найти им применение. К числу подобных инициатив относится продолжительная кампания ВЭО по пропаганде употребления торфа в Московской и Тульской губерниях. Обращения к локальным хозяйственными

---

⁵⁷⁸ Там же. С. 14.

⁵⁷⁹ Паллас П.С. Известия о введенном скотоводстве и земледелии в Камчатке и около Охотки, при Удском остроге лежащем подле Охотского моря // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 33, Ч. III СПб: Морской Шляхетный Кадетский корпус, 1783. С. 26.

вопросам, таким, например, как очищение соли или распространение новых методов сева, поиск гипса, как мы видели выше, напрямую связывалось с благополучием всего государства и «народным благом».

Анализ риторики авторов «Трудов» показывает, что представления о патриотизме далеко превосходили то, что М.Н. Карамзин называл «физической любовью к отечеству». «Описание местоположения Кексгольмской провинции» пробст Алопеус начинает с рассуждения об общегосударственной пользе, которая происходит от «размножения, содержания и имущества» народа. Основами имущества является «рачительное земледелие крестьян» и «разумно учрежденная торговля мещанского состояния в городах»⁵⁸⁰. Государство представляется Алопеусу морем, которое «соделывают» малые родники и ручьи – небольшие селения и домохозяйства, которые в свою очередь становятся объектами рационального познания. В тоже время нельзя сказать, что это движение было однонаправленным, напротив, государственный центр в лице императрицы и находящегося под её покровительством Общества, стремился не только описать и рационализировать всё, что могло быть использовано для государственной пользы на местном уровне, но и старался стимулировать инициативу на местном уровне, в частности пытался воспитать патриотическое рвение губернаторов, директоров Экономии, представителей местных дворянских собраний и корреспондентов на местах.

2.3. Об опыте работы ВЭО в правление Екатерины II. Промежуточные выводы

Таким образом мы можем определить ряд аспектов бытования ВЭО в российском социокультурном пространстве в период правления Екатерины II.

---

⁵⁸⁰ *Алопеус С. Г.* Алопеуса описание местоположения Кексгольмской провинции // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. СПб: Типография Горного Училища, 1792, Т. 45, Ч. XV. С. 185.

Центральное значение для понимания феномена первой российской общественной организации имеет анализ ее отношений с монархом, который выступал единственным гарантом существования ассоциации. На протяжении 31 года взаимодействия Общества с Екатериной II были апробированы различные формы высочайшего патронажа. Так, письмо императрицы 1765 г. фактически имело статус закона, легализовавшего деятельность ВЭО, а также задавшего основные параметры его репрезентации, в том числе право использования дарованной императрицей символики. Помимо этого, Кабинет субсидировал публикационную деятельность организации. Значимым был и символический аспект их взаимодействия, который проявлялся в том, что монарх выступал в качестве инициатора исследований, реализуемых Обществом. Данные форматы взаимодействия можно классифицировать как принадлежащие публичной (использование императорской символики и опубликование текстов императрицы или исходящих от нее задач в «Трудах»), придворной (посредством участия приближенных к Екатерине лиц в работе ассоциации⁵⁸¹, ряд символических практик, таких как поднесение «Трудов», панегирические обращения) и непубличной (субсидирование) сферам.

При этом верховная власть рассчитывала, что ВЭО, как научная организация наделенная в соответствии с петровской традицией, привилегированным статусом, поможет ускорит процессы экономического просвещения и поспособствует решению задач повышения эффективности государственного и частных хозяйств; моральной трансформации социума; поиска новых путей самореализации дворян после отмены обязательной службы; повышения престижа российской монархии за рубежом.

---

⁵⁸¹ Соответственно, членство в ВЭО рассматривается многими исследователями, как попытка приблизиться ко двору, заручиться поддержкой влиятельных сановников или самой императрицы. См. например: Brown J.H., *The Free Economic Society...* P. 427–431. С самого начала деятельности Общества важную роль в нем играли представители императорского Кабинета (Адама Олсуфьева, ими стали Григорий Теплов и Иван Елагин), что согласно логике Дж. ЛеДонна означало личную заинтересованность императрицы в работе ВЭО. *LeDonne J. Op. Cited.* P. 64.

Институциональная модель экономического общества в том виде, в котором она была заимствована из Великобритании, позволяла создать первое в России публичное пространство для подобной деятельности. Основные вехи развития ВЭО были связаны с поиском наиболее приемлемых для представителей различных социальных групп форм подобного участия и механизмов самореализации, являлись выражением российской культуры инноваций. При этом попытки использовать этот инструмент для обсуждения острых социально-политических вопросов, каким было крепостничество, натолкнулись на глухое сопротивление участников организации, видевших своей целью разработку именно научно-технической проблематики, что в целом соответствовало мироощущению их коллег в странах Европы.

Основные параметры процесса поиска были рассмотрены выше. Суммируем наши выводы. Во-первых, отражением российских социокультурных процессов стало специфическое представление о должностях и обязанностях сочленов, выраженное в первоначальной версии Устава. Основным критерием деятельности в добровольном обществе по сути провозглашалась служба – обязанность не реже каждого года предоставлять полезный материал – при относительном (по сравнению с британскими организациями) пренебрежении финансовой стороной деятельности, которая отходила на задний план в условиях патронажа со стороны монарха. Отвергались также идеи специализации и функциональной иерархии – в формально трехуровневой системе членства по меньшей мере до середины 1790-х гг. функционировал только верхний слой. Более того, как отметил впоследствии Ф.А. Ангалът, уравнивание «в чести» сознательно использовалось в качестве способа подстегнуть энтузиазм сочленов.

Первый кризис ВЭО во многом оказался связан с переоценкой этой модели, а его причиной стало обострившееся противоречие между идеей активного участия всех сочленов в непосредственной работе ассоциации и реалиями социальной жизни, укорененными представлениями об ожидаемых социальных ролях представителей различных общественных групп. В итоге

сложившаяся система отражала как общеевропейские тенденции (в частности, значимость роли секретаря – типичной для европейских экономических обществ фигуры – для успешной долгосрочной работы организации), так и специфические для России характеристики – превалирующая роль дворянства 1-5 и 6-8 рангов, а также группы «интеллектуалов». При этом в результате 30 лет работы Обществу удалось заметно расширить свою социальную базу не только в количественном, но и качественном отношении, привлекая к себе представителей купечества, духовенства, немецких колонистов и делая попытки задействовать и крестьянское сословие.

Усилия ВЭО по распространению практик экономического просвещения, проходившие на институциональном (рассылка журнала, задействие административных возможностей), финансовом (денежные награждения) и идейно-символическом уровнях (апеллирование к образу монарха, особый «экономический» взгляд на идеи патриотизма), были направлены на пробуждение в современниках любопытства и пытливости по отношению к окружающей их действительности, подталкивали их к поиску в привычных им предметах быта новой, до этого не открытой пользы.

Один из самых плодовитых авторов «Трудов», географ и первый краевед Оренбуржья П.И. Рычков писал об этом так: «Помянутое общество имеет уже способы, и находит разныя средства на возбуждение охоты, чтоб изыскивать такая вещи, которыя в разсуждении государственной и приватной экономии признаются за нужные». При этом он считал нужным добавить: «Общее Экономическое правило: не бросать ничего того просто, что в домостроительстве какую нибудь пользу и надобность произвести может»⁵⁸².

Результатом указанных усилий стала активизация идущего по многим направлениям процесса описания территории империи, в который сочлены Общества внесли во многом уникальный вклад как в экономических

---

⁵⁸² Рычков П.И. О травяном пухе и о домашнем его употреблении вместо хлопотах бумаги // Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Т. 13, Ч. XIII. СПб: Императорская Академия наук, 1769. С. 44, 49.

описаниях, так и в других работах, в той или иной мере затрагивающих вопросы социально-экономического, природного состояния регионов. Вместе с тем в глазах руководства организации и, как показали перипетии 1794–95 гг., ее покровительницы, деятельность ВЭО не в полной мере соответствовала высоким ожиданиям. С точки зрения первого, данная ситуация была связана с выявившейся невозможностью организовать систематическое изучение территорий, как по территориальному охвату, так и по качеству предоставляемых материалов.

Причины этого обнаруживались исследователями в негосударственном статусе, который делал запросы Общества и письма его руководителей необязательными для исполнения. Однако опыт организации схожих программ государственными институтами показывает, что такие же проблемы возникали и у основных научных центров – Академии наук и Шляхетного корпуса, действовавших в соответствии с прямыми распоряжениями государственной власти. Так, примером этого стала неудачная попытка санкционированного Сенатом переиздания в 1760-х гг. Российского атласа 1745 г. Как указывает В. Ткаченко, ее причинами стали несогласованность действий государственных ведомств и незаинтересованность местных канцелярий в выполнении незнакомой им работы⁵⁸³. Кроме того, как констатировал издавший в 1771 г. по распоряжению Академии наук материалы этой работы Л.И. Бакмейстер, «присылка ответов была весьма неодинакова... некоторые отговаривались... самые ответы суть весьма неравной цены»⁵⁸⁴.

В этом отношении, вероятно, завышенным было изначальное представление о том, что именно ВЭО станет основным каналом реализации усилий частных исследователей (таких, как И. Челищев, М.М. Щербатов и

---

⁵⁸³ Ткаченко В.В. Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М.: Институт Российской истории РАН, 2019. С. 57-63.

⁵⁸⁴ Бакмейстер Л.И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи. СПб.: при Императорской Академии наук, 1771. С. 8.

другие⁵⁸⁵) в данной области, а также о том, что было бы возможно обеспечивать в рамках общественной организации необходимый темп и ритм подобной работы. На практике он мог выполняться только в рамках многолетней деятельности специализированных государственных учреждений, созданных для выполнения подобной цели, каким была, например, деятельность Межевой экспедиции и подчиненных ей структур в ходе Генерального межевания⁵⁸⁶, Академии наук и других.

Вторым значимым аспектом, определившим, по нашему мнению, несколько негативное восприятие ВЭО императрицей и определенной частью российского социума, стали сравнительно слабые продажи «Трудов». В данном аспекте ключевую роль сыграли несколько факторов. Основным из них была его тематическая разноплановость. Как показал анализ «списка Норова», наибольшее внимание читателей привлекали статьи с описанием практических методов хозяйствования, близких экономической специализации региона. Однако круг затрагиваемых в журнале проблем был значительно шире, в нем публиковались теоретические статьи, отличавшиеся сухим стилем изложения, в отличие, от, например, изданий А.Т. Болотова⁵⁸⁷. При этом в своих обращениях к аудитории редакция продвигала «камералистскую» риторику «патриотического» значения наук, а не их «куриозности», что потенциально снижало интерес придворного и дворянского общества к их продукции.

Следует также отметить, что руководство ВЭО не уделяло первостепенное внимание закреплению на читательском рынке, рассчитывая на свое устойчивое финансовое положение, которое гарантировалось императорским покровительством и возможностями сочленов. Таким образом

---

⁵⁸⁵ Никитин Н.П. Указ. соч. С. 78–104.

⁵⁸⁶ Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. С. 35–51.

⁵⁸⁷ Мохначева М.П. Агрономические листки, ручные и карманные книжки: журнальный тип издания «Практических наставлений» сельским домохозяевам XVIII – середины XIX вв. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 164–174.

оно устранялось от решения проблемы развития средств коммуникации, приверженность чему оно публично декларировало и тем самым сдерживало распространение культурных практик и символического влияния центра в провинции⁵⁸⁸. В этом его политика заметно отличалась от деятельности Н.И. Новикова и А.Т. Болотова.

ВЭО на протяжении правления Екатерины II оставалось преимущественно «теоретически» ориентированной организацией и не пыталось задействовать иные направления агрономической деятельности, опробованные как в европейских странах (например, упомянутые выше экспериментальные хозяйства немецких экономических обществ), так и воспринятые соотечественниками. Пример альтернативной стратегии представляет созданное в 1782 году «московскими масонами» Н. Новиковым и И. Шварцем при поддержке генерал-губернатора З. Г. Чернышева, одного из первых членов Вольного экономического общества, «Дружеское ученое общество». Оно занималось не только обсуждением и распространением знаний, но и активной социальной деятельностью: у общества была собственная публичная библиотека и аптека, в которой бедняки получали бесплатные лекарства⁵⁸⁹. В 1787 году составленная из членов Дружеского общества Типографическая кампания оказывала помощь голодающим крестьянам, давая в долг хлеб и раздавая семена для преодоления последствий голода⁵⁹⁰. Другой пример представляет Лифляндское общепольное и экономическое общество, созданное в 1792 г. для защиты интересов прежде всего местного дворянства и хозяйственного развития региона.

В следующей части исследования мы проанализируем, как развивалось Общество в период правления Павла I, зачастую рассматриваемый как черная страница в истории российского общественного движения.

---

⁵⁸⁸ См. напр.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 135.

⁵⁸⁹ *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели. М.: «Новый Хронограф», 2006. С. 295–296.

⁵⁹⁰ *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. С. 665–667.

Глава 3. Вольное экономическое общество в правление Павла I

Четыре года работы общества при Павле I по ряду обстоятельств выпадали из поля зрения ученых, оказывались в тени правлений Екатерины II и Александра I, которые рассматривались как знаковые периоды для становления российской общественности. Так, А.И. Ходнев упоминает этот период лишь мельком, перечисляя конкурсы, объявленные в период с 1797 по 1801 гг. Между тем, как с формальной точки зрения – состоялся и состоялся ли переход патронажа над ВЭО от одного монарха к другому, так и с сущностной – как изменился характер взаимодействия между ним и монархом, государственными учреждениями, сочленов между собой, как проходила работа организации в российском и международном социальном контексте – анализ ситуации перехода позволяет лучше понять динамику развития общественной сферы.

3.1. Статус общества в правление Павла I. Отношения с государственными учреждениями

После смерти Екатерины II ВЭО впервые оказалось в ситуации, когда его статус не был определён. Жесткая привязка легальности деятельности ассоциации к императорскому покровительству вынуждала искать контактов с новым императором. Уже на первом собрании после смерти Екатерины II, состоявшемся 8 ноября 1796 г.⁵⁹¹, общество в лице «российского» и «немецкого» секретарей А.А. Нартова и И.А. Эйлера «определило подать Его Императорскому Величеству всенижайше прошение о принятии оногo в такое же покровительство высочайшее, каким оно имело счастье пользоваться от почивающей в бозе блаженной и вечной памяти Императрицы Екатерины Вторья»⁵⁹².

---

⁵⁹¹ Даты даны по старому стилю.

⁵⁹² РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 53, Л. 260 об.

Письмо было подготовлено к 18 ноября. Стремясь добиться монаршего благоволения, авторы отмечали, что Общество «не упустило в течении тридцати двух летнего времени ни единого случая к выполнению своей цели для которой оно установлено»⁵⁹³. Под текстом письма в иерархическом порядке стояли подписи князя Александра Куракина, не занимавшего в ВЭО никакой официальной должности, а также А.А. Нартова и И.А. Эйлера.

Затем ними следовали имена наиболее знатных и статусных дворян-сочленов: графа Апостола Мусина-Пушкина, князя Николая Юсупова, и действительного камергера графа Тизенгаузена. Отметим, что если А. Мусин-Пушкин действительно принимал участие в его непосредственной работе, то князь Юсупов и граф Тизенгаузен относились к той категории членов общества, которые скорее числились в его рядах, однако, в данном случае они сочли необходимым заявить о своей позиции.

Завершали список академические ученые и средние чины дворянства, в то числе и члены Комитета: врач Карл Крузе, представитель остзейского дворянства А. Энгельгардт, академик Л.Г. Крафт, врач И. Кельхен, казначей И. Андреевский, астронома Э. Шретер, коллежский советник и врач Густав Орреус, титулярный советник Якова Свенске, академик Степан Румовский, Николай Озерецковский, Василий Севергин, и казначей Кадетского корпуса Василий Емс⁵⁹⁴. Характерно также отсутствие среди подписавших номинального президента П.Б. Пассека, фактически оставившего свой пост.

В одно время с подготовкой письма развернулось обсуждение вопроса о том, кто должен занять вакантное место президента в этот переходный период. Первоначально должность была предложена князю Александру Куракину, который в случае согласия мог бы продолжить традицию избрания президентов – сановников⁵⁹⁵. Представляя перед собранием его кандидатуру, А.А. Нартов особо отметил, что тот является «усерднейшим сочленом

---

⁵⁹³ Там же. Л. 273–273 об.

⁵⁹⁴ Имена указаны в соответствии с источником.

⁵⁹⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 53, Л. 274–275 об.

общества», вероятно напоминая сочленам не только об финансировании князем конкурсов⁵⁹⁶, но и о том, что, в отличие от П.Б. Пассека, он подписал обращение к императору. Однако Куракин отказался от предложения, сославшись на чрезмерную занятость государственными делами, и рекомендовал на должность главы Общества самого Нартова, что и было немедленно утверждено⁵⁹⁷. Хотя этому моменту Нартов уже достиг 4 класса Табели о рангах, он, тем не менее, не входил в круг приближенных к императорской персоне сановников, и в статусном отношении уступал своим предшественникам Ангальту и Пассеку.

В дневных записях не приводятся сведения о том, ответил ли Павел что-либо определенное на данное письмо. Поэтому для характеристики статуса ВЭО в 1797 г. следует использовать косвенные свидетельства. Одним из них была выдача дипломов о принятии нового сочлена. Как и в прочих документах общественной организации, в нем использовалась императорская символика, а в тексте декларировался факт высочайшего покровительства. Уже 20 января 1797 г. в «дневных записках» упоминается, что в типографии Шнора «гравер исправил... на прежних экономических дипломах титул Императорский и... поместит на оных титул Императора и Самодержца Всероссийского Павла Петровича Перваго»⁵⁹⁸. Однако, если эти изменения были проведены достаточно быстро, вопрос о еще одном значимом символе, также содержащем упоминание о государевом патронаже, – медалях за победу в конкурсах оказалось решить гораздо сложнее.

В том же месяце А.А. Нартов предложил изменить «экономическую медаль» и, по образцу некоторых иностранных ученых ассоциаций, вместо портрета Екатерины поместить слова «Достойному от Императорского

---

⁵⁹⁶ Например, А.Б. Куракин давал золотую медаль стоимостью в тридцать червонных на конкурс ВЭО в 1796 году по тому «как бы своими крепостными людьми завести порядочное домоводство... в таких краях, где земля со всем задичала, и нет строевого, но только нужной дровяной лес?». См.: Продолжение известий 1796 года... С. 395.

⁵⁹⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 56, Л. 2.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 20.

Экономического Общества в С. Петербурге и год»⁵⁹⁹, что было немедленно одобрено собранием, а сочлен художник Гутше из Риги, выполнил соответствующий рисунок. Проект был направлен в Монетный департамент, где и ранее изготавливались медали для нужд ВЭО⁶⁰⁰. Вскоре общество получило отказ⁶⁰¹. В ответном письме за подписью И.А. Эйлера был предложен другой вариант, повторяющий концепцию екатерининского времени – но уже с портретом нового императора⁶⁰². Это предложение так же было отвергнуто. Обосновывая свое решение, представители департамента указали, что не могут изображать ни надписей, свидетельствующих об императорском статусе, ни портрет монарха «без воли» самого самодержца⁶⁰³.

В связи с этим можно поставить вопрос о том, насколько правомерно было использование императорского титула в дипломах, в случае отсутствия соответствующего разрешения, и были ли представители типографии Шнора менее щепетильны при использовании императорской атрибутики. Возможно также предположить, что дозволение было дано императором устно одному из сановных членов общества, однако монетному департаменту требовалось именно письменное согласие. Следует отметить, что награждения победителей конкурсов продолжались, однако, в журналах ВЭО не отмечено, производились ли они медалями старого образца⁶⁰⁴.

Общество возвратилось к вопросу о медалях только на собрании 17 сентября 1799 г., когда А.А. Нартов вновь обратил внимание собравшихся на необходимость изменить аверс награды и предложил «испросить высочайшее соизволение на место портрета блаженные памяти императрицы изобразить высочайший его Величества вензель в венце из лавров и олив»⁶⁰⁵.

---

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 23, 27.

⁶⁰¹ Там же. Л. 50.

⁶⁰² Там же. Л. 51.

⁶⁰³ Там же. Л. 52.

⁶⁰⁴ Там же. Л. 61.

⁶⁰⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 119.

Первоначально штемпель медали должен был выполнить профессор Готембергер, «член общества безансонской академии». Однако процесс утверждения нового образца вновь затянулся на несколько месяцев, и в итоге ответственным за его разработку во второй раз стал художник Гутше. За согласование «рисунка экономической медали», выпуск которой закреплял за Обществом статус высочайше покровительствуемой организации на этом этапе отвечал И.А. Эйлер, немедленно вступивший в переписку со статским секретарем Брискорном. В итоге, спустя три года после смерти Екатерины II, 17 ноября 1799 г. Брискорн уведомил собрание о согласии императора на изменение аверса медали, в то время как реверс предписывалось сохранить в прежнем виде⁶⁰⁶. Таким образом, к концу 1799 г. вопрос о публичных символах императорского покровительства был полностью разрешен.

Следует специально отметить тот факт, что и другие практики символического признания монархом деятельности первой общественной организации носили схожий, хотя и менее торжественный характер, что и в правление Екатерины. В 1798 г. Павлу была поднесена вновь вышедшая часть «Трудов». В 1799 г. через посредничество статс-секретарей Бакстера и Брискорна Павлу I были переданы специальные издания «Деревенского зеркала», переплетенные сафьяном, которые были императором приняты и размещены в Придворной библиотеке⁶⁰⁷. Особые экземпляры были подарены и императрице через посредничество ее секретаря М.И. Полетики.

О признании императором общественной организации свидетельствовал и следующий случай их спорадической неформальной переписки, хотя и состоявшейся по курьезному поводу. 26 сентября 1799 г. монарх переадресовал ВЭО письмо из Цербста от некоего тайного советника Оленрота, который задавался вопросом о якобы проводившемся ранее Обществом исследовании об «извлечении масла из лип»⁶⁰⁸.

---

⁶⁰⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 168.

⁶⁰⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 1 об., Л. 14 об.

⁶⁰⁸ РГИА, ф. 91., Оп. 1., Д. 59. Л. 125-126.

Последнее обращение руководства ВЭО к Павлу I мы фиксируем в январе 1801 г. После вступления в его состав одного из фаворитов императора генерал-прокурора П.Х. Обольянинова, пообещавшего на собрании любую помощь организации, А.А. Нартов решил воспользоваться столь благоприятной возможностью и попробовать восстановить отмененное в 1794 г. субсидирование публикационной активности Общества из средств Кабинета и другие меры поддержки, которыми оно пользовалось при Екатерине II. В этот перечень вошли ежегодная субсидия не ниже 3 тыс. рублей и предоставление 7 тыс. в течение трех лет для застройки пустыря рядом с «экономическим домом»⁶⁰⁹.

Соответствующая просьба была передана П.Х. Обольянинову для представления императору. Под обращением стояли подписи президента Нартова, секретарей Свистунова и Фуса, а также присутствовавших на собрании Теряева, Бакмейстера, Репьева и Андреевского. Однако, до рокового для монарха марта 1801 г. с его стороны не последовало определенного ответа.

Отметим, что первые шаги Александра I по отношению к ВЭО во многом отвечали на изложенные в этом письме запросы. В рескрипте, опубликованном 13 апреля в дополнение к указу от 10 числа того же месяца, обязавшего губернаторов сотрудничать с Обществом в его деятельности по описанию Российской империи, был законодательно подтвержден высокий статус организации⁶¹⁰. Кроме того, император заверил руководство ассоциации в поддержке всех его начинаний, и назначил ежегодное финансирование 5 тыс. рублей. Он решил также и другую проблему, которая вызывала столько заминок в предыдущее правление: медали отныне всегда должны были выходить с портретом Екатерины II как его учредительницы⁶¹¹. Впоследствии рескрипты о принятии в покровительство, а также разрешение

---

⁶⁰⁹ РГИА, ф. 91, Оп. 1, Д. 63, Л. 16–28.

⁶¹⁰ *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. VI.

⁶¹¹ Там же.

на использование изображения императрицы, регулярно подписывали вновь вступающие на престол монархи⁶¹².

Помимо символики, связанной непосредственно с императором, в период правления Павла I ВЭО использовало и государственные знаки. Так, собрание отдельно обсуждало вопрос об изменении печати организации после принятия императорских указов 10 и 19 августа 1799 г. о новом российском гербе⁶¹³ и о представлении нового герба на печатях государственных учреждений⁶¹⁴. 24 сентября 1799 г. этот вопрос был специально поставлен на обсуждение. Коллежский советник Герман подготовил два рисунка, первый из которых был сделан «по образцу печати прочих присутственных мест», а другой со «включением девиза Экономического общества»⁶¹⁵. Работа была закончена к апрелю 1800 года. В результате печать представляла копию государственной: «с изображением в гербе креста с короною державного ордена святого Иоанна Иерусалимского, а в середине в щите улья со пчелою и подписью полезное, яко девиза пожалованнаго Экономическому Обществу»⁶¹⁶. В соответствии с новым гербом была изменена и символика диплома⁶¹⁷.

В «дневных записках» 1796–1801 гг. мы также обнаруживаем свидетельства контактов ассоциации с правительственными учреждениями. Помимо ставшей уже привычной эпизодической переписки с губернаторами и другими представителями провинциальной власти, продуктивные отношения установились с Мануфактур-коллегией, которая рассматривала Общество в качестве источника технической экспертизы по ряду интересующих ее вопросов. Так, она обращалась за консультацией по вопросам о «заведении

---

⁶¹² Там же. С. VI–VIII.

⁶¹³ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. № 19.074.

⁶¹⁴ Там же. № 19.089.

⁶¹⁵ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 121 об.

⁶¹⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Л. 61, Л. 80.

⁶¹⁷ РГИА, Ф.91, Оп. 1, д. 59, Л. 142 об.

фабрики по деланию ваты»⁶¹⁸, о выращивании шелковичных растений⁶¹⁹ и о производстве сукна для производства армейских мундиров⁶²⁰.

В президентство А.А. Нартова вполне ожидаемо получило новое развитие взаимодействие с Берг-коллегией. Так, учреждение закупило напрямую у Общества несколько экземпляров «Деревенского зеркала»⁶²¹. В свою очередь горное ведомство регулярно направляло в адрес ВЭО образцы минеральных руд. В благодарность за это ряд его сотрудников – президент А.В. Алябьев и берг-гауптман И.И. Черницын были избраны в сочлены⁶²².

Еще одним примером пересечения интересов общественной организации и вновь учрежденных специальных государственных учреждений, занимающихся той или иной экономической проблематикой, может служить полученное в 1799 г. письмо некоего И.К. фон Гагмейстера с описанием способов предотвращения исчезновения лесов и просьбой к императору установить особую награду для тех отличившихся в этом. Оно было возвращено автору с рекомендацией направить его в лесной департамент при Адмиралтейской коллегии⁶²³. Похожим образом в ответ на предложение приобрести текст об исправлении гнилой воды, написанный для организованного Батавским экономическим обществом конкурса, собрание постановило ответить, что данный вопрос не входит в его компетенцию (предположительно подразумевалось, что покупка исследовательских работ противоречила основным принципам организации), но может представлять интерес для Адмиралтейской коллегии⁶²⁴.

---

⁶¹⁸ Там же. Л. 11–12.

⁶¹⁹ Там же. Л. 117.

⁶²⁰ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 63, Л. 47–49. Нужды армии стимулировали развитие ткацкой сферы и производства шерсти. В 1767 г. по оценкам половина производства одежды шла на армейские нужды. В 1725 было 600 фабрик подобной специализации, к 1800 г. – около 2000. *Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State, 1689–1825 // The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe. Routledge, 2016. P. 143.*

⁶²¹ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 30.

⁶²² РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 50 об.

⁶²³ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 54 – 55.

⁶²⁴ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 82.

Отметим также, что в правление Павла I «Труды» и любые другие печатные работы Общества подлежали обязательному цензурированию. Так, Василий Левшин согласовывал неназванные изменения в первом томе «Деревенского зеркала» с цензором С.К. Котельниковым⁶²⁵. При этом в списках лиц, которым предполагалось поднести в дар вновь вышедшие экземпляры «народной книги», также содержится упоминания о передаче 3-х из них в цензуру. Опубликованная в 1801 г. часть «Трудов» впервые содержала отметку «С одобрения Ценсуры»⁶²⁶.

Этот период был также отмечен несколькими новыми проектами, отражавшими интерес императора и его окружения к проблемам экономии и в немалой степени земледелия. 4 марта 1797 г. при Сенате была создана Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства. Общее руководство новым учреждением было поручено князю А.Б. Куракину⁶²⁷. Спорадическое взаимодействие с ней ВЭО во многом основывалось на схожести интересов. Так, в 1799 г. сочлен Ливотов в присутствии Собрания передал в библиотеку организации «2-е начертание о шелководстве», изданное экспедицией⁶²⁸.

---

⁶²⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 9 об.

⁶²⁶ Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 53, Ч. IV, СПб: При Губернском правлении 1801.

⁶²⁷ *Кросс Э.* Указ.соч. С. 104. Отметим, что из 6 человек, которым было поручено присутствовать в этом новом учреждении только 2 были членами ВЭО. Это были протоиерей А.А. Самборский (член ВЭО с 1779 года) и тайный советник А.В. Храповицкий (стал членом ВЭО в 1789 г.). Список присутствовавших в Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства указан в ПСЗ. См.: Полное собрание законов... № 17865. 4 марта 1797 г.

⁶²⁸ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 58 об. Говоря об издании научных сочинений по земледелию в царствование Павла I, мы можем отметить, что книга Иоганна Эллизена, члена ВЭО с 1793 г. вышла не под эгидой этой организации, но по одобрению Экспедиции государственного хозяйства, что еще раз указывает на то пересечение интересующих их проблемных областей. *Эллизен И. Г. Д.* Краткое наставление о скотских падежах и каким образом во время оных поступать надлежит; С описанием открывшихся ныне скотских болезней в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. / Сочиненное на немецком языке надворным советником, санктпетербургским штатд-физиком и доктором Эллизеном.; Одобренное Экспедицией государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства; Попечением ея переведенное [В.Я.Джунковским]; И по высочайшему его императорского величества соизволению в печать изданное. — Воронеж: Тип. Губ. правления, 1798.

В числе важнейших инициатив нового ведомства следует отметить создание сочленом ВЭО протоиереем А.А. Самборским (долгое время бывшим священником русской миссии в Лондоне) земледельческой школы, ориентированной на близкий ему английский опыт земледелия⁶²⁹. Как обнаружил В.Я. Железнов, школу Самборского, в которой обучались и казенные крестьяне, периодически посещали великие князья Александр и Константин⁶³⁰. В 1799 г. ее возглавил действительный камергер Модест Бакунин, сочлен ВЭО с 1793 г.⁶³¹.

В завершение обзора характера отношений ВЭО и государства следует указать, что в его публикациях и внутренней документации продолжалось использование двух понятий – «вольное» и «императорское» (хотя последнее, как и в 1780–1796 гг., встречалось чаще). Это свидетельствует о том, что в восприятии сочленов оно, с одной стороны, сохраняло причастность к монархии, а с другой, – обозначало неизменность принципа самоуправления.

Таким образом, в деятельности Общества в период правления Павла I не произошло значимых изменений режима взаимодействия с верховной властью и правительственными учреждениями. Это ставит под вопрос встречающиеся в историографии представления о данном периоде как черной странице истории российского общественного движения и распространенные мифы о якобы запрете Павлом самого слова «общество»⁶³². Тремя инструментами коммуникации, которые были опробованы в екатерининскую эпоху и

---

⁶²⁹ Железнов В.Я. Экономические воззрения... С. 333–334. См. также: Кросс Э. Указ. соч. С. 76–105.

⁶³⁰ Там же. С. 335.

⁶³¹ Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, СПб.: Типография Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса, 1794. Т. 49, Ч. XIX. С. XI.

⁶³² См.: Гросул В.Я. Русское общество.... С.116; Дуринова Г.В. Темпоральная семантика слова общество (XI – первая треть XIX века) // Социологическое обозрение. 2015. №1. С. 81. В отечественной историографии достаточно часто встречаются упоминания о запрете Павлом I слова «общество». В то же время в России продолжала не просто работать, но и пользоваться императорским покровительством общественная организация, в официально признанное название которой входит якобы запрещенное слово. В этом отношении необходимо отметить, что оригинал документа о запрете ряда слов, хранящийся в настоящее время в ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 548 не содержит какой-либо дополнительной информации ни о дате его создания, ни о возможной конфирмации. Автор благодарит Ф.И. Мелентьева за помощь в прояснении этого вопроса.

оказались не востребованы в этот период, стали обнаружены документы о покровительстве, назначении публичных конкурсов или других экономических задач и финансовая поддержка издательской активности. Другие публичные и непубличные способы сообщения, такие как символическая передача книг, использование императорской символики, переписка с монархом, оказались сохранены. При этом попытка руководства ассоциации восстановить субсидии Кабинета указывает на то, что благоприятный исход рассматривался как достаточно вероятный. В основе этой уверенности лежал положительный опыт переговоров с императором и его окружением, в ходе которых ему удалось урегулировать свое положение. В определенных аспектах, таких как взаимодействие с Мануфактур-коллегией позиции Общества как центра экспертизы даже упрочились.

3.2. К вопросу о социальной базе ВЭО и его читательской аудитории

3.2.1. Издание «Деревенского Зеркала»

Несмотря на возросший интерес к сельскохозяйственной проблематике, в годы правления Павла I количество публикаций «Трудов» ВЭО заметно снизилось по сравнению с предшествующим периодом. В 1790–1796 гг. они выходили раз в год, а за период 1797–1801 гг. было издано только две части периодического издания и начата подготовка к выпуску третьей.

Это было связано с продолжающимся отсутствием субсидий от Кабинета. Каждый выпуск «Трудов» становился весьма рискованным предприятием с финансовой точки зрения. Руководство ВЭО хорошо понимало, что «Труды» не пользуются большой популярностью⁶³³, и поэтому приоритет в издательской деятельности сместился в пользу нового проекта – выпуска «Деревенского зеркала» (или «народной книги»), издание которого должно было стать апробацией нового коммерчески ориентированного подхода к распространению изданий, отказу от чрезмерной

---

⁶³³ Об этом общество извещали и книгопродавцы, как, например, Ридигер.

интеллектуальности и попытке охватить более широкую читательскую аудиторию.

Подготовка к изданию «Народной книги» была инициирована в начале 1798 г. – идея, которая была намечена еще в «Наказе» Екатерины, становилась реальностью спустя треть века. В речи, посвященной началу публикационной кампании, А.А. Нартов отмечал: «поелику уже оказываются некоторые охотники из Российских дворян, которым желали иметь напечатанным увенчанную Обществом народную книгу, охотно бы сделали на оную подписку, ежели общество на сие согласится...»⁶³⁴. Общество согласилось и подписка была открыта. Внутренней мотивацией этого решения была финансовая неустойчивость организации, единственным стабильным источником доходом которого оставалась сдача в наем помещений, приносящая 3 тыс. рублей в год. В той же речи Нартов отметил, что «сей остается единый способ, помощью коего Общество описанным в оной землепашеские и другие хозяйственные правила в России распространить может; ибо собрав сим способом достаточную сумму денег, будет оно в состоянии напечатать оную в пользу своих соотчичей»⁶³⁵.

Следует особо отметить, что материалы обсуждения свидетельствуют о том, что во внутренних обсуждениях руководство Общества считало своей целевой аудиторией дворянство и именно ему оно адресовало свои размышления о «народной книге», в которых были актуализированы тезисы о роли помещиков как проводников нового знания – роли, которую ВЭО последовательно стремилось на них возложить.

Методы продвижения подписки, выбранные собранием, основывались на выработанном в течение десятилетий опыте распространения «экономических вопросов», рассылки «Трудов» и поиска новых членов. Общество рассчитывало прежде всего на свои на связи с губернаторским корпусом: так, было незамедлительно принято решение «написать к разным

---

⁶³⁴ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 37 об.

⁶³⁵ Там же. 37 об. – 38.

Российским губернаторам и Членам циркулярное письмо, с приглашением разных Российских Дворян к подписке»⁶³⁶. Помимо этого, оно рассчитывало, как и в ходе кампании по поиску новых членов в 1770-х гг., через посредничество своих сочленов, а также местных дворянских собраний дотянуться до более широкой аудитории провинциальных помещиков⁶³⁷. В отличие от «крестьянских задач» времен президентства Ф.А. Ангальта, о выходе «общенародной книги» не планировали сообщать «капитанам исправникам и приходским священникам».

Основная организационная работа была доверена академику Севергину, который должен был составить «Начертание» подписки с указанием плана и содержания книги. Ответственным за сбор и хранение «пренумерационной суммы» в 10 рублей за три тома, которую следовало хранить отдельно от казны общества, был назначен консулент Свенске.

Уже в марте было получено дозволение цензуры на публикацию объявления о книге. Оно было отправлено в Академию Наук и книгопродавцу Ридигеру для публикации в «Московских ведомостях»⁶³⁸. 500 экземпляров большей частью были отправлены сочленам в провинции, а также губернаторам⁶³⁹. В дневной записи ВЭО были особо отмечены следующие сочлены, согласившиеся выступить в качестве посредников в распространении нового издания:

1. Коллежскому советнику Чемесову в Казань 10 экземпляров;
2. Надворному советнику Стеричу в Новороссийск 10 экземпляров;
3. Надворному советнику Гладкому в Пензу 5 экземпляров;
4. Писареву в Москве 5 экземпляров
5. Титулярному советнику Гудиму Левковичу в Киев 5 экземпляров
6. Титулярному советнику Левшину в Белев 5 экземпляров.

---

⁶³⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 37–37 об.

⁶³⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 118 об. Например, член общества А. Мусин-Пушкин получил «Деревенское зеркало», будучи в Мологе. См.: РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 58.

⁶³⁸ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 61 – 61 об.

⁶³⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 48, 61.

Циркулярные письма с приложенными 6-ю экземплярами объявлений – интересно, что и «Труды» традиционно отправлялись губернаторам именно по 6 экземпляров – были посланы губернаторам староосвоенных территорий империи, для жителей которых, по мысли руководства общества, их труд был бы особенно полезен: новгородскому, астраханскому, смоленскому, архангелогородскому, иркутскому, ярославскому и тульскому⁶⁴⁰. Отдельные экземпляры были направлены ректору тверской семинарии Евгению Себежскому. Впоследствии ВЭО сочло необходимым особо поблагодарить П.А. Зубова и П.Б. Пассека за некую помощь, оказанную ими в продвижении книги⁶⁴¹. Этот казус подтверждает, что связи и влияние статусных сочленов продолжали рассматриваться Обществом в качестве инструмента продвижения своих проектов, а также неизменную готовность указанных сановников поддерживать организацию в важнейших начинаниях.

В ответных письмах губернаторы отчитывались о получении писем и о передаче объявлений главам дворянских собраний или просто наиболее активным представителям этого сословия в той или иной местности⁶⁴². Так, Выборгский губернатор К.П. Ридингер уведомил общество о получении письма и сообщил, что разослал объявления в «Города и уезды» для передачи «действующим в них дворянам и другим любителям экономических упражнений»⁶⁴³.

Каков был социальный портрет подписчика «Деревенского зеркала»? Ожидаемо, что большая часть подписчиков – около 30 % из 214 – собирались забрать издания в Санкт-Петербурге и 12 % – в Москве. Сразу за столицами шел Архангельск (5 %). Остальные города⁶⁴⁴ были представлены существенно

---

⁶⁴⁰ Там же. Л. 74–74 оборот.

⁶⁴¹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 91. См. также: РГИА, Ф. 91, Оп. 1, д. 59, Д. 86–87.

⁶⁴² РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 84 об. – 85, 98, 135.

⁶⁴³ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 75 об. – 76.

⁶⁴⁴ Помимо указанных ниже, приводим перечень городов с 1 подписчиком: Арзамас, Ахтырка, Бауск, Белев, Богодухов, Бугульма, Бузулга, Великие Луки, Вельск, Вышней Волочек, Дисна, Дорогобуж, Ефремов, Изюм, Казань, Калуга, Куляны, Курск, Летичев, Нелин, Николаев, Новая Ладога, Новоторжок, Олонец, Оржум, Ревель, Севастополь, Сосница, Старая Русса, Торопец, Харьков, Шлиссельбург.

меньше: Пенза (5 подписчиков), Бахмут (5), Вятка (4), Воронеж (3) Гжатск (3) Кемь (3), Саратов (3), Тамбов (3), Тверь (3). Двумя подписчиками были представлены Киев, Новгород, Нижний Новгород, Новороссийск, Мезень, Острогжск, Пермь, Сарепта, Себеж, Серпухов, Тула, Ярославль.

Около 70 % подписчиков происходили из дворян (примерно 27 % генералитета, 24 % и 12 % из категории 6-8 и 9-14 рангов соответственно), что примерно отражает характеристику социального состава Общества. В то же время доля купечества (8 %) оказалась значительно выше, чем их показатель среди сочленов. Относительно высокий показатель был достигнут прежде всего за счет купцов Севера страны. Участие представителей условной группы «интеллектуалов» и технических специалистов, напротив, оставалось достаточно низким, как и в случае с «Еженедельными сочинениями», что, наиболее вероятно, было связано с тем, что проблематика книги не представляла для них особого интереса. При этом среди подписчиков были и представители социальных групп, которые не были представлены в числе членов Общества, такие как городские обыватели, государственные чиновники вспомогательных должностей.

Отметим, что данные о географическом положении не могут считаться абсолютно достоверными для оценки территориального распределения подписчиков. В письмах желающие приобрести издание иногда просили Общество отправить их почтой по тому адресу, где им было удобно его получить. Так, некоторые провинциалы, рассчитывавшие быть в Санкт-Петербурге или Москве в определенное время, планировали там же и забрать приобретенную книгу, однако впоследствии она могла «переехать» в то или иное удаленное от столиц имение. Разумеется, списки подписчиков, содержащиеся в опубликованных томах и приводимые в архивах общества, не дают полного представления и о распространении изданий посредством личных контактов. Результаты ревизии «состоящих на лицо» книг в «экономическом доме» Общества, проведенной в июле 1823 г. показали, что нераспроданными к этому времени оставалось 850 экземпляров первой части

и по 890 экземпляров второй и третьей частей из общего тиража в 1500 экземпляров для каждого тома.

Тем не менее, издание «Зеркала» было признано несомненным успехом. В сентябре 1799 г. ответственный за сбор средств консультант Свенске, подводя итоги пренумерационной кампании, представил Собранию следующие сведения: от реализации издания собрано 2815,8 рублей, а расходы составили 1934,04 рублей. Таким образом, Общество получило 881 рубль и 76 копеек чистого дохода. 100 рублей из общей суммы расхода было выдано члену общества Левшину, как внесшему наиболее заметный вклад в составление «народной книги»⁶⁴⁵. Успех «Деревенского зеркала» в своей речи провозгласил и И.А. Эйлер, убеждая А.А. Нартова остаться на посту президента⁶⁴⁶.

В заключение несколько слов об атрибуции авторства данного труда. В историографии были высказаны три основные позиции по этому вопросу. А.И. Ходнев утверждал, что «Деревенское зеркало» принадлежит перу академика В.М. Севергина, приводя в качестве аргумента то, что именно ему была передана назначенная П.А. Зубовым награда за работу над «Народной книгой»⁶⁴⁷. В.Я. Железнов высказывал предположение, что «книга является продуктом коллективного творчества разных лиц», а «наиболее существенная» ее часть «взята из работы Левшина»⁶⁴⁸. Л.В. Милов на основании выполненного текстологического анализа пришел к заключению, что наибольший вклад в написание «Деревенского зеркала», а, возможно, и единственный, внес А.Т. Болотов⁶⁴⁹.

Проанализированные материалы «дневных записей» не позволяют полностью подтвердить или опровергнуть вышеуказанные предположения. Однако на их основании можно составить впечатление о том, как сами члены

---

⁶⁴⁵ РГИА, Ф. 91., Оп. 1., Д. 59., Л. 116, 121–122..

⁶⁴⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 144.

⁶⁴⁷ Ходнев А.И. Указ. соч. С. 458–459.

⁶⁴⁸ Железнов В.Я. Указ соч. С. 346.

⁶⁴⁹ От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. Под ред. Л. В. Милова. М.: Прогресс, 1994.

ВЭО и его руководство, воспринимали данный текст и кого сочли достойным денежных и символических наград по случаю его выхода.

Эти косвенные свидетельства в большей степени подтверждают выводы В.Я. Железнова. Во-первых, только Левшину была предоставлена выплата в размере 100 рублей (что составило 11,3 % от общей суммы прибыли). Она была направлена со следующей формулировкой: «в награждение за сочинение его, из коего многие артикулы заимствованы в Деревенское Зеркало»⁶⁵⁰. Кроме того, в «записях» содержатся упоминания о внесении в текст «Зеркала» некоторых изменений «из другого сочинения г. Левшина»⁶⁵¹ и прямые указания на то, что именно он отвечал за взаимодействие с цензурой и учет ее требований при подготовке работы к печати.

Во-вторых, несмотря на явное акцентирование роли Левшина, имеются и подтверждения версии о коллективном участии сочленов в работе над «Народной книгой». В записях 1798 г. отмечается, что в ходе регулярных собраний зачитывались определенные фрагменты книги и в них вносились различные правки структурного и смыслового характера, содержание которых, однако, не конкретизировалось⁶⁵². Указывается также, что в этот период подготовкой рукописи к изданию занимался академик Севергин, которого затем сменил Эйлер. При этом не уточняется, предоставляли ли они какие-либо материалы для публикации. Наконец, как будет показано ниже, А.Т. Болотов не фигурирует ни в одном из списков получателей подарочных экземпляров вновь вышедших изданий, в то время как и Севергин и Левшин упоминаются в них несколько раз (более подробно о символических наградах так же см. параграф 3.2.3 настоящей работы).

Издание «Деревенского зеркала» в определенном смысле стало первым – и успешным – коммерческим проектом Общества. Его удачное продвижение позволило расширить читательскую аудиторию преимущественно в

---

⁶⁵⁰ РГИА, Ф. 91., Оп. 1., Д. 59., Л. 116, 121–122.

⁶⁵¹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 9 об.

⁶⁵² См. напр.: РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 90.

староосвоенных регионах. Для достижения этой цели ВЭО задействовало хорошие известные ему инструменты, такие как привлечение административного ресурса и местных дворянских корпораций, а также активную мобилизацию своих членов. В то же время этот ресурс показал свою ограниченную эффективность – после завершения пренумерационной кампании продажи «Зеркала», очевидно, падают, о чем свидетельствует и то, что чуть более половины тиража так и оставалось в распоряжении Общества вплоть до 1823 г.

3.2.2. Социальный состав общества

Изучение социального состава вновь вступивших в общество в период с 1797 по 1801 гг. позволяет ответить на вопрос о том, насколько временные изменения статуса ВЭО и характера его взаимоотношений с монархом были важны для современников, а также дополнить фактический материал о коллективном портрете ВЭО в период правления Екатерины II⁶⁵³.

В 1797 г. число вновь вступивших в ВЭО оставалось на достаточно высоком уровне, лишь незначительно снизившись по сравнению с 1794–1796 гг. Однако, в последующие два года динамика приема новых членов продолжала ухудшаться, достигнув характерного для начала и середины 1780-х гг. уровня 8 человек в год. Анализ поименных списков (Таблица 8) показывает, что возвращение к привычным для первой половины 1790-х годов темпам было достигнуто в 1800 г., а в 1801 г. количество вступивших становится еще большим. Отметим, что далее в правление Александра I, несмотря на подтверждение покровительства монарха и дополнительное финансирование, приток новых членов не сравнился ни с 1790-мы годами, ни с 1800, ни, тем более с 1801 годом.

---

⁶⁵³ Эти соображения могут стать продолжением исследований о социальном составе ВЭО, уже имеющимся в специальной литературе, и представленных с нашими дополнениями выше.

Год	Вновь вступившие члены	Российское подданство	Иностранное подданство
1797	19	11	8
1798	8	5	3
1799	8	6	2
1800	29	28	1
1801	41	39	2
Всего	105	89 (84,7 %)	16 (15,2 %)

Таблица 4. Подданство вновь вступивших членов ВЭО в 1797–1801 гг.

Если мы проанализируем количество иностранцев и российских подданных, становившихся членами ВЭО с 1791 по 1801 гг., то обнаружится постепенное снижение доли иностранцев, процесс характерный уже для 1794–96 гг. (1797 г. становится здесь исключением). В отличие от 1780-х – начала 1790-х гг., иностранцы более не играли значимой роли в общей динамике численности общества: абсолютное большинство вновь вступивших были поданными российской короны. Возможно предположить, что этот процесс был обусловлен внешнеполитической напряженностью в Европе во второй половине 1790-х гг. и вызванным ей сворачиванием международной системы коммуникации республики учености⁶⁵⁴.

Анализируя социальное происхождение российских подданных членов ВЭО (Таблица 9), мы можем отметить, что и в 1797–1801 гг. абсолютное большинство вновь вступающих в ВЭО членов принадлежало к дворянскому сословию – 87,6 %. Заметно выросла доля представителей «генералитета» – 50,6 %, более половины всех российских членов Общества против 46,4 % в первое десятилетие и 31,9 % в период 1776–1796 гг. Существенную роль в том, что большинство новых сочленов приходили из элиты сыграли финансовые

⁶⁵⁴ *Burke P.* Op. cited. P. 397.

причины: после 1794 г. стоимость диплома ВЭО, который каждый вновь вступивший должен был выкупать, поднялась с 5 до 10 рублей. Более того, с 1794 г. одновременно с покупкой диплома, будущие российские члены должны были и приобретать комплект книг, изданных под эгидой ВЭО, цена которого составляла 35 рублей. В павловское правление для вступления в общество следовало платить уже 50 рублей, к февралю 1801 г. – 75 рублей⁶⁵⁵. Ожидаемые высокие расходы на участие в ВЭО становились фильтром для дворян с небольшим достатком, который они могли преодолеть только посредством последовательной научной работы.

<i>Год</i>	<i>Дворянство</i>	<i>Купечество</i>	<i>Интеллектуалы</i>	<i>Духовенство</i>	<i>Неизвестно</i>
1797	9	1	0	1	0
1798	4	0	0	1	0
1799	4	0	1	0	1
1800	25	0	2	1	0
1801	36	1	1	1	0
Всего	78 (87,6 %)	2 (2,2 %)	3 (3,4 %)	4 (4,5 %)	2 (2,2 %)

Таблица 5. Распределение вновь вступивших членов ВЭО по сословиям, 1797–1801 гг.

<i>Год</i>	<i>1-5 классы</i>	<i>6-8 классы</i>	<i>9-14 классы</i>	<i>Неизвестно/ не служил</i>
1797	5	4	0	0
1798	2	2	0	0
1799	0	4	0	0
1800	14	10	1	0

⁶⁵⁵ *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 626.

1801	24	6	3	3
Всего	45 (50,6 %)	26 (29,2 %)	4 (4,5 %)	3 (3,4 %)

Таблица 6. Распределение вновь вступивших членов ВЭО по классам Табели о рангах, 1797–1801 гг.

Важным фактором динамики социального состава ВЭО и особенно его дворянской части в период правления Павла I могли быть и перипетии, связанные с определением статуса общественной организации. Отметим, что после подтверждения в 1799 г. права ВЭО использовать императорскую символику в наградных медалях, уже в 1800 г. наблюдался значительный прирост числа членов. Оценивая этот факт, можно было бы прийти к заключению, что стремление дворянства вступать в ВЭО было в значительной степени связано с его близостью к императору, равно как и то, что государственные служащие не хотели ассоциироваться с общественной организацией с неопределенным статусом, не видя в этом выгоды и, возможно, опасаясь обвинений в оппозиционности. Однако, если принять во внимание персональный состав вновь вступающих в период 1797-1799 гг. сочленов, то станет очевидной необходимость скорректировать это предположение.

При анализе списка персоналий, ставших членами ВЭО в правление Павла I, мы обнаруживаем большое количество лиц с высоким социальным статусом. Так, в 1797 г. членами общества стали действительные камергеры Г.А. Строганов и Н.Н. Демидов, П.П. Бакунин, на момент вступления занимавший должность директора Академии художеств, князь Алексей Борисович Куракин, тайный советник и генерал-прокурор Сената. В 1798 г., несмотря на то, что общее количество вступивших составило всего 8 человек, в их число вошел П.А. Пален, недавно назначенный военным губернатором Санкт-Петербурга, и проживавший в Брауншвейге князь Д.А. Голицын. Едва ли можно предположить, что недавно назначенный военным губернатором столицы империи Петр Пален, только возвратившийся из опалы, стал бы рисковать своим положением, вступая в «опальную ассоциацию».

В 1800 г., после подтверждения права использования императорской символики, членами ВЭО стали упомянутый выше генерал от инфантерии П.Х. Обольянинов, Н.П. Резанов, обер-прокурор Сената, придворный протопресиветер С.Н. Ливотов, действительный статский советник П.И. Голенищев-Кутузов и его брат генерал-майор Л.И. Голенищев-Кутузов⁶⁵⁶.

Таким образом, участие в жизни Общества не было явно связано с выражением какой-либо оппозиционности или приверженности политическим идеалам предыдущего правления, напротив, в период с 1797 по 1799 г., несмотря на то, что император Павел не подтвердил покровительства в сходных с его предшественницей формах, в члены ВЭО вступали влиятельные и близкие к трону сановники, не говоря уже о тех представителях дворянства, которые, как П.П. Бакунин или Л.И. Голенищев-Кутузов, были увлечены научной деятельностью. Членом ВЭО в 1800 г. стал также М. Туманский, санкт-петербургский цензор, который несколько раз до этого просматривал планируемые к публикации сочинения ассоциации. Таким образом, подтверждение права обществом использовать императорскую символику, было лишь одним из факторов, определяющих динамику его социального состава.

Примечательно, что «поток милостей», которым молодой император Александр I осыпал ВЭО, видимо, также сначала побудил многих представителей генералитета записаться в его члены. Так, членами ВЭО стали действительный тайный советник А.И. Васильев, Д.П. Трощинский, князь А.Н. Голицын. Тем не менее, уже в 1802 году к обществу присоединились только 11 человек (а затем 21 человек в 1803 г. и 13 чел. в 1804 г.)⁶⁵⁷.

Количество членов из провинции, как и в предшествующий период оставалось незначительным. Из 89 российских подданных только 10 были

---

⁶⁵⁶ Новое продолжение трудов... Ч. LIII. С. III–IV.

⁶⁵⁷ См.: Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества (СПб, 1802, 1803, 1804), части LIV, LV, LVI.

отмечены в списках как проживающие за пределами столиц. Если представление статусных членов Общества иной раз проходило в обход установленной процедуры⁶⁵⁸, то применительно к провинциалам протекция столичных членов общества продолжала играть важную роль. Так, именно по ходатайству И.А. Эйлера в 1799 г. был представлен к вступлению корреспондент Ничман из Сарепты, что стало наградой за его длительную и продуктивную в научном отношении переписку с ВЭО⁶⁵⁹.

Представительство иных социальных категорий, купечества и духовенства, вновь возвратилось к низким показателям. Более того, только один вновь вступивший сочлен был отмечен как служащий Академии наук – адъютант и коллежский ассессор А.Ф. Севастьянов⁶⁶⁰. В этом отношении мы наблюдаем определенную диспропорцию, так в интеллектуальное ядро Общества, которое составляли прежде всего члены Комитета, входили люди, которые в той или иной мере посвятили себя академической деятельности.

Таким образом к началу XIX в. в категориях номинального членства ВЭО продолжало оставаться общественным объединением преимущественно столичного дворянства высоких рангов, представляющего придворную среду в целом и ведомства, в чью специализацию входило управление государственным хозяйством и земледелием. При этом необходимо отметить, что факторы символического императорского покровительства и повышения стоимости членства, в значительной степени, но не полностью объясняют динамику его социального состава.

3.2.3. Внутренняя жизнь общества

---

⁶⁵⁸ При этом иногда в самом ВЭО при выборе новых членов допускались ошибки. Так, например, в 1792 году членом ВЭО стал почтмейстер Пестель, а в 1799 году его избрали членом общества еще раз, о чем он не преминул сообщить. См.: РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 16 об.

⁶⁵⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 4.

⁶⁶⁰ В период с 1790 по 1796 гг. членами ВЭО стали, например, адъютант В.М. Севергин (1791 г.), академики Н.И. Фус (1793 г.) и Теодор (Фёдор Иванович) Шуберт (1795 г.).

В речи, посвященной 35 годовщине учреждения ВЭО, секретарь русской экспедиции Ливотов употребил для его описания понятие «*сословие*», означавшее, согласно второму изданию Словаря Академии Российской, «общество, состоящее из известного числа членов»⁶⁶¹. Однако, как и в предшествующий период, номинальный состав этого *сословия*, лишь отчасти соотносился с узкой группой людей, непосредственно принимающих участие в работе Общества.

К началу правления Павла I уже сложилось устойчивое ядро наиболее активных сочленов, которые присутствовали на большинстве очных собраний, решали повседневные вопросы, рассматривали тексты, присланные для публикации. В центре этой группы стоял А.А. Нартов, жизненный путь и социальные стратегии которого позволяют характеризовать его как «типичную» фигуру, ключевую для функционирования европейских экономических обществ. Став Президентом, А.А. Нартов присутствовал практически на каждом собрании за исключением редких случаев болезни. На новом этапе своей работы он сделал еще один шаг к выделению управляющих членов ВЭО в отдельную группу, получающую жалование за отправление своих должностей. Так, в этот период была нормализована практика выдачи жалованья раз в треть. Президент получал от 120 до 150 рублей, секретари – от 100 до 150 рублей. При этом, поскольку жалованье президенту не было предусмотрено Уставом, оно выплачивалось с формулировкой «вместо золотой медали в 30 червонцев».

Как отмечалось выше, руководящая группа общества, хотя и претерпела определенные изменения, в целом сохранила преемственность по отношению к предыдущему периоду, что свидетельствует об устойчивости этой структуры, основой для которой служили не только сложившееся распределение ролей в самом Обществе, но и все более прочные связи с Академией наук и рядом других учреждений (в частности, Шляхетским корпусом). Так, помимо А.А. Нартова и Э.А. Эйлера, следует отметить академика Севергина, который

---

⁶⁶¹ РГИА, Ф. 91, Д. 61, Оп. 1, Л. 128 об–129.

исполнял освободившуюся должность русского секретаря в 1797–1798 гг. и курировал на начальном этапе издание «Деревенского зеркала». В 1798 г. на этой должности его сменил надворный советник Ливотов. Значимую роль во внутренней жизни общества также играл его казначей, генерал И.И. Андреевский, бывший на момент вступления в общество еще в период президентства графа Ангальта в 1794 г. полицеймейстером Шляхетского корпуса.

Анализ записей еженедельных собраний позволяет определить круг лиц, наиболее вовлеченных в работу общества в этот период. Так, в Комитет ответственный за выход единственной части «Трудов», полностью подготовленной в период правления Павла I, входили граф А.А. Мусин-Пушкин, тайный советник фон Гергард, академики Озерецковский, Крафт, Фус, Ловиц, Георгий; доктора медицины Орреус, Свенске и Рудольф, господин Шретер и титулярный советник Теряев. Таким образом академические ученые и «интеллектуалы» составляли наибольшую его часть, в том время как сановники и дворяне низших рангов образовывали явное меньшинство.

Внушительное представительство российских подданных иностранного происхождения, составлявших большую часть организационного ядра Общества в этот период, коррелирует с известной нам статистикой о национальном составе Академии. Последовательную политику по привлечению русских немцев ВЭО продолжало и в период царствования Павла, печатая объявления и задачи на русском и немецком языках в соответствующих версиях Санкт-Петербургских «Ведомостей»⁶⁶².

Об особом положении данной социальной группы внутри ВЭО и в период Павловского правления свидетельствует процесс избрания неперменного секретаря немецкой экспедиции. Смерть И.А. Эйлера в сентябре 1800 г. стала серьезной утратой для общества. Совмещавший должности немецкого секретаря ВЭО и секретаря Академии наук, признанный

---

⁶⁶² РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 61, Л. 155.

современниками ученый не только способствовал укреплению связей между двумя институтами, но и многое делал для поддержания связей ВЭО с иностранными обществами. Логичным и закономерным было и то, что пост нового секретаря немецкой экспедиции должен был занять этнический немец и представитель Академии. Президентом А.А. Нартовым были предложены три кандидатуры немецких академиков, а именно Герман, Фусс и Уден. По итогам голосования секретарем стал академик Фусс, который по случаю избрания произнес речь, что характерно, на немецком языке; собрание ВЭО предложило перевести его текст на русский язык, однако оно так и не было опубликовано⁶⁶³.

В организации внутренней жизни Общества не обнаруживается значимых изменений. Как и прежде, основной формой его работы были еженедельные собрания, на которых обсуждались присылаемые работы, рассматривались бытовые вопросы, в том числе связанные с содержанием «экономического дома». Особняком стояли заседания, на которых избирался президент, подводились итоги года или третей, праздновались годовщины учреждения, новый год, знаменательные даты, связанные с жизнью императорской фамилии – они как правило отличались большим числом присутствующих. Во всех этих собраниях, Общество, как и прежде, руководствовалось демократической буквой Устава, предлагая решения, заявления и проекты писем для голосования и принимая их большинством голосов присутствующих членов. Вместе с тем следует отметить свидетельства, говорящие о развитии корпоративного этоса в рамках если не всего Общества, то его активной части. В 1798 г. один из его старейших членов И.З. Кельхен выступил с предложением сделать финансовую отчетность общества более открытой и выставлять записи о ежемесячных доходах и расходах Общества на стол во время каждого собрания, чтобы все его участники могли заранее ознакомиться с документацией⁶⁶⁴.

---

⁶⁶³ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 61, Л. 110 об.

⁶⁶⁴ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 55–55 об.

Помимо этой небольшой группы руководство ВЭО выделяло и более широкий круг сочленов, регулярно награждая их особыми подарками – как правило новыми изданиями. В этот расширенный круг входили, согласно данному в дневной записи определению, «господа члены трудящиеся и посещающие Собрания, равномерно и некоторые Знатные особы»⁶⁶⁵. В трех списках, приуроченных к выходу тиража каждой из частей «Деревенского зеркала», содержался перечень персон, которым Общество подносило новое издание. Этот перечень упомянутых лиц незначительно менялся от списка к списку. Помимо президента и секретарей в него были включены следующие персоналии. Из представлявших «генералитет» были упомянуты И.К. Гергард (3), И.А. Вейдемейер (3), военный губернатор Санкт-Петербурга барон фон дер Пален (3), граф Сиверс (3), князь П.А. Зубов (3) и генерал И.И. Андреевский (3), Присутствовала и небольшая группа чиновников 6-8 классов: надворный советник и асессоры Свенске (2), московский почт-директор Н.Б. Пестель (1), Н.Н. Рожешников (3). Некоторые из упомянутых в прошлом были активно вовлечены в работу ВЭО в качестве авторов или членов его организационной структуры: А.А. Мусин-Пушин (3), И.З. Кельхен (3), Г.М. Ореус (3), Л.И. Бакмейстер (3), царскосельский садовник Буш (2), Э.И. Шретер (3), консулент Свенске (2), титулярный советник Теряев, а также цензор Туманский (1). Были отмечены также академики Крафт (3), Герман (3), Георги (3), Севергин (2), Ловиц (3) и лейб-хирург Блок (2). В числе приведенных фамилий только двое были указаны как жители провинции: помещики Энгельгардт в Лифляндии (3) и Левшин в Белеве (3). Единственным российским подданным за рубежом, который упомянут как оказавший значимые услуги ВЭО, был протоиерей Я.И. Смирнов. Отметим также, что и в этих списках отсутствуют упоминания А.Т. Болотова⁶⁶⁶.

Не претерпела изменений и деятельность ВЭО как центра экспертизы. По представленным в журналах собраний Общества сведениям, мы можем

---

⁶⁶⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 77.

⁶⁶⁶ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 1 об., Л. 77 – 77 об.

составить впечатление о том, как воспринималось оно в глазах современников в это время – и не увидим значимых отличий от предыдущего периода. Социальный состав направляющих в адрес общества свои изыскания, равно как и тематика этих сочинений оставалась разнообразной, что подчеркивает тот факт, что ВЭО в общественном сознании прочно ассоциировалось с идеей научного поиска в самых разных отраслях знаний.

В числе наиболее примечательных неопубликованных работ, присланных в его адрес в этот период можно отметить отчет об «успехах пчеловодства в Алтайском хребте»⁶⁶⁷, составленный членом ВЭО губернатором Аршеневским. Другой сочлен из провинции, господин Ентеман отправил в его адрес топографические изыскания Твери и Осташкова⁶⁶⁸.

ВЭО охотно вступало в переписку и по вопросам практического характера, пользуясь возможностью передать практические знания тем, кто испытывал в них необходимость. Так, в рамках переписки с мещанином из Архангельска Звягинцевым по поводу способов соления сельди, академик Севергин и собрание ВЭО посчитало необходимым направить ему сочинение «Г. Енгельмана о очищении соли для соления Архангельских сельдей на голландский образец» и письмо с «прошением об учреждении опытов над таковым способом»⁶⁶⁹. Также Звягинцеву были отправлены две малые серебряные медали ВЭО⁶⁷⁰.

В компетенции ВЭО оставались и изучение различных машин и химических веществ (например для тушения огня). Эксперименты проводились по возможности открыто и в присутствии как можно большего числа членов (в идеале – всего Собрания, как это было сделано при испытании средства для тушения огня в камине «Экономического дома»). В случаях, когда это было невозможно, в своих выводах опиралось на рецензии наиболее компетентных сочленов, как правило из Академии наук.

---

⁶⁶⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 4 об.

⁶⁶⁸ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 96.

⁶⁶⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 36 об.

⁶⁷⁰ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 45.

Не располагая собственным ремесленным производством, Общество делегировало соответствующие функции своим членам. Так, по поручению собрания, член ВЭО и придворный садовник Буш на «фарфоровом его заводе» изготовил «два горшочка и две чашечки» из «сукновальной земли», присланной членом Общества Ничманом из Сарепты. Посредством этого опыта была определена полезность такой земли, состоящая по мнению Шретера, в изготовлении разного рода посуды. Получившиеся образцы «приятного кирпичного цвета» были разделены: половина отправлена обратно Ничману, а половина – оставлена «между прочими искусственными произведениями общества»⁶⁷¹.

О близости ВЭО и Академии в глазах интересующихся наукой обывателей свидетельствовали и курьезы, когда в адрес общественной организации поступали работы, никак не соотносившиеся с его проблематикой. В таком случае собрание принимало решение перенаправлять материалы по назначению. Так, в 1797 г. в Академию были переданы рукописи, найденные при раскопках кургана на землях войска Донского, которые были присланы Штеричем из Екатеринослава⁶⁷². В 1800 г. ВЭО также устанавливает отношения со вторым российским экономическим обществом в Риге⁶⁷³.

Таким образом, в период правления Павла I не произошло значимых изменений во внутренней жизни ВЭО, каким-либо образом изменивших установившийся при Екатерине порядок. Напротив, в некоторых отношениях можно усмотреть тенденцию к дальнейшему развитию представлений современников о том, каким образом и на каких принципах должна быть организована жизнь общественной организации. В институциональном же отношении ВЭО все так же носило «сетевой» характер и все еще не располагало собственной экспериментальной площадкой для земледелия и

---

⁶⁷¹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 45 об. – 46.

⁶⁷² Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800)... С. 112.

⁶⁷³ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 15.

зависело от возможностей своих сочленов в проведении научных опытов, требующих определенной технической базы.

3.3. Международные контакты ВЭО, 1797–1801 гг.

Международные контакты ВЭО после 1796 г. в целом продолжали развиваться в рамках, заданных в последние годы правления Екатерины II с поправкой на разгоравшиеся в Европе войны. Большая часть контактов Общества оставалась в странах, не затронутых конфликтами напрямую – Англии, Германии и Швеции. Из 16 иностранцев, ставших членами в данный период, 8 были из Британии, 3 из Германии, двое из Швеции и по одному из Австрии, Дании и Франции. При этом количество вновь вступавших иностранных членов постоянно снижалось по сравнению с серединой 1790-х гг. и достигло минимума в 1799-1801 гг., остановившись на уровне 1-2 человека в год.

Дальнейшее укрепление связей с британскими организациями, которые были заложены еще в начале 1790-х гг., свидетельствует о взаимном интересе к сотрудничеству представителей интеллектуальной среды двух стран. Посредниками между ними были два деятельных человека: священник русской миссии в Лондоне Я.И. Смирнов⁶⁷⁴ и И.А. Эйлер. Следует отметить, что и подданные британской короны, вступавшие в состав российского общества или участвовавшие в переписке с ним и его представителями, как правило, были яркими деятелями экономического просвещения.

В 1797 г. членами Общества стали два землевладельца из окрестностей Отерхэма, капитан Хадсон и Джон Тэйлор, чье образцовое хозяйство, специализирующееся на выращивании овец, было отмечено в выпуске английского земледельческого журнала *Agricultural Surveys*, посвященному Йоркширу и западному Райдингу от 1799 г.⁶⁷⁵

---

⁶⁷⁴ См. Кросс Э. Указ соч. С. 59–69.

⁶⁷⁵ *Brown R. Appendix // General view of the Agriculture of the West Riding of Yorkshire London, 1799. P. 27.*

В 1798 г. дипломы получили Самуэль Стандидж «из Гулля» (Халл), приславший в адрес Общества описание этого английского города⁶⁷⁶, и знаменитый британский промышленник и один из учредителей Лунного общества (одного из наиболее влиятельных научных обществ Британии второй половины XVIII в.) Мэттью Болтон, а также его помощник Джозеф Грин. Скорее всего о деятельности ВЭО Болтон узнал после визита своих сотрудников в Россию для модернизации оборудования Санкт-Петербургского монетного двора⁶⁷⁷. Впоследствии Общество поддерживало связь с Болтоном и Грином через Смирнова, в том числе на его имя были отправлены дипломы о членстве⁶⁷⁸.

В 1798 г. членом ВЭО стал Джордж Коттон, декан Честера, а в 1799 г. по представлению А.А. Нартова⁶⁷⁹ – лорд Соммервиль, президент Совета по сельскому хозяйству при правительстве Питта-младшего⁶⁸⁰. Перед своим избранием Соммервиль в знак укрепления связей между двумя организациями направил в адрес ВЭО текст речи, которую он произнес при вступлении в должность президента⁶⁸¹. В следующем письме, доставленном 3 сентября 1799 г., Соммервиль благодарил за избрание его членом ВЭО и, воспользовавшись услугами Я.И. Смирнова, прислал дипломы земледельческого общества на имена Крафта, Орреуса и Севергина. Завершает список именитых британских подданных лорд Каррингтон, сменивший лорда Соммервиля на посту Президента, и после уведомления об этом событии, в свою очередь, ставший членом ВЭО в 1800 г. Определенный ущерб тесным связям между двумя

---

⁶⁷⁶ Два присланных экземпляра были рассмотрены цензурой, после чего один экземпляр был оставлен в библиотеке Общества, а другой направлен императору в Петергоф (РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 56, л. 134). Этот эпизод еще раз подчеркивает постоянство контактов ВЭО и Павла I.

⁶⁷⁷ Кондрашина Д.А. «Механик» Болтон и реконструкция Санкт-Петербургского монетного двора. По материалам книги Ричарда Доти «Монетный двор в Сохо и производство денег» // Нумизматика. 2008. № 16. С. 25–29.

⁶⁷⁸ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 34–35.

⁶⁷⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 61.

⁶⁸⁰ Frank A. J. L. James (2015) “Agricultural Chymistry is at present in it's infancy”: The Board of Agriculture, The Royal Institution and Humphry Davy // *Ambix*, 62:4, P. 367.

⁶⁸¹ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 51.

организациями, которые включали обмен книгами, чертежами и предметами научных коллекций, был нанесен после публикации указа Павла I о воспрещении ввоза в Россию иностранных книг и нот от 18 апреля 1800 г. А.А. Нартов, был вынужден сообщить Каррингтону о том, что он не может принять книги, которые должны были быть переданы через Смирнова, но благодарил за присылку чертежей «английской молотильной машины»⁶⁸².

Устойчивыми оставались и связи между членами ВЭО и их шведскими и немецкими коллегами. В отличие от британцев, последние, как правило, представляли либо государственные, либо академические институты.

В 1797 г. членами ВЭО стали Иоганн Шейер, инженер-капитан из Гогенлоэ⁶⁸³, Патрик Альстрёммер, член шведской академии наук и советник по коммерции. В том же году президент ВЭО А.А. Нартов, Мусин-Пушкин и академик Фусс были избраны членами Шведской академии наук и вскоре шведский академик Меландергельм был также избран членом ВЭО.

В 1798 г. к обществу присоединился Даниэль Меландер, секретарь шведской академии наук. Примечательно, что почетным членом Российской Академии Наук он стал существенно раньше – в 1776 г. В 1801 году в члены ВЭО был принят шведский натуралист барон Густав фон Пайкуль и юстицрат. В этом же году был включен и единственный датчанин, директор королевских мануфактур и юстицрат Эммануил Разм-Грове.

Во многом благодаря посредничеству Эйлера ВЭО поддерживало устойчивые связи с Лейпцигским экономическим обществом и представителями научного сообщества в Вюртемберге⁶⁸⁴. Лейпцигское экономическое общество направило в адрес ВЭО книгу о пчеловодстве и дипломы общества для Энгельгарта и Орреуса⁶⁸⁵. Мы также обнаруживаем

---

⁶⁸² РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 61, Л. 82 об.

⁶⁸³ В типографии И.К. Шнора ранее была опубликована его работа: *Шейер И.* Познание строения подводных укреплений: В наставление помещику и селянину особливо же таковым, кои живут при реках, ручьях и других водах.: С 18 чертежами. / Переведено с немецкаго надворным советником Н.Б. СПб.: Тип. И.К.Шнора, 1795.

⁶⁸⁴ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 84 об., 86 об., 106, 108, 188 об., 218.

⁶⁸⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 48–48 об.

переписку в 1799 г. членов общества с адресатом из Веймара⁶⁸⁶ и Берлинской академией⁶⁸⁷. Внимание членов ВЭО к немецкой интеллектуальной среде подчеркивалось и тем, что Общество выписывало Гамбургские ведомости⁶⁸⁸. Определенная часть контактов осуществлялась через посредничество Академии наук⁶⁸⁹.

Как и в случае с Я.И. Смирновым, в отношениях ВЭО с представителями германского «экономического просвещения» большое значение имел посредник, с помощью которого оно могло находить необходимые контакты и получать интересующую информацию. Таким посредником стал тайный советник и князь Д.А. Голицын⁶⁹⁰ (сочлен Общества с 1798 г.), живший после отъезда из Голландии, занятой французскими войсками, в Брауншвейге. Так, в своем благодарственном письме в адрес ВЭО он обещал предоставить известия «о приготовлении хорошей косы», «о добывании поташу не из деревьев, но из другого вещества», сочинение о селитре, о средствах к улучшению мыловаренных заводов, а также прислать маслобойную машину, чертеж которой он уже направлял в ВЭО в декабре 1798 года. В ответ ассоциация просила его доставить указанную машину «по открытии водяной коммуникации на кораблях, каковое доставление обойдется дешевле нежели по почте»⁶⁹¹. В дальнейшем Общество также активно пользовалась услугами князя. В частности, когда пастор Песлер из Брауншвейга писал в адрес Санкт-Петербургской организации об изобретении «Машины, которою необработанные поля можно лучше обыкновенной луговой сохи

---

⁶⁸⁶ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 163.

⁶⁸⁷ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 61, Л. 174.

⁶⁸⁸ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 61, Л. 171.

⁶⁸⁹ Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800)... С. 113, 121. Так, И.С. Кернер и А. – Б. Тилле именно ей адресовал свои сочинения (по ботанике и виноградарству соответственно) и просили переслать их ВЭО

⁶⁹⁰ Д.А. Голицын имел давние связи с Академией наук и некоторыми членами ВЭО в составе Академии. Так, в 1777 г. диссертацию князя «О Электризации» зачитывал академик Крафт. См.: Дневная записка бывшего в Санктпетербургской Императорской Академии Наук, октября 18 числа 1777 года, годового публичного Собрания и описание празднества, которое при том происходило. СПб.: Типография Академии Наук, 1777. С. 8.

⁶⁹¹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59. Л. 8 об–9.

распахивать», ВЭО, заинтересовавшись изобретением, немедленно поручило Эйлеру писать члену Общества из Любека Вальбауму, (сотрудник с 1792 г.) что бы тот узнал стоимость ее доставки из Любека в Санкт-Петербург⁶⁹². Покупка машины и ряда сочинений и чертежей впоследствии была организована именно через посредничество Д.А. Голицына⁶⁹³.

В адрес ВЭО также писали курляндские немцы. В 1799 г. надворный советник Миллер из Решенгофа попросил вернуть ему рукопись сочинения о разведении винограда, чтобы опубликовать его в другом месте. В «дневной записи» отмечено, что «общество, не найдя в помянутом сочинении ничего внимания достойного определило отправить оно»⁶⁹⁴.

О восприятии ВЭО некоторыми иностранцами в качестве полугосударственного института, который способен лоббировать определенные административные решения, свидетельствует следующий курьезный случай. Пастор Шмунд, проживавший в Вердере (средний Марк-Бранденбург), направил письмо, в котором уведомлял о своем желании переселиться в «новоприобретенные от Польши губернии» и просил Общество «подать ему в сем руку помощи» – постараться доставить «надлежащую землю на поселение». В ответном письме собрание распорядилось сообщить пастору, что «общество не может входить в дела такого рода» и рекомендовало обратиться в Экспедицию опекунов иностранных при Сенате⁶⁹⁵.

Система международной коммуникации продолжала устойчиво функционировать и в 1800 г. Из германского Валлерштейна близ Нордлингена на имя А.Б. Куракина поступило сочинение от камердиректора Георга Готтфрида Штрелина⁶⁹⁶ по теме проводимого обществом конкурса об «исправлении российских степей». Однако из-за своей краткости и того, что

---

⁶⁹² РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 23 об.

⁶⁹³ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 33 об – 34.

⁶⁹⁴ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 7.

⁶⁹⁵ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 65 об – 66.

⁶⁹⁶ Видимо, автор вышедшего в 1783 г. труда *Realwörterbuch für Kameralisten und Oekonomen*.

автор представился собственным именем, что не допускалось правилами, было решено его работу поместить в архив⁶⁹⁷. В том же году Патрик Альстремер из Готенборга уведомил Эйлера о том, что отправил морем молотильную машину для коллекции Общества.⁶⁹⁸

Таким образом, и в этот период ВЭО сохраняло связи с немецкими научными и общественными институтами и с целым рядом частных лиц, направлявших в его адрес свои работы, желая признания или конструктивной критики, и даже, как в случае с пастором Шмундом, прощения.

Контакты Францией по мере распространения революционных войн практически прервались. В то же время прибытие аристократической эмиграции из этой страны оказало заметное влияние на распространение экономической литературы в России. Так, в 1799 г. членства в ВЭО был удостоен французский дворянин Людовик Клермон-Тоннер. Вскоре им было учреждено собственное издание: «Журнал о земледелии», посвященный Павлу I. Перевод этого журнала был представлен ВЭО А. Мусиным-Пушкиным⁶⁹⁹, после чего его рассмотрение было поручено А.А. Репьеву, Г. Орреусу, Э. Шретеру и Бушу⁷⁰⁰, по итогам которого собрание удостоило Клермон-Тоннера диплома члена ВЭО. Примечательно, что в числе подписчиков этого издания оказались сам император Павел I, его супруга, великий князь Константин⁷⁰¹ и множество высокопоставленных особ, в том числе и А.Б. Куракин⁷⁰².

---

⁶⁹⁷ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 54.

⁶⁹⁸ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 58, Л. 62.

⁶⁹⁹ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 5 об.

⁷⁰⁰ РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 59, Л. 6.

⁷⁰¹ Говоря о связях ВЭО с младшим поколением императорской фамилии, отметим, что сразу несколько вновь вступивших в 1800 г. сочленов были связаны с великим князем Константином Павловичем. В их число входили Николай Вяземский, записанный как «гофмейстер двора великого князя» и адъютант Академии Александр Севастьянов, его библиотекарь (См.: Журналы заседаний ВЭО за 1800 г. // РГИА, Ф. 91, Оп. 1, Д. 61, Л. 19 об., 42 об.). Однако сам великий князь Константин Павлович, видимо, не вступал в прямую переписку с Обществом.

⁷⁰² Железнов В.Я. Указ. соч. С. 361.

Подводя итог обзора зарубежных контактов Общества в период правления Павла, следует упомянуть и любопытное свидетельство географического размаха республики учености даже в это беспокойное время. В 1800 г. на собрании было зачитано письмо И. Гекенвелдера из Пенсильвании – ставшего единственным членом Общества из североамериканского региона – с просьбой выслать ему «Труды». Взамен он давал обязательство «предприемля путешествие в Западные страны соединенных областей... тщательно наблюдать что Экономическому обществу может быть приятно, полезно и любопытно, также искать и при случае пересылать минералы...»⁷⁰³.

Таким образом, постепенное угасание общей для культуры эпохи Просвещения системы коммуникации интеллектуалов, видимо, сыграло свою роль в продолжающемся снижении привлекательности ВЭО у иностранных подданных. Вместе с тем Общество поддерживало достаточно разносторонние связи с различными сообществами интеллектуалов и отдельными персоналиями преимущественно из Британии, Швеции и германских государств.

Заключение

Учреждение и деятельность Вольного экономического общества как феномена второй половины XVIII в. стали возможными в результате развития взаимосвязанных социокультурных процессов в Европе и России. Они проявились в росте внимания правящих и интеллектуальных элит европейских раннемодерных государств к проблемам экономии и трансформации общественной сферы. Непосредственными предпосылками возникновения экономических обществ стали «вторая революция чтения», обусловившая возникновение фигуры массового читателя, а также становление новых форм социального общения, в котором все более заметную роль играли декларирующие свою независимость от государства общественные объединения и «критические интеллектуалы». При этом обсуждение вопросов

---

⁷⁰³ РГИА, Ф.91, Оп. 1, Д. 59, Л. 106 об–107. В проанализированных нами текстах свидетельств выполнения этого обещания не обнаружено.

совершенствования (или исправления) экономики оказалось неразрывно связано с двумя тематическими комплексами: прикладной пользы научного знания и необходимости морального прогресса социума, гармонизации частных и общественных интересов на основе идей патриотизма и/или стремления к общему благу.

Одним из институциональных воплощений указанных процессов стали экономические общества, модель которых была апробирована в 1740-х гг. в Великобритании и быстро распространилась в других государствах европейской культуры. В России дискуссии о необходимости учреждения специальной организации, которая бы занималась экономической проблематикой и одновременно задействовала общественную инициативу, активизировались в середине 1750-х гг. и проходили в русле общей интенсификации усилий по описанию территорий империи силами академических и государственных институтов.

Результатом данных дискуссий, в рамках которых было выдвинуто несколько альтернативных проектов, стало учреждение ВЭО, образцом для которого с высокой долей вероятности стали именно британские организации, прежде всего Лондонское общество поощрения искусств, мануфактур и коммерции. Перед организацией в соответствии с «камералистским стилем мышления», присущим российским элитам, прежде всего ставились задачи обеспечения внутреннего развития страны, в особенности хозяйственного освоения ее территорий, а также морально-этической трансформации социума через его приобщение к «наукам и опытам». Во многом именно причастность Общества академической сфере, в развитии которой российская власть начиная с эпохи Петра I видела залог успеха своего вестернизационного проекта и международного престижа, объясняет его привилегированный статус как покровительствуемого лично монархом. Помимо этого, данный проект потенциально мог быть востребован для реализации планов Екатерины II по привлечению подданных к участию в новых формах коммуникации с

властью и между собой, а также способствовать решению проблемы поиска новых путей самореализации дворян в условиях отмены обязательной службы.

Эволюция ВЭО от стадии первоначального проекта до укорененной в российской общественной среде организации происходила в несколько этапов и определялась различными социокультурными факторами. В Уставе 1765 г. были заложены краеугольные принципы Общества – в первую очередь эгалитарный принцип организации его состава без деления по сословным или профессиональным признакам. При этом документ характеризовался идеализированными представлениями о должностях сочленов, в обязанности которых входило обязательное участие в научной работе. Одновременно обнаружилось недостаточное внимание его учредителей, защищенных императорским покровительством и возможностями своих сановных сочленов, к вопросам обеспечения самостоятельности Общества, в том числе его финансовой устойчивости.

Процесс адаптации ВЭО к условиям российского социума второй половины XVIII в. проходил по нескольким направлениям. Ключевым из них было формирование активного ядра, которое принимало непосредственное участие в жизни и работе организации, от более широкого номинального состава. В итоге вплоть до 1790-х гг. функций сочленов приводились в соответствие с ожидаемыми социальными ролями, что отражалось и в новых редакциях уставных документов. Так, основу Комитета (организационный центр повседневной жизни Общества; персональная консолидация данной группы произошла в 1790-е гг.) составили академические интеллектуалы, а также ряд «просвещенных дворян» 6-8 рангов, в то время как принимавшие непосредственное участие в его организации представители генералитета сфокусировались на функциях управления и патронажа.

Разнообразие прикладной тематики, характерное для экономического просвещения, позволяло принимать деятельное участие в работе основного периодического издания Общества, «Трудов», представителям различных социальных групп. Новыми возможностями самореализации воспользовалась

целая плеяда дворянских интеллектуалов из числа помещиков (А.Т. Болотов, П.И. Рычков, А.В. Олешев, В.И. Левшин) и верхушки служилой аристократии (напр. Р.Л. Воронцов и С.Ф. Ушаков) и ученых (П.-С. Паллас, И.И. Лепехин, В.М. Севергин). Интересные им направления научного творчества разрабатывали представители купеческого сословия (например, М.С. Голиков, А.И. Фомин), отдельных групп отраслевых специалистов, в частности аптекарей и сотрудников горного ведомства. В конце правления Екатерины II была сделана частично успешная попытка, отойдя от модели равноправного участия, предложить новые формы публичной коммуникации для ранее непредставленных в ней групп населения, прежде всего крепостного крестьянства, которая, однако не получила продолжения при Павле I.

В исследовании была проведена попытка комплексной реконструкции социального портрета участника ВЭО в XVIII в. Было выявлено, что он в целом соответствует имеющимся в литературе данным об удельном весе каждой из групп населения в рамках публичной сферы. Он характеризовался преобладанием столичного дворянства (прежде всего 1-5 и 6-8 классов) и близких к академической культуре интеллектуалов. Наметившаяся в 1790-х гг. тенденция к демократизации состава, была развернута вспять в период правления Павла I, что выразилось в росте представленности генералитета за счет других социальных групп.

На протяжении второй половины XVIII в. ВЭО как коммуникативный актер проявил себя в различных форматах взаимодействия с публикой. В риторике организации особый фокус делался на позиционировании Общества как личного проекта императрицы и воспроизведении ключевых аспектов императорского культа, что повышало его престиж и значимость в глазах российского социума. Этот аспект также был чрезвычайно важен в контексте развития международных контактов. Одновременно в «Трудах» рядом авторов продвигались специфические трактовки патриотизма, в рамках которых решались проблемы борьбы с предрассудками, популяризации камералистских представлений о пользе наук, а также предпринимались

попытки выстроить сопряжение государственных и частных, прежде сего дворянских интересов.

Публикационная активность Общества шла рука об руку с попытками выстроить устойчивые связи с провинцией, что было необходимо для достижения его основных целей – получения и распространения полезных знаний. Предпринимаемые с 1765 по 1801 гг. усилия в этом направлении носили сложный характер, детерминированный социокультурной природой организации. Так, в нем сочетались инструменты публичной сферы (продвижение печатных изданий и попытки популяризации ученых штудий как социально одобряемой формы самореализации) и административные практики (использование собственного высокого статуса и возможностей своих сановных сочленов для получения требуемой информации от государственных чиновников, представителей дворянских корпораций, а также для распространения публикаций).

Данные факторы влияли и на специфику издательской деятельности ВЭО. Сравнительно низкая популярность «Трудов» была связана всего с наукообразностью текстов и чрезмерной широтой освещаемой тематики, интересной прежде всего специалистам, а также незаинтересованностью организации, получавшей субсидии от Кабинета, в последовательной коммерциализации своей работы. При этом характерная для «Трудов» высокая доля работ с указанным авторством по сравнению с предшествующими проектами схожей направленности (например, «Ежемесячными сочинениями»), свидетельствует о том, что участие в деятельности патронируемой монархом ассоциации, способствовало повышению статуса автора в российском обществе. Вместе с тем изучение обстоятельств подготовки крупнейшей издательской инициативы Общества в XVIII в. – публикации «Деревенского зеркала» позволяет сделать вывод о способности в новых для себя условиях переориентироваться на экономически выгодные проекты, имеющих в виду фигуру «массового читателя».

Сочетая методы публичной сферы и административные возможности своих сочленов, ВЭО пыталось решить еще одну значимую проблему – привлечения сочленов из провинции. Данный процесс шел на протяжении всего указанного периода сравнительно медленными темпами, что было связано с объективными обстоятельствами – сложностью с информированием местного населения и недостаточным их интересом к участию в новых формах социальной жизни.

Вместе с тем, несмотря на критику проекта Общества как оторванного от социальных и экономических реалий, высказанную Екатериной II в конце ее правления, он оставался востребованным российской политической и интеллектуальной элитами. Об этом свидетельствуют его судьба в 1795-96 гг., когда оно оказалось лишенным субсидий Кабинета на издание «Трудов» и перипетии правления Павла I, в ходе которых оно смогло урегулировать свой статус, при этом сохранив свою привлекательность для верхушки аристократии, дворянства 6-8 рангов и «интеллектуалов». Последующие события истории ВЭО свидетельствуют о том, что идея патриотической общественной организации, занимающейся экономической и научной проблематикой, оказалась глубоко укоренена в российской социокультурной среде. Более того, она и впоследствии воспринималась как по существу государственная деятельность. Об этом, в частности, свидетельствует, приводимый А.И. Ходневым факт обращения собрания Общества к императору Александру I в 1808 г. с просьбой утвердить специальный мундир для его членов – по аналогии с аналогичным символическим одеянием сотрудников Академии и Московского Университета⁷⁰⁴.

Если рассматривать деятельность Общества как прообраз общественных организаций XIX в., то уместно также процитировать характеристику А.С. Шишковым отношений «Беседы любителей русского слова» и Российской академией: «Беседа не присвоила себе никогда прав Академии, и большей частью состояла из ее членов. ... Вся цель ее была только та, чтобы

---

⁷⁰⁴ Ходнев А.И. Указ. соч. С. 629–630.

читать перед публикою (чего Академия делать не могла) избранные произведения писателей, доставляя им через то ободрение и приятность публике, в которой старалась она распространять вкус и охоту к отечественной словесности»⁷⁰⁵. В приведенном тексте Шишков вполне в духе эпохи Просвещения делал акцент на публичности и открытости деятельности ассоциации как ее ключевых признаках (а также на «приятности» занятий учеными штудиями, что для риторики «Трудов», напротив, не было характерно), с помощью которых они должны были органично дополнять научную и просветительскую работу государственных учреждений. Таким образом, организационный, методологический и идейный опыт работы ВЭО, как и ряда других европейских экономических обществ, оказался востребован общественными организациями нового века.

---

⁷⁰⁵ *Шишков А.С.* Мнение о представленном в комитет господ министров проекте и уставе, при коем испрашивается утверждение общества под названием Соревнователей Просвещения и Благотворения // Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: [в 2 т.]. Т. 2. [Домашние записки: (1808–1820); Записки: (1824–1826); Статьи; Письма: (1810–1840); Указатель] / изд. Н. Киселева, Ю. Самарина. Berlin: V. Behr's Buchhandlung, 1870. С. 158–159. Шишков противопоставлял «Беседу» и Общество Соревнователей. Он негативно оценивал претензии последней на функции, отведенные императорской властью Академии, в особенности на участие в определении правил языка. Также он критиковал непубличный и неоткрытый процесс приема новых членов, чьи заслуги по представлению автора должны были быть представлены публике и объяснены.

Источники и литература

Цитируемые статьи в «Трудах»

1. *Алопеус С. Г.* Алопеуса описание местоположения Кексгольмской провинции // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 45, Ч. XV. СПб: Типография Горного Училища, 1792, С. 185–202.
2. *Бахерахт.* Господина Доктора Бахерахта сочинение на заданную для решения задачу о падеже рогатого скота // Труды Вольного Экономического Общества, Т.21, Ч. XXI. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1772. С. 1–64.
3. *Бахерахт.* Его же Господина Бахерахта описание и наставление о прививании оспы // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 21, Ч. XXI. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1772. С. 65–116.
4. *Болотов А.Т.* О рублении, поправлении и заведении лесов // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 4, Ч. IV, СПб: Императорская Академия Наук, 1766. С. 68–149.

5. *Болотов А.Т.* Продолжение о рублении, поправлении и заведении лесов // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 5, Ч. V. СПб: Императорская Академия Наук, 1767. С. 78–132.
6. *Болотов А.Т.* Примечания о хлебопашестве вообще // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1768, Т.9, Ч. IX. С. 28–59.
7. *Болотов А.Т.* Сочиненный господином капитаном Болотовым наказ для деревенского управителя // Труды Вольного экономического общества. Т. 16, Ч. XVI., СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1770. С. 69–230.
8. *Бонагурий И.* Способ к размножению нужнейшаго и прибыточнейшаго рода хлеба в Российской империи // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 24. Ч. XXIV. СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1773. С. 1–44.
9. *Воронцов Р.Л.* О заведении запасного хлеба // Труды Вольного экономического общества. Т. 2, Ч. II. СПб: Императорская Академия Наук, 1766. С. 13–22.
10. *Воронцов Р.Л.* О способах к исправлению сельского домостроительства // Труды Вольного экономического общества. Т. 5, Ч. V. СПб: Императорская Академия Наук, 1767. С. 1–13
11. *Грасман.* Господина Пастора Грасмана сочинение на задачу о удобрении земли в Копорском уезде... // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1771 Т. 19, Ч. XIX. С. 1–114.
12. *Грасман.* Определение земли на одно крестьянское тягло // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1775. Т. 29, Ч. XXIX. С. 1–232.
13. Дружеские советы благородным сельским жителям, в двух отделениях состоящие: из оных первое о Добродетели и Пороках, второе о Земледелии и Домостроительстве // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1767. Т. 6, Ч. VI, С. 1–37.

14. *Долгоруков П.П.* Письмо его Сиятельства Князя Петра Петровича Долгорукова о торфе и каменных углях им открытых // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, СПб, 1798, Т. 52, Ч. III, С. 68–85.
15. Задача о удобрении земли в Копорском уезде без сжения кубышей // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1769. Т. 13, Ч. XIII. С. 123–126.
16. *Кельхен И.* Нечто служащее к познанию Государства в разсуждении Экономии // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, СПб: Типография Горного Училища, 1789, Т. 39, Ч. IX, С. 38–63.
17. *Клингштетт Т.И.* Решение вопроса: который из земных наших продуктов больше соответствует общей пользе и распространению нашей Коммерции? // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1765, Т.1., Ч. I, С. 147–165.
18. *Клингштетт Т.И.* Изъяснение способа к поощрению земледельцов к трудолюбию // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 16, Ч. XVI. СПб: Морской шляхетный Корпус, 1770. С. 237–256.
19. *Коновницын П.П.* О произрастании кырлыка // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 40, Ч. X. СПб: В Типографии Горного Училища, 1790. С. 39–49.
20. *Лаксман Э.* Речь пастора Лаксмана // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 11, Ч. XI. СПб: Императорская Академия Наук, 1769. С. 76–85.
21. *Лаксман Э., Модель И.Г.* О размножении российского червеца // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 15, Ч. XV. СПб: При морском шляхетном кадетском корпусе, 1770. С. 80–87.
22. *Леман И.Г.* Экономическое испытание синей земли. Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Т. 1, Ч. I. С. 74–87.

23. *Леман И.Г.* Мнение о лесах // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 3, Ч. III. СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1766 С. 117–146.
24. Макаров П. О конском падеже // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 39., Ч. IX., СПб: Типография Горного Училища, 1789. С. 184–197.
25. *Нартов А.А.* О посеве леса // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 28–35.
26. *Нартов А.А.* Речь Его Превосходительства Андрея Андреевича Нартова о пользе минералогии в отношении к хлебопашеству // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 52, Ч. III. СПб, 1798 С. 375–390.
27. О лутчем корме и присмотре коров // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 36, Ч. XVI. СПб, 1785. С. 1–97.
28. О происходившем 30 Октября 1770 года празднестве Вольного Экономического Общества // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 16, Ч. XVI, СПб: морской шляхетный кадетский Корпус, 1770. С. 1–12.
29. О успехах земледелия. Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 39, Ч. IX, СПб: Типография Горного Училища, 1789, С. 212–219.
30. Объявление // Труды Вольного Экономического Обществат. Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 171–172.
31. Объявления о задачах // Новое Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 51 Ч. II. СПб: Типография Содержателя И.К. Шнора, 1796. С. 369–372.
32. *Олешев А.В.* Письмо Вологодской провинции помещика, господина бригадира Олешева к Вольному Экономическому Обществу // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 2, Ч. II. СПб: Императорская Академия Наук, 1766, С. 102–105.

33. Опыт поправления крестьянских жилищ // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 34, Ч. IV. СПб: Типография Шнора, 1783. 1–187.
34. Ответ на письмо Его Сиятельства Г. Генерала-Аншефа... Алексея Григорьевича Орлова Чесменского // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 48, Ч. XVIII. СПб: Типография Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса, 1793. С. 265–267.
35. *Паллас П.С.* Известия о введенном скотоводстве и земледелии в Камчатке и около Охоцка, при Удском остроге лежащем подле Охоцкого моря // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 33, Ч. III СПб: Морской Шляхетный Кадетский корпус, 1783. С. 26–40.
36. *Паллас П.С.* О жжении суков и кубышей // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества. Т. 42, Ч. XII. СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. 151–157.
37. *Пассек Ф.* О прививании оспы // Труды Вольного Экономического Общества. Т. 25, Ч. XXV. СПб: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1773. С. 77–87.
38. Писчеков Д. О новом способе перечищения поваренной соли // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т.37, Ч. VII. , СПб: Типография Горного Училища, 1787. С. 1–13.
39. Письмо Ея Императорского Величества к Вольному Экономическому Обществу // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I, СПб: Императорская Академия Наук. 1765. [нет пагинации].
40. План // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I, СПб: Императорская Академия Наук. 1765. [нет пагинации].
41. Предупреждение // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I, СПб: Императорская Академия Наук. 1765. [нет пагинации].

42. Предуведомление // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 31, Ч. I. СПб: Морской Шляхетный Кадетский Корпус, 1779. Без пагинации.
43. Предуведомление // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 41. Ч. XI. СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. IX–X.
44. Произшествия Вольного Экономического Общества // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 44, Ч. XIV. СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. 1–120.
45. Продолжение известий 1793 года // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 50, Ч. I., СПб: Типография содержателя И.К. Шнора, 1795. С. 335–428.
46. *Регенсбургер И. Д.* О приготовлении навоза // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 18, Ч. XVIII. СПб: Морской Шляхетный Кадетский Корпус, 1771. С. 169–209.
47. *Ревьев А.* Благодарительная к Обществу речь // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 31, Ч. I, СПб: Морской Шляхетный Кадетский Корпус, 1779. С. 153–155.
48. *Рычков П.И.* О сбережении и размножении лесов // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 6, Ч. VI. СПб: Императорская Академия Наук 1767. С. 84–112.
49. *Рычков П.И.* Сочиненный Господином Статским Советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенского управителя // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 16. Ч. XVI. СПб: Морской Шляхетный Кадетский Корпус, 1770. С. 9–64.
50. Способ к размножению нужнейшаго и прибыточнейшаго рода хлеба в Российской империи // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 24, Ч. XXIV. СПб: Морской Шляхетный Кадетский Корпус, 1773. С. 1–44.
51. *Тамбовцев В.* Речь легких войск господина Депутата Василья Тамбовцова // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Императорская Академия Наук 1768, Т. 10, Ч. X. С. 115–117.

52. *Туманский Ф.И.* Г. Туманского речь о некоторых причинах препятствующих усовершенствованию хозяйства // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 49, Ч. XIX, , СПб: Типография Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса, 1794. С. 303–334.
53. Устав // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. Без пагинации.
54. Устав Вольного Экономического Общества с пополнениями к прежнему, утвержденный общим согласием Членов Февраля 24 дня, 1770 года // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 17, Ч. XVII, СПб: Морской Шляхетный Кадетский Корпус, 1771, С. 190–213.
55. Устав о корреспондентах // Продолжение Трудов Вольного экономического общества. Т. 41, Ч. XI. СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. 226–235.
56. *Ушаков С.Ф.* Его Превосходительства Господина Сенатора и Кавалера Степана Федоровича Ушакова сочинение о плодородии озимаго хлеба // Труды Вольного Экономического Общества, СПб: Морской шляхетный кадетский корпус, 1773. Т. 23, Ч. XXIII. С. 1–28.
57. *Фрибе.* О пользе и вреде болот. Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 50, Ч. I. СПб: Типография Содержателя И.К. Шнора, 1795. С. 252–305.
58. Хозяйственные известия 1794 года // Новое продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т.51, Ч. II. СПб: Типография Содержателя И.К. Шнора, 1796. С. 243–368.
59. *Чернышев З.Г.* Речь, говоренная в собрании при вступлении в Вольное Экономическое Общество... Захаром Григорьевичем Чернышевым // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 173–175.
60. *Шретер Э.* Случайное размышление о употреблении всякаго рода лесов в Санктпетербургской губернии, и как надлежит чинить им пособие //

Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 40, Ч. X., С. СПб: Типография Горного Училища, 1790. 203–212.

61. *Шталь*. Краткое мнение о поправлении домостроительства Могилевской Губернии // Продолжение Трудов Вольного Экономического Общества, Т. 42, Ч. XII. СПб: Типография Горного Училища, 1790. С. 137–150.

62. *Штелин Я.* Речь Статского Советника Штелина при вступлении его в Вольное Экономическое Общество // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 4 Ч. IV. СПб: Императорская Академия Наук, 1766. С. 187–196.

63. Экономические вопросы касающиеся до земледелия по разности провинций // Труды Вольного Экономического Общества, Т. 1, Ч. I. СПб: Императорская Академия Наук, 1765. С. 180–193.

Дополнительные опубликованные источники

1. *Бакмейстер Л. И.* Топографическая известия служащая для полного географического описания Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1771—1774.

2. *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Институт русской цивилизации, 2013.

3. *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб.: Императорский шляхетский сухопутный кадетский корпус, 1794. – xi + 757 с.

4. Деревенское зеркало или Общепольная книга.: Сочинена не только чтоб ее читать, но чтоб по ней исполнять: [в 3 ч.]. СПб., 1798–1799.

5. Доклад Комиссии о правах и преимуществах русского дворянства // СИРИО, т. 7. СПб, 1871. С. 238–266.

6. Донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина, СПб, 1915, Т. 162, апрель 1915. С. 33–37.
7. Еженедельные известия Вольного экономического общества. 1788[–1789] года. - СПб.: Тип. Горного училища, [1788-1789].
8. *Ломоносов М.В.* Полное собр. соч., Т. 10.
9. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения : [С прил.] / Под ред. [и с предисл.] Н.Д. Чечулина. - Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1907. -[4], II, CLIV, 175 с.
10. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи Ч. I.
11. Рукописные материалы химиков второй половины XVIII в. В архиве Академии Наук СССР. Научное описание. Сост. Н.М. Раскин, М., Л., 1957.
12. *Рычков П. И.* Продолжение переписки о коммерции. Письмо пятое // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб, 1757. Январь. С. 50–60.
13. *Татищев В.И.* Напомнение на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств // Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. С. 198–209;
14. *Татищев В.И.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ // Избранные сочинения. Ленинград: «Наука», 1979. С. 51–132.
15. Ученая Корреспонденция Академии Наук XVIII века (1762–1782): Научное описание / Сост. И.И. Любименко; под общ. Ред. акад. Д.С. Рождественского; ред. Г.А. Князев, Л.Б. Модзалевский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 606 с.
16. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1783-1800): Научное описание / Сост. Ю.Х. Копелевич, В.И. Осипов, И.А. Шафран; под ред. Г.К. Михайлова. Л. : Наука, 1987. - 272 с.
17. *Шейер И.* Познание строения подводных укреплений: В наставление помещику и селянину особливо же таковым, кои живут при реках, ручьях и

других водах.: С 18 чертежами. / Переведено с немецкого надворным советником Н.Б. СПб.: Тип. И.К.Шнора, 1795.

18. *Щербатов М.М.* Размышления о самстве // Щербатов М.М. Избранные труды / М.М. Щербатов; [сост., автор вступ. Ст. и коммент. С.Г. Калинина]. М., 2010. С. 533–544.

19. *Элизен И. Г. Д.* Краткое наставление о скотских падежах и каким образом во время оных поступать надлежит: С описанием открывшихся ныне скотских болезней в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. / Сочиненное на немецком языке надворным советником, санктпетербургским штатдфизиком и доктором Элизеном.; Одобренное Экспедициею государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства; Попечением ея переведенное [В.Я.Джунковским]; И по высочайшему его императорского величества соизволению в печать изданное. Воронеж: Тип. Губ. правления, 1798.

20. *Abhandlungen der freien oekonomischen Gesellschaft in St. Petersburg...* Riga: 1776.

21. *Auswahl ökonomischer Abhandlungen welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg.* St. Petersburg, 1793.

Архивные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА): Фонд 91 – «Вольное Экономическое Общество», Опись 1. Д. 53, 56, 58, 59, 61, 63, 378, 385, 391, 399, 403, 546.

Дополнительные архивные источники

Перечень слов, употребление которых запрещается и тех, которыми их повелевается заменить // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 548.

1. *Аллен Р.С.* Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Издательство института Гайдара, 2014. 448 с.
2. *Алябина И.О., Голубинский А.А., Кириллова В.А., Хитров Д.А.* Почвенные ресурсы и сельское хозяйство центра Европейской России в конце XVIII века // *Почвоведение*. 2015. № 11. С. 1302-1313.
3. *Андреев А.Ю.* «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. Отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. серии А.В. Доронин. М., 2009. С. 9–31.
4. *Артамонова Л.Н.* Учёный и императрица: академик Эпинус и Екатерина Великая // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2012., Т. 14, № 3. С. 7-13.
5. *Артъемьева Т.В.* К. Линней и его интеллектуальные связи с Россией // *Философский век. Альманах*. Вып. 33. Карл Линней в России. СПб, 2007. С. 55–70
6. *Артъемьева Т.В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: от Петра I до Екатерины II // *Вопросы философии*., 2009, №9.
7. *Артъемьева Т.В., Микешин М.* Интеллектуальные сообщества в эпоху Просвещения [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/15.pdf (Дата обращения: 28.08.2021).
8. *Бак И.С.* Экономические воззрения П.И. Рычкова // *Исторические записки*, № 16, 1945, С. 126–138.
9. *Бекасова А.В.* «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации (на примере графа Н.П. Румянцева) // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1995. № 1. С. 24–39.
10. *Бекасова А.В.* Изучение Российской империи экспедициями 1760-1780-х гг.: "взгляд" естествоиспытателей и формирование представлений о

государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. №4. С.13-34.

11. *Бекасова А. В.* Дилижансы на дорогах России XIX в.: от замысла – к практике воплощения // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. С. 32–55.

12. *Бекетов А.Н.* Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Императорского Вольного Экономического Общества с 1865 до 1890 гг. СПб.: Типография В. Демакова, 1890. 200 с.

13. *Белявский М.Т.* Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766–годах // *Археографический ежегодник за 1958 год*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 387–432.

14. *Белявский М.Т.* Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России // *Вестник Московского университета. Сер. «История»*, 1960. № 6. С. 37–50.

15. *Белявский М.Т., Лооне Л.А.* Документы об обсуждении крестьянского вопроса в Вольном экономическом обществе в 1767–1768 гг. // *Археографический ежегодник за 1960 год*. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 315–366.

16. *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М.: Издательство Московского университета, 1965. 381 с.

17. *Бен-Дэвид Д.* Роль ученого в обществе. М: Новое литературное обозрение., 2014. 344 с.

18. *Бердышев А.П.* Сто пятьдесят лет служения Отечеству (из истории Вольного экономического общества). Ч. 1-3. / А.П. Бердышев. М., 1992–1993.

19. *Бердышев А.П.* Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры 1738–1833. М.: Агро-промиздат, 1988. 142 с.

20. *Березницкий С.В.* Нерчинская экспедиция / С.В. Березницкий; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2014. 296 с.

21. *Брут А.И.* Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы (до 1848 года): С крат. теориею

- статистики / Соч. б. адъюнкт проф. С.-Петербур. ун-та Александра Брута. Кн. 1-6. СПб: В. Терсков, 1850-1853. - 6 т.
22. *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. 448 с.
23. *Бугров К.Д.* Коррупция и разложение Российской империи: античные модели критической мысли в российской политической культуре второй половины XVIII в. // Уральский исторический вестник № 3 (32), 2011. С. 105–113.
24. *Бугров К.Д.* Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 96–101.
25. *Бугров К.Д.* «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVIII в. // *Quaestico Rossica*, 2013, № 1. С. 117–127.
26. *Бугров К.Д.* «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 143–156.
27. *Бугров К.Д.* «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8 № 3/2, 2016. С. 27–33.
28. *Бугров К.Д., Киселев М.А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. Университета, Университетское изд-во, 2016. 480 с.
29. *Бугров К.Д.* Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2017.

30. *Бугров К.Д.* «Экономия и добродетель: этический регулятор помещичьего хозяйства в российской общественно-политической мысли XVIII–начала XIX в. // История: факты и символы. 2019. №1 (18). С. 7–18.
31. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
32. *Быков Д.А.* Помещик и крестьянин в России XVIII – первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством. Дисс... канд. ист. наук. М., 2005. 277 с.
33. *Веселова А.* Вопросы земледелия и домостроительства» в деятельности императорского Вольного экономического общества [Электронный ресурс] // Отечественные записки № 1 (16), 2004. URL:<http://www.strana-oz.ru/2004/1/voprosy-zemledeliya-i-domostroitelstva-v-deyatelnosti-imperatorskogo-volnogo-ekonomicheskogo-obshchestva>. (Дата обращения: 28.08.2021).
34. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 464 с.
35. *Виленский А.И.* Аграрный вопрос в Вольном экономическом обществе в последней трети XVIII — первой половине XIX в. Дис. канд. экон. наук. Петрозаводск, 1964.
36. *Вишленкова Е.А.* «Между Западом и Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского университета // Быть русским по духу и европейцем по образованию: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. Отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2009. С. 83–100.
37. *Вульф Л.* Размышления о Сибири и Тихоокеанском регионе: взгляд эпохи Просвещения с периферии. Центры и периферии европейского мироустройства / отв. сост. А.В. Доронин, М., 2014. С. 178–191.
38. *Глаголева О.Е.* Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX. Тула: Ритм, 1993. 208 с.

39. *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона // Доклады советских делегатов на II международном конгрессе по истории науки и техники. М., Л.: Гос. техн.-теорет. изд-во, 1933. 77 с.
40. *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб: Петербургское Востоковедение, 2002. 512 с.
41. *Голдстоун Дж.* Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 224 с.
42. *Гриффитс Д.М.* Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д.М. Екатерина II и ее мир. М. Новое литературное обозрение, 2013. С. 63–101.
43. *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. М.: Наука, 2003. 517 с.
44. *Гуларян А.Б.* Проблема классификации общественных организаций в дореволюционной России // ЗПУ. 2013. №3. С. 153–159.
45. *Густова Л.И.* «Славлю сельскую жизнь на лире...» Усадьба в русской поэзии XVIII – первой трети XIX веков. СПб, 2013. 215 с.
46. *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX–начале XX вв. и железнодорожная статистика. М.: Алетейя, 2010. 830 с.
47. *Депар П., Шейпин С.* Научная революция как событие / Питер Депар, Стивен Шейпин. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
48. *Джонс Р.Т.* Пётр Симон Паллас, Сибирь и европейская «Республика Учёных Писем» // Историко-биологические исследования. 2011. №3. С. 55–67.
49. *Дружинин Н.М.* «Просвещенный абсолютизм» в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Издательство «Наука», 1964 г. С. 428–459.
50. *Дубман Э.Л.* Изучение природных ресурсов европейского Юго-Востока России во второй половине XVII в. // «Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации», III Междунар. науч.-практ. Конф., Самара, 2015. В 2 ч. Ч. I. С. 225–230.
51. *Дуринова Г.В.* Темпоральная семантика слова общество (XI – первая треть XIX века) // Социологическое обозрение. 2015. №1. С.68-104.

52. *Дуринова Г.В.* Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII В. (к вопросу о лингвистической основе истории понятий) // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2015. №1 (41). С.18-38.
53. *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные общества // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв.ред. А.С. Туманова М., 2011. С. 315–373.
54. *Железнов В.Я.* Экономические воззрения первых русских агрономов. М.: «Принципум», 2015. 480 с.
55. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализация монарха в России) Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337.
56. *Живов В.М.* Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в конце XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV: (XVIII — начало XIX века). 2-е изд. М., 2000. С. 657–680.
57. *Живов В.М.* Дисциплинировать и просвещать: две модернизационные стратегии и пространство между ними // Центры и периферии европейского мироустройства / отв. сост. А.В. Доронин, М., 2014. С. 144–164.
58. *Замятин Д.Н.* Постгеография. Капитал(изм) географических образов. М., 2014. 592 с.
59. *Западов А.В.* Русская журналистика XVIII века. М.: Наука, 1964. 224 с.
60. *Зубков К.И.* Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение. Уральский исторический вестник. №3. 2013. С. 20–29.
61. *Ибнеева Г.В.* Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж.Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История», 2014. Т. 9. С. 24–29.
62. *Ибнеева Г.В.* Коммуникативное пространство церемониала путешествий Екатерины II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы Международной научно-практической

- конференции / под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2015. С. 296–301.
63. *Ивинский А.Д.* Русская литература XVIII века и культурный проект Екатерины II. М.: Водолей, 2023. 400 с.
64. *Ингерфлом К.С.Н.* Историографический миф о верности «государству» при Петре Великом. Опыт применения Begriffsgeschichte к русской истории // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 252–279.
65. *Индова Е.Я.* Вопросы земледелия в "Трудах Вольного экономического общества» во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970 - Рига, 1977. - С. 114-123.
66. *Калмычкова Е.Н.* «Единочаятели» Посошкова (сочетание теоретической и прикладной экономической науки в исследованиях российских ученых XVIII начала XIX веков) // ИС. 2014. №1. С.74-83.
67. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.
68. *Капустин Б.Г.* Тезисы о политической философии // Политическая концептология № 2, 2011. С. 39–46.
69. *Каратаев Н. К.* Очерки по истории экономических наук в России XVIII века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 290 с.
70. *Кауркин Р.В.* Формирование читательской среды в России второй половины XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, №6, 2009. С. 25–30.
71. *Киселев М.А.* Вопросы образования в Уложенной Комиссии 1754–1766 годов // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 317–345.
72. *Киселев М.* «В пользу отечества и в авантаж главному государственному члену, то есть дворянству»: записка П.И. Шувалова об артиллерийском и инженерном образовании. // «Регулярная академия учреждена будет...»:

Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 346–362.

73. *Киселева М.С., Чумакова Т.В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей // Вопросы философии. М., 2009, №9. С. 41-55.

74. *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.

75. *Клейтман А. Л.* Сообщение из Царицынской комендантской канцелярии профессору Гмелину как источник по истории нижнего Поволжья второй половины XVIII столетия // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. №2. С.159-163.

76. *Ковалевский М.М.* К 150-ти летнему юбилею Вольного экономического общества // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 389–399.

77. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

78. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

79. *Кондрашина Д.А.* «Механик» Болтон и реконструкция Санкт-Петербургского монетного двора. По материалам книги Ричарда Доти «Монетный двор в Сохо и производство денег» // Нумизматика. 2008. № 16. С. 25–29.

80. *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII вв. Л., 1974. 212 с.

81. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. 275 с.

82. *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб: Академический проект, 1996. 387 с.

83. *Кузнецова Н.И.* Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII - середина XIX вв.), М.: Эдиториал УРСС, 1998. 224 с.

84. *Кулакова И.П.* Г.Ф. Миллер — агент европейского культурного влияния в России // Г.Ф. Миллер и русская культура, отв. ред. Д. Далльман, Г.И. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. С. 340–357.
85. *Кулакова И.П.* Европейская культура и становление российских университетских традиций в XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А.В. Доронин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 190–204.
86. *Кулакова И. П.* Российское “просвещенное дворянство” в контексте идей Нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII–XIX вв.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Т. 36 М., 2011. С. 90–119.
87. *Кулакова И.П.* Казус М.В. Ломоносова: статус и формы самореализации ученого в России XVIII в. // Знатным украшением отечеству послуживший. Творчество М.В. Ломоносова и культура России Нового времени / Отв. ред. А.К. Гладков. М.: Канон, 2014. С. 45–73.
88. *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Краткий исторический очерк деятельности И.В.Э. Общества со времен его основания, преимущественно в деле собирания и разработки статистических сведений о России и распространении знаний в населении. СПб.: Типография В. Демакова, 1897. 18 с.
89. *Кусбер Я.* «Далекие центры науки»? // «Быть русским по духу и европейцем по образованию: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. Отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. серии А.В. Доронин. М., 2009. С. 71–82.
90. *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 613 с.
91. *Лапин Н. И.* Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. № 7. 2000. С. 3–11.

92. *Лёгкая Н.Б.* Вольное экономическое общество России: путь созидания // Труды Вольного Экономического общества России. 2016. Т. 200. С. 44–49.
93. *Лотман Ю.М.* Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 118–159.
94. *Лукичёв П.М.* Императорское вольное экономическое общество: эволюция первого научного общества России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-volnoe-ekonomicheskoe-obschestvo-evolyutsiya-pervogo-nauchnogo-obschestva-rossii> (дата обращения: 01.02.2021).
95. *Лупанова Е.М.* Культурные опыты в русском лесном хозяйстве XVIII века // Историко-биологические исследования. 2016. Том. 8. № 2. С. 68–82.
96. *Лупанова Е.М.* Регулирование лесопользования Адмиралтейским ведомством в 1798-1802 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. №5. С.33-45.
97. *Любавский М.К.* Русская история XVII–XVIII веков. СПб.: Издательство «Лань», 2002. 576 с.
98. *Мавродин В.В.* Крепостнический характер дворянского предпринимательства конца XVIII и начала XIX вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №4. С. 120-134.
99. *Марасинова Е.Н.* Вотчинник или помещик? // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С.135-145.
100. *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999. 318 с.
101. *Марасинова Е.Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история № 4, 2007. С. 21–33.
102. *Марасинова Е.Н.* «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме

- адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А.В. Доронин., М.: РОССПЭН, 2008. С. 99-118.
103. *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 458 с.
104. *Мартынов И.Ф.* Книга в русской провинции 1760–1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 109–125.
105. *Мелехов И.С.* Очерк развития науки о лесе в России. М.: Академия Наук СССР, 1957. 208 с.
106. *Мердер И.К.* Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства. СПб, 1868. 162 с.
107. *Милов Л.В.* Исследование об "Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М.: Издательство Московского Университета, 1965. – 313 с.
108. *Мильков Ф.Н. П.И. Рычков.* М.: Географгиз, 1953. 144 с.
109. *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т.2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 911 с.
110. *Мокир Дж.* Промышленная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 792 с.
111. *Мохначева М.П.* Агрономические листки, ручные и карманные книжки: журнальный тип издания «Практических наставлений» сельским домохозяевам XVIII – середины XIX вв. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 164–174.
112. *Мюллер-вилле Ш.* Экономия природы в классической естественной истории // Историко-биологические исследования. 2012. №4. С.38-49.

113. *Неустроев А.Н.* Библиографическое описание первых LIV частей трудов Императорского вольного экономического общества. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1874. 23 с.
114. *Никитин Н.П.* Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 43–104.
115. *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. xl + 774 с.
116. *Омельченко О.А.* Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001. 160 с.
117. *Омельченко О.А.* Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы // Вестник МГИУ. Серия Гуманитарные науки. № 2. – М., 2002. - С. 71 – 90.
118. *Омельченко О.А.* Государственное хозяйство и экономическая реформа в законодательной политике «просвещенного абсолютизма» в России // Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 324–355.
119. *Омельченко О.А.* Официальная политическая теория русского абсолютизма // Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 52–76.
120. *Осипов В.И.* Петербургская Академия Наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. 160 с.
121. *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы в России (дореформенный период). Дис. ... канд. экон. наук. М., 1955
122. *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России 1765 -1917 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1965. 160 с.
123. От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / [Л. В. Милов, Л. И. Бородкин, Т. В. Иванова и др.]; Под ред. Л. В. Милова. – М.: Прогресс, 1994. 443 с.

124. *Пахман С.* О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России. Казань: Университетская типография, 1855 г. 100 с.
125. *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова., СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1867. 184 с.
126. *Петрова В.А.* Иностранная корреспонденция Вольного экономического общества во второй половине XVIII в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки (к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина), Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. С. 159–178.
127. *Петрова В.А.* Вольное экономическое общество как проявление просвещенного абсолютизма. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
128. *Плаксин В.Н.* История становления и развития сельскохозяйственного образования и научной агрономии в Черноземном центре России (XVIII–нач. XX века). Дис... док. ист. наук. Воронеж, 2002
129. *Плотников А.Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века. М., 2007. 240 с.
130. *Пономарев Н.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени. СПб: Типография В. Киршбаума, 1888. xxiv + 402 + 9 с.
131. *Попов Н.* Дворянский либерализм первой четверти XIX в. // Вопросы гражданской истории. 1935. I. С. 89–159.
132. *Попов Г. Х., Красильников. В.В.* Вольное экономическое общество и социально-экономические реформы в России. // Вопросы экономики. № 9. М., 2005. С. 120-131.
133. *Правосудов С.А.* Вопросы местного самоуправления в трудах членов Вольного экономического общества. Дис. ... канд.ист. наук. М., 2001.
134. *Преображенский А.И.* Экономические карты в дореформенной России. Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 105–138.
135. *Пытин А.Н.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII-м веке // Вестник Европы, 1884. Том 3, Кн. 6. С. 548-600.

136. *Пятницкая К.Н.* Вольное экономическое общество и вопросы развития сельского хозяйства во второй половине XVIII. в и первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1950.
137. *Радовский М.И.* Из истории англо-русских научных связей. М., Л., 1961.
138. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
139. *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвис- Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. С. 48–79.
140. *Разманова Н.А.* Челобитья торговых людей, Торговый и Новоторговый уставы как источники формирования экономических воззрений И. Т. Посошкова // Историко-экономические исследования. 2014. №1. С. 45–63.
141. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 240 с.
142. *Репина Л., Высокова В., Соболева Л.* Идеи и ценности: Британия и Россия в эпоху перемен // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756
143. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом. Гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
144. *Родный А. Н.* Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII – первой половине XIX века // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. №. 2. С. 9–28.
145. *Рогущина Л.Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. Дис. ... канд.ист. наук. СПб., 2002.
146. *Рош Д.* Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь. / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 359–368.

147. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957. 495 с.
148. *Рудакова И.В.* Социокультурный подход как методологический принцип // Манускрипт. 2017. № 11 (85). С. 159–162.
149. *Рыжков В.С.* «Домостроительство» и политика: Место представлений о правильном устройстве сельского поместья в системе общественно-политических взглядов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века* / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012. С. 327–374.
150. *Рязанова Л.В.* Документы о покупке земельного участка для Ботанического сада Петербургской Академии наук в 1786 году // *Историко-биологические исследования*. 2011. №3. С. 100–106.
151. *Самарин А. Ю.* Немцы – создатели первых частных типографий в России // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А.В. Доронин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 221–235.
152. *Самарин А.Ю.* Типографщики и книгочеты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века / А.Ю. Самарин, М.: Пашков дом, 2015. 414 с.
153. *Сафронова Ю.* Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.
154. *Сдвижков Д.* Самодержавие любви: 1812 год как роман. Отечественные записки №6 (63), 2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman> (дата обращения: 1.06.2017).
155. *Сдвижков Д.* Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 392 с.
156. Сельскохозяйственные общества // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. т. XXIX. 1900. С. 414–419.

157. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: Т. 1-2 / [Соч.] В. И Семевского. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. 2 т.
158. *Смахтина М.В.* Хозяйственный рационализм остзейских и русских образцовых инструкций второй половины XVIII в.: опыт изучения «Трудов» имп. Вольного экономического общества // Г.Ф. Миллер и русская культура, отв. ред. Д. Далльман, Г.И. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. С. 198–214.
159. *Смит Д.* Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 224 с.
160. *Соболевская Т.Н.* Распространение изданий тобольской типографии Корнильевых (конец XVIII в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С.3–13.
161. *Судейкин В.Т.* Вольное экономическое общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. VII. 1892. С. 138-142.
162. *Степанский А.Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979. 80 с.
163. *Стецкевич Е.С.* О социальном положении служащих Петербургской академии наук (1720-е – 1760-е гг.) // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб, 2007. С. 37–55.
164. *Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А.* Становление государственной медицины (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Сообщение 1. Возникновение концепции медицинской полиции, органов управления медико-санитарным делом, врачебно-санитарного законодательства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. №1. С.44-49
165. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство. М.: Наука, 1974. 396 с.
166. *Троицкий С.М.* Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. 256 с.
167. *Тропин Н.А.* Карл Петрович Ридингер: лифляндский дворянин на службе Российской империи [Электронный ресурс] // Genesis: исторические

- исследования. 2017. № 2. С.143-154. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.2.21637. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_21637.html (Дата обращения: 28.08.2022).
168. *Туманова А.С.* Формирование социокультурных и правовых основ для общественной самоорганизации в имперской России // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв.ред. А.С. Туманова М., 2011. С. 166–216.
169. *Турчинович О.* История сельского хозяйства России от времен исторических до 1850 года, СПб, 1854. iv + 168 с.
170. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. 671 с.
171. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.
172. [Фальк И.П.] Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук по предложению ее президента, с прим., изъясн. и дополн. Т.6. Записки путешествия академика Фалька / Пер. с нем. П. Петрова. – СПб.: При Имп. АН, 1824. – X с. + 446 с.
173. *Федюкин И.И.* «Прожекторы» как административные предприниматели: Становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., Новое издательство, 2015. С. 13–33.
174. *Федюкин И.И., Лавринович М.,* Сухопутный кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы и его берлинский прообраз. // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., Новое издательство, 2015. С. 264–316.
175. *Фель С.Е.* Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 5–22.
176. *Ферроне В.* Наука // Мир Просвещения. Исторический словарь. / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 342–350.

177. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб: А-Сад, 1994. 407 с.
178. Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1865. 683 с.
179. Хоффман Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 192 с.
180. Хэфнер Л. Civil society, Bürgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 161–208.
181. Чистович Я. История первых медицинских школ в России, СПб., 1883 г. 1040 с.
182. Чугунов А.К. Исторический обзор мер правительства к развитию земледелия в России, Казань: Губернская типография, 1858. 129 с.
183. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Издательский дом «Искусство», 2001. 256 с.
184. Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
185. Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. М.: «Новое литературное обозрение», 2015. 536 с.
186. Шипилов А.В. Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в. // *Вопросы истории*. 2014. № 8. С. 89–102.
187. Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. 365 с.
188. Шоу Д. Дж. Б. Утилитарность в естественной истории: некоторые представления о живой природе в России XVIII века // *Историко-биологические исследования*. 2010. Том 2. № 4. С. 35–50.
189. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: В 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. LVI + 496 с.

190. *Щербинина Н.Н.* Представления о природных ресурсах в России: XVIII век: автореферат дис. ... кандидата географических наук: 07.00.10 / Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. - Москва, 2005. - 25 с.
191. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. М. 1999. 416 с.
192. *Юдин Г.Б.* Иллюзия научного сообщества. Социологическое обозрение. Т. 9. №3. 2010. С. 57–84.
193. *Юферова С.В.* Вольное экономическое общество и помещичье хозяйство во второй половине XVIII в. Дис. ... канд.ист. наук. М., 1993.
194. *Adler K.* Scientific Conventions: International Assemblies and Technical Standards from the Republic of Letter to Global Science in *Nature Engaged*. Science in Practice from the Renaissance to the Present, eds. by Mario Biagioli and Jessica Riskin. Palgrave Macmillan, 2012. pp. 19–39.
195. *Allan D. G. C.* The Society of Arts and Government, 1754-1800: Public Encouragement of Arts, Manufactures, and Commerce in Eighteenth-century England // *Eighteenth-century Studies*. 1974. vol. 7. №. 4. P. 434-452.
196. *Baten J., van Zanden J.L.* Book production and the onset of modern economic growth. *Journal of Economic Growth* (2008) №13, pp. 217–235.
197. *Bartlett R.* ‘Ropsha, where Peter III was murdered...’: Faces and Façades of an Imperial Estate // *Personality and Place in Russian Culture: Essays in Memory of Lindsey Hughes*; ed. by Simon Dixon, 2010. P. 158–179.
198. *Bartlett R.* Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy // *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*, eds. by Marten Seppel and Keith Tribe. Boydell Press, 2017. P. 65–66.
199. *Beales D.* Joseph II, Petitions and the Public Sphere // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. eds by H. Scott, B.Simons, Cambridge, 2007. P. 249–268.
200. *Biagioli M.* Etiquette, Interdependence, and Sociability in Seventeenth-Century Science // *Critical Inquiry*, Vol 22, No. 2 (Winter 1996), pp. 193–238.

201. *Blanning T.C.W.* The French revolution: class war or culture clash? Macmillan International Higher Education. 2nd ed. vii + 87 p.
202. *Bödeker H.E.* Economic Societies in Germany, 1760–1820: Organization, Social Structures and Fields of Activities // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012, pp. 182–211.
203. *Bond E.A.* Circuits of Practical Knowledge: The Network of Letters to the Editor in the French Provincial Press, 1770–1788. *French Historical Studies* 2016 39 (3), pp. 535–565.
204. *Bonnyman B.* Agrarian Patriotism and the Landed Interest: The Scottish Society of Improvers in the Knowledge of Agriculture, 1723–1746 // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012. pp. 26–51.
205. *Broman T.* The Habermasian Public Sphere and “Science in the Enlightenment” // *History of Science* Vol 36, Issue 2, pp. 123 – 149.
206. *Brown J.H.* The Publication and Distribution of the Trudy of the Free Economic Society, 1765–1796 // *The Russian Review*, Vol. 36, No.3 (Jul., 1977), pp. 341–350.
207. *Brown J.H.* The Free Economic Society and the Nobility, 1765–96: Some Observations // *Canadian-American Slavic Studies*, 14, No. 3 (Fall 1980), pp. 427–35.
208. *Brown R.* Appendix // General view of the Agriculture of the West Riding of Yorkshire London, 1799.
209. *Burke P.* (2012), 'The Republic of Letters as a communication system, *Media History*, 18 (3-4), pp. 395-407.
210. *Briggs R.* The Académie Royale des Sciences and the Pursuit of Utility // *Past & Present*, No. 131 (May, 1991), pp. 38–88.
211. *Campbell P.* The language of patriotism in France, 1750-1770. *e-France: an online journal of French studies*, 2007, 1. pp. 1-43.

212. *Caradonna J. L.* The Enlightenment in Practice: Academic Prize Contests and Intellectual Culture in France, 1670–1794. Ithaca: Cornell University Press. 2012. 352 p.
213. *Clark P.* British Clubs and Societies. The Origins of an Associational World, 2002. 534 p.
214. *Confino M.* Russia Before The 'Radiant Future': Essays in Modern History, Culture, and Society. Berghahn Books, 2011. 310 p.
215. *Darnton R.* The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History (Basic Books Classics), 2009. 298 p.
216. *de Pleijt A.M.* (2018). Human Capital Formation in the Long Run: Evidence from Average Years of Schooling in England, 1300-1900, *Cliometrica*, vol. 12, no. 1. P. 99–126.
217. *Dennison T. K.* Did serfdom matter? Russian rural society, 1750–1860. // *Historical Research*, 2006, 79: 74–89.
218. *Cooper A.* “The Possibilities of the Land”: The Inventory of “Natural Riches” in the Early Modern German Territories. *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Suppl. pp. 129–153.
219. *Cross A. G.* By the Banks of the Neva: Chapters from the lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia. Cambridge University Press, 1997. 474 p.
220. *Dickinson S.* Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Rodopi, 2006. vol. 45. 291 p.
221. *Dickinson S.* Отечество, отчизна, родина: Russian ‘Translations’ of Patrie in the Napoleonic Period. In *French and Russian in Imperial Russia*, vol. 2, edited by Derek Offord, Lara Ryazanova–Clarke, Vladislav Rjèoutski, Gesine Argent. Edinburgh University Press, 2015, pp. 179–196.
222. *van Driel J.* Ashes to ashes: The stewardship of waste and oeconomic cycles of agricultural and industrial improvement, 1750–1800 // *History and Technology*, 2014, Vol. 30, No. 3, pp. 177–206.

223. *Engelhardt J.* Patriotism, nationalism and modernity: the patriotic societies in the Danish conglomerate state, 1769–1814. *Nations and Nationalism*, 2007, 13. pp. 205–223.
224. *Eskildsen K.R.* “How Germany Left the Republic of Letters.” *Journal of the History of Ideas*, vol. 65, no. 3, 2004, pp. 421–432.
225. *Firth A.* (1998) From oeconomy to ‘the economy’: population and self-interest in discourses on government. *History of the Human Sciences*, vol. 11, No.3, pp. 19–35.
226. *Fissel M., Cooter R.* Exploring Natural Knowledge: Science and the Popular in *The Cambridge History of Science. Volume 4: Eighteenth-Century Science* ed. by Roy Porter (Cambridge, 2003), pp. 129–158.
227. *Fumaroli M.* The Republic of Letters // *Diogenes*. 1988 Vol. 36, Is. 143. Pp. 129-152.
228. *Fussel G.E.* Agricultural Science and Experiment in the Eighteenth Century: An Attempt at a Definition. *The Agricultural History Review*, vol. 24, no. 1 (1976), pp. 44–47.
229. *Gordin M.* The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences. // *Isis*. vol. 91, No. 1 (Mar., 2000), pp. 1–31.
230. *Habermas J.* *The structural transformation of the public sphere*; MIT: 1991. 321 p.
231. *Hont I.* Correcting Europe’s political economy: The virtuous eclecticism of Georg Ludwig Schmid // *History of European Ideas* 33 (2007), pp. 390–410.
232. *Howse R.* (2006). Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace. *Brookline Journal of International Law*, vol. 31, issue 3, pp. 639–708.
233. *Hufbauer K.* *The Formation of the German Chemical Community, 1720-1795*. University of California Press, 1982. 312 p.
234. *Jones P.M.* Living the Enlightenment and the French Revolution: James Watt, Matthew Bolton, and Their Sons // *The Historical Journal*, Vol. 42, No. 1 (Mar., 1999), pp. 157–182.

235. *Jones P.M.* Agricultural enlightenment: knowledge, technology, and nature, 1750–1840 (Oxford: Oxford University Press), 2016. 268 p.
236. *Jonsson F.A.* “Rival Ecologies of Global Commerce: Adam Smith and the Natural Historians.” *The American Historical Review* 115 (2010). pp. 1342–1363.
237. *Leckey C.* Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796, *Slavic Review*, Vol. 64, No. 2 (Summer, 2005), pp. 355-379.
238. *Leckey C.* Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in eighteenth-century Russia. Newark: University of Delaware Press. 2011. 213 p.
239. *Livesey J. A.* Kingdom of Cosmopolitan Improvers: The Dublin Society 1731–1798. // *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012. pp. 52–72.
240. *Daston L.* (1991). The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment. *Science in Context*, 4, pp. 367-386.
241. *Lowry S.T.* The Agricultural Foundation of the Seventeenth-Century English Oeconomy. *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Suppl. pp. 74–100.
242. *Frank A. J. L.* James (2015) “Agricultural Chymistry is at present in it's infancy”: The Board of Agriculture, The Royal Institution and Humphry Davy, *Ambix*, 62:4, 363-385.
243. *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*, vol. 91, No. 1 (Feb., 1986), pp. 11–36.
244. *Kamenskii A.* Do We Know The Composition of the 18th Century Russian Society // *Cahiers du monde russe*, 2014/1, Vol. 55, pp. 135–148.
245. *Kaplan V.* *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. Indiana University Press, 2017. 416 p.
246. *Koerner L.* *Linnaeus: Nature and Nation*. Harvard University Press. 1999. viii + 297 p.
247. *LeDonne J.* *Russia. Politics and administration in the Age of Absolutism, 1762–1796*, Princeton University. 376 p.

248. *Marker G.* Russia and the “Printing Revolution”: Notes and Observations // *Slavic Review*, vol. 41, No. 2 (Summer, 1982), pp. 266–283.
249. *Maerker A.* Political Order and the Ambivalence of Expertise: Count Rumford and Welfare Reform in Late Eighteenth-Century Munich // *Osiris*, Vol. 25, No. 1, Expertise and the Early Modern State. 2010, pp. 213–230.
250. *Marjanen J.* Moral economy and civil society in eighteenth-century Europe: the case of economic societies and the business of improvement. *Journal of Global Ethics* 2015, 11:2. pp. 205-217.
251. *Melton E.* Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia // *The Journal of Modern History*, vol. 62, no. 4 (Dec., 1990), pp. 675–708.
252. *Mitchison R.* The Old Board of Agriculture (1793–1822). *The English Historical Review*, Vol. 74, No. 29 (Jan., 1959), pp. 41–69.
253. *Mokyr J.* The Intellectual Origins of Modern Economic Growth // *Journal of Economic History* 65 (2005:2), pp. 285–351.
254. *Müller-Wille S.* Nature as a Marketplace: The Political Economy of Linnaean Botany. *History of Political Economy* 2003, Volume 35, Number Suppl. pp. 154–172.
255. *de Pleijt A.M., van Zanden J.L.* Accounting for the “Little Divergence”: What drove economic growth in pre-industrial Europe, 1300–1800? *European Review of Economic History* 2016, 20. pp. 387–409.
256. *Pocock J.G.A.* *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition.* Princeton University Press, 1975. 602 p.
257. *Popplow M.* Why Draw Pictures of Machines? The Social Contexts of Early Modern Machine Drawings in *Picturing Machines 1400–1700* ed. By Wolfgang Lefèvre (Cambridge, MA), 2004. pp. 17–48.
258. *Popplow M.* “Economizing Agricultural Resources in the German Economic Enlightenment.” In *Materials and Expertise in Early Modern Europe*, edited by Ursula Klein and E. C. Spary. Chicago: University of Chicago Press, 2010. pp. 261–287.

259. *Popplow M.* (2012) Knowledge Management to Exploit Agrarian Resources as Part of Late-eighteenth-century Cultures of Innovation: Friedrich Casimir Medicus and Franz von Paula Schrank, *Annals of Science*, 69:3, pp. 413-433.
260. *Prescott J. A.* The Russian free economic society: foundation years // *Agricultural History*. 1977. vol. 51. Is. 3. pp. 503-512.
261. *Raeff M.* In the imperial manner // *Catherine the Great A profile* NY Hill. Wang, 1972. pp. 197–246.
262. *Reinert S.A.* Patriotism, Cosmopolitanism and Political Economy in the Accademia dei pugni in Austrian Lombardy, 1760–1780 // *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012. pp. 130–156.
263. *Roberts L.* Practicing oeconomy during the second half of the long eighteenth century: an introduction // *History and Technology*, 2014, Vol. 30, No. 3. pp.133–148.
264. *Roberts L. L., Werrett S.* Introduction: far more intimate acquaintance” // *Compound Histories*. Brill, 2018. Pp. 1-33.
265. *Robson E.* Improvement and epistemologies of landscape in seventeenth-century English forest enclosure. *The Historical Journal*, vol. 60, no. 3, 2017, pp. 597–632
266. *Said E.W.* *The World, the Text, and the Critic*. Harvard University Press, 1983. 327 p.
267. *Salvatore A.* *The Public Sphere. Liberal Modernity, Catholicism, Islam*. Palgrave Macmillan, 2007. x + 304 p.
268. *Schabas M., de Marchi N.* Introduction to Oeconomies in the Age of Newton // *History of Political Economy* 2003 Volume 35, Number Suppl, pp. 1-13.
269. *Schierle I.* Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia. *Ab Imperio*, vol. 2009 no. 3, 2009, pp. 65-93.
270. *Seci G.* Policy debate on economic development in Scotland: the 1720s to the 1730s // *The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Ed by Tatsuya Sakamoto and Hideo Tanaka, 2003. Pp. 36-52.

271. *Sheehan J.J.* Introduction: culture and power during the long eighteenth century // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*, eds. by Hamish Scott and Brendan Simms, Cambridge, 2007. Pp. 1-13.
272. *Schnakenbourg É.* (2017) The Conditions of Trade in Wartime: Treaties of Commerce and Maritime Law in the Eighteenth Century. In: Alimento A., Stapelbroek K. (eds) *The Politics of Commercial Treaties in the Eighteenth Century*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 217–242.
273. *Shovlin J.* The Society of Brittany and the Irish Economic Model: International Competition and the Politics of Provincial Development // *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012. pp. 73–95.
274. *Spary E.C.* *Eating the Enlightenment: Food and the Sciences in Paris, 1670–1760*. University of Chicago Press, 2012. 368 p.
275. *Spary E.C.* *Feeding France: New Sciences of Food 1760–1815* (Cambridge University Press), 2014. 428 p.
276. *Stanziani A.* *Bondage, Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries*, New York – Oxford: Berghahn [International Studies in Social History, 24], 2014, 258 p.
277. *Stapelbroek K., Marjanen J.* Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies // *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Eds. by Koen Stapelbroek, Jani Marjanen (Palgrave Macmillan), 2012. Pp. 1–25.
278. *Tribe K.* *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750-1950*. Cambridge, 2007. 300 p.
279. *Tollnek F., Baten J.* (2017): Farmers at the heart of the ‘Human Capital Revolution’? Decomposing the numeracy increase in Early Modern Europe. *The Economic History Review* 70 (3), pp. 779-809.
280. *Vinnal H.* (2014) The world refuses to shrink: the speed and reliability of information transmission in North and Baltic Sea region, 1750–1825 // *European Review of Economic History*, 18, pp. 398–412.

281. *Wakefield A.* The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice. The University of Chicago Press, 2009. 240 p.
282. *Wakefield A.* Andre Wakefield (2014) Butterfield's nightmare: the history of science as Disney history, *History and Technology*, 30:3, pp. 232-251.
283. *Warde P.* The Idea of Improvement, c. 1520–1700. // *Custom, Improvement and the Landscape in Early Modern Britain*, ed. by Richard W. Hoyle, 2011, pp. 137–158.
284. *Werrett S.* The Panopticon in the Garden: Samuel Bentham's Inspection House and Noble Theatricality in Eighteenth-Century Russia // *Ab Imperio*, 3/2008, pp. 47–70.
285. *Withers Ch. W. J.* Placing the Enlightenment: Thinking Geographically About the Age of Reason. University of Chicago Press, 2007. 336 p.
286. *Wyss R., Stuber M.* Paternalism and Agricultural Reform: The Economic Society of Bern in the Eighteenth Century // *Stapelbroek K., Marjanen J. (eds) The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. Palgrave Macmillan, London, 2012. pp. 157–181.
287. *van der Zande J.* Statistik and History in the German Enlightenment // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 71, No. 3 (July 2010), pp. 411-432.

Вспомогательные издания

1. Экономика и экономические науки в XVIII в. Каталог изданий (1725–1800). – М.: ГПИБ, 1981. – 22 с.
2. Сельское хозяйство и лесоводство в XVIII в. (Издания 1725–1800 гг.). М.: ГПИБ. – 1984. – 20 с.

Электронные ресурсы

1. Сайт ВЭО России [Электронный ресурс] URL: <http://veorus.ru> (Дата обращения: 28.08.2022).

ПРИЛОЖЕНИЕ⁷⁰⁶

Собрание открыто чтением Высочайшего Рескрипта ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
блаженные памяти ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ второя о учреждении
Экономического общества

По сем член и непрременный

---

⁷⁰⁶ Речь была прочитана 20 октября 1800 года на торжественном собрании ВЭО, посвященному дню рождения императора и годовщине основания ВЭО. См.: РГИА, ф. 91, д. 61, оп. 1, л. 128 об. — 139 об.

ПОЧТЕННЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ

[129]⁷⁰⁷ Настоящее празднество, совершаемое в честь всерадостнейшаго дня рождения ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и дня достопамятнаго учреждения Экономическаго Общества, возлагает на сердца знаменитаго сего сословия три соответственныя важности торжества сего обязанности...

1^е. Принесения душевнаго благодарения всевышнему, увенчающему в течение тридцати шести лет посильныя труды Общества, исполнением тех общественнополезных намерений и попечений, которыя оно на пользу и благосостояние человеческого рода на всегда предположило

[129 оборот] 2^е Изъявление сердечнаго верноподданейшаго благоговения ко всеавгустейшему МОНАРХУ, высочайшим покровительством своим вливающему в сердца наш дух соревнования о примышлении полезнаго для человечества и 3^е. Оказание достодолжной признательности похвальному единодушию почтенных сочленов, усердствующих государству знаниями и домыслом своих, споспешествовавших процветанию Общества нашего и знаменитости его между учеными сословиями всей Европы.

Сими чувствованиями одушевляемому почтенному Собранию что представить в сие торжество лучше можно, как не изложение усердных его трудов вспомошествоваемых благодетельным споспешествованием наших МОНАРХОВ: ибо сколь бы стремительно ни было рвение общества к полезному, нельзя бы было достигь тех успехов в разных отраслях земледелия и хозяйства, [130] когда бы оно не было сопровождаемо просвещенным пособием всеавгустейшеих ГОСУДАРЕЙ, ободрением их руководимо и

---

⁷⁰⁷ Нумерация от начала листа. Далее сноски как в оригинале.

щедротою подкрепляемо; тем паче, что пространство России по различным климатам разнообразными произведениями обилующей; население оной миллионами людей движимых различными пользами, господствующими мнениями, местными выгодами и так сказать различными чувствованиями, представляет обширное поле препятствий в произведении какого либо добраго и общепользнаго предприятия. С самага начала Общество наше было ободряемо, подкрепляемо и щедротою благодетельствовано блаженныя и вечнодостоинныя памяти учредительницею ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ.

Общим горечайшим сочувствованием всех ея божественных достоинств запечатлеть наше благоговение и глубочайшую к ней благодарность. —

Ныне почтеннейшие Сочлены! Как [130 оборот] не сознаем с сердечным удовольствием всех благодетельных намерений, всех человеколюбивых заведений, с толикою прозорливостию, на благо отечества усовершенствуемых и в действо производимых благочестивейшим ГОСУДАРЕМ Нашим ПАВЛОМ I всеавгустейшее покровительство собранию нашему дарующим.

При сем торжестве совершаемом в память всерадостнейшаго Рождения ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, достойно изчислить согласно цели настоящего собрания и правилами нашего общества, все блага на Россию излитыя и изливаемые в благополучное царствование его: Но блага от щедрой его десницы изливаемые сами по себе столь ощутительны, велики, неоцененны, что для возчувствования их не нужно ни какого описания, только наименовать оныя довлеет. Итак приступим к краткому показанию оных, сообразуясь главным предметам целию обществу нашему служащим — начнем от предмета, существование и пропитание нам составляющаго...

[131] 1. Земледелия

Излишне будет упоминать о всех открытиях, о старании общества к усовершенствованию древних и к распространению новых способов поправления земледелия. Труды Экономическаго Общества самага учреждения его издаваемые н, наполнены изящными сочинениями

относительно Удобрения Земли, (1) возделывания оной, (2) Разделения полей, (3) Приготовления семян, посева, (4) Собрания хлеба (5) и сохранения онаго; для чего орудия ко всем оным статьям относящиеся усовершенствованы всевозможным образом.

Но в успехах хлебопашества сколь не достаточны всякие примыслы, если не будет довольнаго у земледельца количества удобной земли; [131 оборот] если не подрепится сие благоразумным наставлением и ободрением, если не поддержится благодетельным принежастных не урожаев вспомоществованием. В сем усматриваем мы очевидно благодетельное промышление ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАГО МОНАРХА, когда радея о пользе поселянина, постановил ОН, чтобы малоземельные снабжены были 15^{ти} десятинною пропорциею земли на душу мужескаго пола*; Количеством по всем областям России и климатом довольным для обильнаго пропитания.

Для поправления и распространения всех отраслей земледелия, велением его учреждено училище земледелия⁷⁰⁸ в котором поселянину преподают без возмездно наставления в возделывании земли и всех родах сельскаго хозяйства (под надзиранием благоразумнаго начальника) открываются грубому его зрению пользы, кои местное закоренелое предразсуждение от него скрывало; [132] даруется ему обучением принаровлением к нашим климатам таких пособий, которым другия страны научены в течение целых веков... К вящему уже ободрению и подкреплению Оратая подушная недоимка нескольких лет всемилостивейше прощена, (1⁷⁰⁹), и при свирепстве стихий в прошлые два года, по разным областям, получил оный благодетельное вспоможение. (2⁷¹⁰)

Но сколь спасительным заведением четвертое лето государствования его ознаменовано!... Заведением дальновидным, славу настоящему, пользу будущему времени, отраду и вспомоществование позднему потомству

---

* Указ июля 21 дня 1798 года.

⁷⁰⁸ Указ на докладе Экспедиции Государственного хозяйства 20 дня 1798 года

⁷⁰⁹ Указ 18 декабря 1798 года.

⁷¹⁰ О вспомоествовании жителям новороссийской гбуернии

утверждающим. — Учреждение Сельских Запасных хлебохранилищ, обеспечивающих пропитание и обилие народное. Спасительное заведение которым из жадных челюстей злополучия всегда на род [132 оборот] смертных ожестаченного, исхищается не часть, но целое Государство. (1⁷¹¹) Всеблагое провидение увенчающее добрыя начинания, несумненно благословит желаемым успехом сие на человеколюбии основанное заведение, приводящему оное в действие название друга человечества дарующее.

2^e. Скотоводство, которое целые народы единым своим источником пропитания и богатства поставляют, у нас споручником земледелия почтающееся, было вторым предметом внимания сего почтенного сословия, его рачением показаны способы разведения скота, улучшение пород его и про: — О сих предметах Экономическаго общества преисполнены изящных сочинений.

Отрасль сия хозяйства составляющая пищу и главный промысел южных России стран, и важную статью коммерции, получила ныне новое облечение и приращение отрешением стеснявшаго оную збора за пастбу скота на таврических степях (a)⁷¹². Злоупотребление при выварке [133] сала удержаны (b)⁷¹³; Для лучшего употребления Российской шерсти, даны суконным фабрикам новыя облегчения (c)⁷¹⁴ и утверждены полезныя постановления. К вящему же поправлению скотоводства и улучшению российской шерсти, положено учредить в тавриде овчарные заводы (d)⁷¹⁵.

3^e. Лесоводство. К пользе коего различныя от нашего общества познания любезному отечеству открыты, получило ныне по всемилостивейшему изволению ГОСУДАРЯ, новое, на опытах целых столетий, на существенной пользе многих государств основанное положение, (*⁷¹⁶) которое под

---

⁷¹¹ Высочайше конформированный доклад Сената о сельских запасных магазейнах ноября 29 дня 1799 года.

⁷¹² Указом Июня 20 дня 1797 года.

⁷¹³ Указом Ноября 21 дня 1797 года.

⁷¹⁴ Указ Генваря 15 дня 1796 года.

⁷¹⁵ Указ Августа 7 дня 12 дня 1797 года.

⁷¹⁶ Имянной Указ Сенату Марта 12 дня 1798 года.

благоразумным руководством достойных особ оным распоряжающих, будет единым из источников Государственного богатства, славы и безопасности.

[133 оборот] 4^е Для пользы многих безлесных стран общество наше издавало описание известных родов строений из глины песку с землею и другими составами, и сии способы строения по возможности усовершенствовало. Ныне же, по высочайшему соизволению учреждено училище земляного битаго строения.

5^е. Недостаток в отоплении столь необходимом в северном климате понудил при безлесии некоторыя Государства прибегнуть к ископаемому углю, коим все нужды для варения разных заводов и рукомерл удовлетворены быть могут. Открытием сего нужного пособия в России, Экономическое общество может похвалиться. Сия ветвь государственнаго хозяйства, обратила ныне и на себя Монаршее внимание и одному из достойных членов нашего общества любителю природы препоручено делать прииски каменнаго угля по разным губерниям⁷¹⁷ равномерно прииск селитры и вверено училище земляного битаго строения.

[134] 6^е Попечением безсмертнаго ГОСУДАРЯ ПЕТРА I^{го} введенныя в южных странах России виноградныя насаждения, хотя в течение сего столетия, при великих от казны издержках довольно размножились: однако не такой успех приносили какого от них ожидать было можно. И по тому, поелику частная прибыль служит большим побуждением к общему интересу, то и виноградныя насаждения ныне к пользе общественной Высочайшим велением розданы в частное владение. К вящему же их успеху положено завести в южных губерниях училище винограднаго садоводства, от куда жители могут заимствоваться и знающими виноградарями, и разнаго рода лозами для разведения виноградных садов без возмездно; так же наставлениями в выдавливаннии, заквашивании и сохранении вин. К употреблению же с пользою остающихся [134 оборот] от них избытков повелено завести казенныя водочныя заводы, как накавказской линии так и в

---

⁷¹⁷ Указ 24 августа 1798 года.

Тавриде. И так при благословении божем, несумненная есть надежда, что сия часть сельскаго Домоводства дойдет до таких успехов, что удержать знатные суммы из Государства нашего в чужия краи за вина и виноградную водку выходящая.

7. Но паче прочих Экономических заведений шелководство, в течение двух лет получило невероятный успех всемилостивейшим Государя вниманием с самага вступления Его на престол на сию часть обращенным. Не нужно упоминать о начале сего заведения, столь много свойственного России, ниже о способах к усовершенствованию его служивших. Они начертаны в сочинениях некоторых почтенных сочленов наших именитых доказанным ученому свету познанием Государства нашего и паче в превосходных произведениях [135] славных академиков Лепехина и Палласа. Отрасль сея хозяйства и коммерции, богатство южных стран Европы и Китая, Персии и Леванта составляющие, была в России при великих от казны издержках, как бы хладом стеснена, доколи Всемилоостивейшим взор МОНАРХА подобно сиянию Солнца не разверз ея, и не привел в прозябение. Ибо доселе во всем Государстве выдελывалось шелку едва 65 пудов. Напротив того со времени состояния высочайше конформированнаго положения о шелководстве 8 ноября 1797 года разведение шелковичных дерев, и выделывание шелку нарочито умножилось. В течение же прошлаго 1799 года разведено 564,813 шелковичных дерев и выделано шелку 190 пудов 11 фунтов. На основании высочайше конфирмованной Записки 22 февраля сего года предписанною раздачею казенных заведений [135 оборот] бывших доселе в упадке, в частные руки; так же разделением удобных под шелководство земель помещикам и поселянам; ободрением казенных и служилых поселян в южных губерниях, награждениями каждому свойственными; покупкою от них шелку по вольной цене в казну; а паче высочайшим повелением представляет о дворянах отличавшихся в разведении шелководства на всемилостивейшее благоусмотрение Великаго ГОСУДАРЯ, часть сия дойдет до такого обилия, что нам не будет нужды в иноземном шелке.

При таковых от Великаго ГОСУДАРЯ отеческих распоряжениях, пособиях, ободрениях и наставлениях, как не возблагодарить все могущий промысл дарующий нашему времени все способы к приведению в совершенство разных частей Экономии частной и Государственной! Итак благославя [136] благодать Божию благодетельным сердцем Всемиловитейшаго ГОСУДАРЯ на пользу его стране и народа управляющую, как нам не поощряться таким высочайшим и светлейшим примерам к продолжению полезных человеколюбивых намерений и попечений, обилие частное составляющих и государственному богатству споспешествующих, кои общество себе на всегда к упражнению и исполнению предположило.

Видя столь знаменитыя МОНАРШІЯ попечения о благе его поданных почтеннейшие сочлены! за печатлеем слово сие единодушною глубочайшею благодарностию отеческому его предусмотрению любовью к поданным своим и благодушием движимому. Обратим усерднейшие сердца наши с искренним молением ко всевышнему, да укрепит Его здравие, да вознесет Его могущество, да прославит силу и величие Его для блага и утешением человечества.